

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (62)

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Карнишина Н. Г.</i> Периодическая печать Российской империи пореформенного периода второй половины XIX в. в контексте проблемы взаимодействия власти и общества	3
<i>Юркина Н. Н.</i> Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в.	10
<i>Лю Лэй.</i> Деятельность генерала Андрея Степановича Бакича и его отряда после отступления на территорию Синьцзяна	30
<i>Пожилков И. Е.</i> Эволюция системы мобилизации в китайскую Красную армию: от добровольчества к льготам и принуждению (1927–1934)	40
<i>Мозохин О. Б.</i> Компрометация маршала Георгия Константиновича Жукова	57
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Материалы к истории православия в Новосибирской области в первой половине 1950-х гг.	78
<i>Коньшиев Д. Н.</i> «Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру...» К вопросу о кукурузной кампании периода оттепели 1953–1964 гг.	86
<i>Митрофанов В. П.</i> Экономическая деятельность европейских иммигрантов в Англии второй половины XVI – начала XVII в.	103

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

<i>Танасов И. Д.</i> Некоторые аспекты реализации новой экономической политики в Пензенской губернии	115
<i>Иноземцев И. Н.</i> Здравоохранение Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и позднего сталинизма: к историографии проблемы	123
<i>Королев А. А., Вазеров И. Д.</i> Создание народных университетов в Пензенской области	134

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 2 (62)

2022

CONTENTS

HISTORY

Karnishina N.G. Russian periodical press in the post-reform period of the second half of the 19 th century in the context of the interaction problem between government and society	3
Yurkina N.N. The worldview evolution of the Russian students in the 19 th – early 20 th centuries	10
Liu Lei. The activities of General Andrei Stepanovich Bakich and his detachment after the retreat to the territory of Xinjiang	30
Pozhilov I.E. The evolution of the recruitment system of the Chinese Red Army: from volunteering to benefits and enforcement (1927–1934)	40
Mozokhin O.B. Compromising Marshal Georgy Konstantinovich Zhukov	57
Drobotushenko E.V. Materials on the history of Orthodoxy in the Novosibirsk region in the first half of the 1950s	78
Konyshchev D.N. “This ‘queen’, bluntly speaking, will bring us to beggary...” On the issue of the corn campaign of the thaw period of 1953–1964	86
Mitrofanov V.P. Economic activity of European immigrants in England in the second half of the 16 th – early 17 th centuries	103

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

Tanasov I.D. Some aspects of the implementation of the new economic policy in Penza region	115
Inozemtsev I.N. Healthcare of Penza region during the Great Patriotic War and late Stalinism: to the historiography of the problem	123
Korolev A.A., Vazzerov I.D. Creating people’s universities in Penza region	134

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94(47)

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-1

Периодическая печать Российской империи пореформенного периода второй половины XIX в. в контексте проблемы взаимодействия власти и общества

Н. Г. Карнишина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

karnishins@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Предпринята попытка понять, какова была роль прессы, степень ее влияния на жителей, понимание властями и современниками роли и места периодических изданий в информационном поле Российской империи периода системных реформ второй половины XIX в., в переходный период русской истории. Цель исследования – на основе проведенного анализа материалов официального документооборота, периодической печати и переписки современников изучить роль периодической печати как основного канала трансляции официальной информации в губернии Российской империи в 1860–1880-е гг. *Материалы и методы.* Исследование проведено на базе данных архивов, официального документооборота, материалов периодической печати поздней имперской России. Используются формально-логический и сравнительно-исторический методы научного исследования. Метод контент-анализа прессы позволил выявить тематику публикаций официального и неофициального разделов периодических изданий. *Результаты.* Решена основная задача – исследовать роль периодической печати в контексте взаимодействия и взаимовлияния власти и общества в модели российского государства второй половины XIX в. *Выводы.* Периодическая печать столицы и провинции Российской империи в 1860–1880-е гг. являлась основным официальным массовым источником информации для населения империи. Политика царского правительства в столицах и в крупных университетских городах в отношении печатных изданий несколько отличалась от проводимой провинциальной администрацией политики в отношении повременных изданий. В глубинке шире использовались методы прямых запретов и наложения административных взысканий, в то время как в столичных городах правительственные чиновники шире использовали возможности цензурирования изданий и вынесения предупреждений.

Ключевые слова: периодическая печать, цензура, официальная часть издания, правительственный чиновник

Для цитирования: Карнишина Н. Г. Периодическая печать Российской империи пореформенного периода второй половины XIX в. в контексте проблемы взаимодействия власти и общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–9. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-1

Russian periodical press in the post-reform period of the second half of the 19th century in the context of the interaction problem between government and society

N.G. Karnishina

Penza State University, Penza, Russia

karnishins@mail.ru

Abstract. *Background.* An attempt is made to understand what was the role of the press, the degree of its influence on the residents, the understanding of the authorities and contemporaries of the role and place of periodicals in the information field of the Russian Empire during the period of systemic reforms of the second half of the 19th century, in the transitional period of Russian history. The purpose of the work is to study the role of the periodical press as the main channel for broadcasting official information in the provinces of the Russian Empire in the 1860s–1880s on the basis of the analysis of the materials of the official document circulation, periodicals and correspondence of contemporaries. *Materials and methods.* The study was conducted on the basis of archives, official document management, materials of the periodical press of late Imperial Russia. The formal-logical method and comparative-historical methods of scientific research are used. The method of content analysis of the press made it possible to identify the topics of publications of the official and unofficial sections of periodicals. *Results.* In the course of writing the article, the main task was solved – to investigate the role of the periodical press in the context of interaction and mutual influence of power and society in the model of the Russian state of the second half of the 19th century. *Conclusions.* The periodical press of the capital and province of the Russian Empire in the 1860s and 1880s was the main official mass source of information for the population of the empire. The policy of the tsarist government in the capitals and in large university cities with respect to printed publications differed somewhat from the policy pursued by the provincial administration with respect to time-based publications. In the hinterland, methods of direct prohibitions and imposition of administrative penalties were used more widely. While in the capital cities, government officials made greater use of the opportunities to censor publications and issue warnings.

Keywords: periodical press, censorship, official part of the publication, government official

For citation: Karnishina N.G. Russian periodical press in the post-reform period of the second half of the 19th century in the context of the interaction problem between government and society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):3–9. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-1

При изучении роли периодической печати как основного и подчас для ряда территорий единственного источника массовой информации во второй половине XIX в. перед исследователями встает ряд вопросов, в частности можно ли говорить о различиях образованного общества столицы и провинции, исходя из круга интересов, предметов обсуждений, фельетонов и хроник печатных изданий; как менялся подход к пониманию роли прессы в опровержении слухов, в разъяснении позиции властей; насколько широко властями использовался инструмент цензуры для регулирования объема и содержания официальной информации, передаваемой населению.

Весьма показательна в этом плане рубрика «Местные известия» в «Губернских ведомостях». Рассматривая и сравнивая официальную и неофициальную части периодических изданий, можно наглядно увидеть,

насколько различны интересы читающей публики и тематика публикаций, рассчитанных на широкий круг читателей [1, с. 5–12].

В газете «Рязанские губернские ведомости» № 10 от 5 марта 1860 г. в рубрике «Местные известия» автор Ф. С. писал: «В Петербурге и в Москве газета и журнал меньше имеют значения для жителей этих городов; там они нередко передают уже виденное и слышанное их читателями, а у нас в провинции они являются передовыми вестниками умственной и общественной жизни. Вот почему с такими нетерпеливыми желаниями и требованиями мы относимся к органам современной мысли и жизни, которыми должны быть, по крайней мере, лучшие журналы и газеты. Открытие в уездных городах публичных библиотек, хотя бы небольших, но хорошо составленных из сочинений лучших писателей и из лучших журналов и газет, будет иметь чрезвычайно важное значение для умственного и нравственного оживления уездных жителей. А оживление это очень и очень нужно для нас и других героев, которые могли бы быть добрыми и честными людьми, если бы не одним собственным умом до всего доходили, если бы боялись не ревизора, а той мерзости, какая опутывает их ум и совесть» [2, с. 70].

Размышления современников о степени влияния прессы на представителей различных сословий, в частности, например, на сельское население в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., мы можем обнаружить в деловой переписке того времени. Интерес представляет подборка материалов «Бумаги и переписка о противоправных публикациях в газетах» Совета министра внутренних дел по делам печати из канцелярии МВД за 1864 г., посвященная анализу воздействия тех или иных публикаций в газетах на провинциальную публику [3].

В письме от 18 сентября 1864 г. П. А. Валуева А. Г. Петрову министр внутренних дел писал: «Нередко в периодических изданиях печатаются полемические статьи о ходе крестьянского дела в Юго-западном крае, составленные из присылаемой оттуда редакциям корреспонденции. В этих статьях не только развиваются односторонние суждения, вредящие правильному развитию крестьянского дела, но самые факты представляются в искаженном виде, от чего происходят большие затруднения на местах. В видах предупреждения этих затруднений я покорнейше прошу Ваше Превосходительство предложить цензорам Московского комитета не позволять к печати подобных полемических статей, впредь до особого распоряжения, и с тем вместе объяснить редакторам периодических изданий, что эта мера временная, вызванная крайней необходимостью» [3, л. 16–16 об.].

Для уяснения особенностей правительственного механизма трансляции официальной информации на места весьма показателен, на наш взгляд, следующий документ. В деле «По циркулярному предложению Господина Министра Внутренних Дел с объявлениями по поводу распространения в народе слухов о предстоящем, будто бы, в скором времени общем переделе земли» в июне 1879 г. П. А. Валуев писал: «При докладе настоящего дела мною объяснено Комитету Министров, что в виду быстрого распространения подобных слухов и явного вреда для общего порядка от укоренения в среде крестьянского населения злонамеренной пропаганды, я признавал совершенно необходимым сделать официальное объявление о полной неосновательности и лживости распространяемых слухов. Рассмотрев представленный мною

проект данного документа, Кабинет министров принял во внимание, что из многочисленных вопросов, служащих предметами противоправительственной пропаганды, вопросы, касающиеся устройства земледельческого быта крестьян, могут более других вселять смуту в понятия крестьян, по тесной связи этого предмета с личными интересами крестьянского населения». Далее в документе указано: «Проект “Объявления” повергнуть на Высочайшее его императорского величества благоусмотрение, испрашивая высочайшее соизволение на представление мне распорядиться рассылкой оного, с тем, чтобы “Объявление” это, независимого опубликования его в “Правительственном Вестнике”, было оповещаемо, по ближайшему усмотрению Главного и Губернского Начальства, в тех местностях и тогда именно, когда это будет признано полезным. В исполнение таковой Высочайшей воли, имею честь препроводить при сем к Правительству двести экземпляров Высочайше одобренного “Объявления” для повсеместного его оповещения по вверенной вам губернии, причем должно быть прочитано в волостях, на сходах, выставлено на всех видных местах в волостных правлениях и прибито к наружным стенам четырех входов в приходские церкви, а в губернских и уездных городах, в случае надобности, выставлено на всех рынках, торговых и базарных площадях. Экземпляры объявления могут быть тотчас высланы из Канцелярии в полном количестве по заявлению Вашего правительства. Экземпляры объявления могут быть заготавливаемы на местах только в том случае, если Ваше правительство признает необходимым перевести его на местное наречие» [4, л. 1–2]. Мы видим на данном примере, с какими затруднениями сталкивались правительственные чиновники в случаях необходимости изыскания возможностей доведения до сведения населения уездов необходимой информации, так как значительная часть жителей глубинки к читающей публике не относилась и газет не читала. В первую очередь это касалось сельского населения, что создавало дополнительные сложности при подготовке и проведении крестьянской реформы.

Если рассматривать орган периодической печати царской России как официальный бюрократический канал информации в контексте проблемы взаимодействия и взаимовлияния власти и общества, следует отдельно выделить некую общую политическую линию царского правительства в этом вопросе.

Наглядным примером может служить извещение Главным управлением по делам печати от 14 декабря 1878 г. редакторов «Московских ведомостей» М. Каткова, «Русских ведомостей» Н. Скворцова, «Московского обозрения» Н. Пушкарева, «Современных известий» О. Гилярова управляющим Министерством внутренних дел о недовольстве министра народного просвещения. В частности, в данном документе в довольно резкой форме сделано следующее замечание ведущим публицистам и издателям пореформенного времени: «В последнее время в бесцензурных газетах стали появляться обличительные статьи, в которых крайне резко и грубо обвиняется начальство в разных злоупотреблениях, причем обличаемые лица не называются прямо их фамилиями и званиями, а обрисовываются такими чертами, что на месте легко могут быть узнаны. Такой прием в случае неправильности обвинения не только лишает возможности обличаемых возбуждать судебные преследования против авторов, но даже печатать необходимые опровержения и исправления».

Управляющий МВД «признал нужным пригласить главных редакторов бесцензурных повременных изданий не допускать впредь подобных статей в печати, под опасением принятия строгих мер взыскания» [5, л. 31–32].

Далее в документе содержится требование в отношении редакторов бесцензурных газет и журналов «воздержаться от печатания порицательных и обличительных в отношении к полиции статей в уверенности, что правительство со своей стороны принимает все необходимые меры для устранения всяких поводов к таковым нареканиям на полицию и предупредить их, что на будущее время голословное и систематическое порицание полицейских учреждений и начальства в периодической печати неминуемо вызовет против виновных изданий самые страшные административные взыскания. Редакторы московских бесцензурных повременных изданий поставлены будут об этом в известность через посредство Московского генерал-губернатора» [6, л. 47].

Такая практика одергивания столичных редакторов получила широкое распространение особенно с 1870-х гг. с появлением частных периодических изданий.

В отношении провинциальных изданий столичное начальство позволяло себе еще более резкие высказывания и прямые угрозы. Министр внутренних дел П. А. Валуев, адресуясь Александру Григорьевичу Петрову, 18 июня 1864 г. писал: «В семьдесят первом номере “Русских ведомостей” напечатано известие из Казани о приговоре и казни нескольких политических преступников. Имея в виду, что судебские решения должны печататься в официальных газетах, покорнейше прошу уведомить меня, чем руководствовалась московская цензура в допущении к печати в “Русских ведомостях” выше-назначенной статьи, тогда как приговор еще не опубликован в установленном порядке в официальных газетах» [7, л. 10–10 об.].

В письме П. А. Валуева А. Г. Петрову от 9 августа 1864 г. министр писал: «В № 31 газеты “День” помещена передовая статья, в которой при объяснении понятия о вере и народности заключается прямое возбуждение о племенной ненависти народов, населяющих Россию. Статья эта, на основании цензурных постановлений, не подлежала пропуску в печать, а потому о таковом упущении со стороны Московской цензуры не могу пройти молчанием и прошу Ваше Превосходительство поставить на вид тому цензору, которому поручено рассмотрение статей, предназначенных для помещения в газете “День”» [7, л. 13–13 об.].

Весьма показательным в уяснении проблемы взаимодействия власти и общества посредством печатных изданий является «Дело по предложению Господина министра внутренних дел о недопущении чрезмерного распространения известий о военных и политических событиях между сельским населением» от 12 мая 1877 г., в котором содержится официальное письмо министра внутренних дел А. Е. Тимашева Московскому губернатору П. П. Дурново от 8 июня 1877 г. А. Е. Тимашев писал: «Одна из уездных земских управ, задавшись целью возбудить в сельском населении интерес к нынешним военным и политическим событиям при помощи распространения в деревнях газет по самой доступной цене, а по возможности и даром, вступила в сношения с некоторыми лицами в Петербурге, которые взялись снабжать Управу номерами газет, остающимися в редакциях от распродажи. При этом имеются сведения, что те же лица обратились и к другим земским

управам с предложением снабжать их, для указанной цели, такого рода разрозненными газетами. Надлежит подвергнуть это обстоятельство тщательной негласной проверке и принять меры к недопущению земских управ, в которых такая мысль могла бы встретить сочувствие, принимать на себя совершенно им несвойственную и предоставленную им законом обязанность заботиться о политическом развитии народа. Ваше Превосходительство, озаботитесь, чтобы, при возникновении подобного предположения в вверенной вам губернии, иметь о том своевременные и достоверные сведения для отклонения оно, и не оставите сообщить мне о последующем по этому предмету» [7, л. 1].

В свою очередь П. П. Дурново в официальной записке, адресованной уездным исправникам, от 14 июня 1877 г. дает строгое указание: «Я поручаю Вашему Высокоблагородию со своей стороны иметь самый строгий и бдительный надзор, чтобы в пределах вверенного вам уезда отнюдь не было допускаемого земством распространения изложенным критическим путем известий о военных и политических событиях между сельским населением и в случае обнаружения сего немедленно мне донести и о том совершенно секретно» [7, л. 5].

Итак, с начала 1860-х гг. трансформации, которые претерпевала периодическая печать столичных и провинциальных городов, происходили в прямой взаимосвязи с хроникой реформаторского процесса. Периодическая печать рассматривалась представителями власти в центре и на местах как наиболее эффективное средство информирования образованного общества, так называемой «читающей публики». Среди основных функций периодической печати позднеимперской России можно выделить следующие: доведение до сведения населения официальной информации, формирование общественного мнения. При этом власть использовала не только аппарат строжайшей цензуры, но и все инструменты административного воздействия на редакторов и издателей столичных и провинциальных изданий. При этом если на столичных авторов царская власть воздействовала напрямую, то на провинциальных публицистов – большей частью через местное чиновничество. Справедливости ради следует сказать, что даже в таких официальных рамках повременные цензурные и бесцензурные издания являлись для образованной публики пореформенного периода полноценным источником получения информации о ситуации в мире, в столицах и в своих губерниях. При этом существовавший водораздел между образованным обществом и сельскими жителями заполнялся отчасти просветительской деятельностью земств, церковными проповедями в сельских храмах и разъяснительной работой представителей уездной администрации и священнослужителей.

Список литературы

1. Карнишина Н. Г. Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 5–12.
2. Рязанские губернские ведомости. 1860. № 10.
3. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 31. Оп. 3. Д. 4.
4. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 138.
5. ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 115.

6. ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 194.
7. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 5.

References

1. Karnishina N.G. Capital and province in Russia: interaction and mutual influence during the period of systemic reforms in the second half of the 19th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2013;(2):5–12. (In Russ.)
2. *Ryazanskije gubernskie vedomosti = Ryazan provincial bulletin*. 1860;(10). (In Russ.)
3. *Tsentrallyy istoricheskiy arkhiv Moskvy (TsIAM). F. 31. Op. 3. D. 4 = Central Historical Archive of Moscow. Fund 31. Item 3. File 4*. (In Russ.)
4. *TsIAM. F. 17. Op. 50. D. 138 = Central Historical Archive of Moscow. Fund 17. Item 50. File 138*. (In Russ.)
5. *TsIAM. F. 31. Op. 3. D. 115 = Central Historical Archive of Moscow. Fund 31. Item 3. File 115*. (In Russ.)
6. *TsIAM. F. 31. Op. 3. D. 194 = Central Historical Archive of Moscow. Fund 31. Item 3. File 194*. (In Russ.)
7. *TsIAM. F. 17. Op. 50. D. 5 = Central Historical Archive of Moscow. Fund 17. Item 50. File 5*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Геннадьевна Карнишина

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Отечества,
государства и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Natalia G. Karnishina

Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department of history
of Russia, state and law, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2022

Принята к публикации / Accepted 24.05.2022

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-2

Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в.

Н. Н. Юркина

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nn.yurkina@mpgu.su

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изучение мировоззрения российского студенчества, процессов формирования внутреннего мира студенческой молодежи в XIX – начале XX в. направлено на выявление особенностей психологического облика наиболее активной части российского общества. Возрастные особенности студенчества позволяют говорить о схожести процессов становления мировоззрения как у молодых людей в начале XX в., так и у современной молодежи. Целью исследования является изучение внутренних механизмов мотивации учащейся молодежи в ситуации выбора, в процессе принятия решений. *Материалы и методы.* Работа написана в рамках методологии повседневности и освещает влияние различных идеологических и материальных факторов на становление внутреннего мира студенчества, формирование таких ключевых понятий для молодежи, как вера и смерть. Большое место в статье занимает анализ мемуарной и художественной литературы. Множество размышлений студентов на эту тему свидетельствует о значимости данных категорий в становлении мировоззрения молодых людей. Источниковой базой исследования стал также значительный корпус публицистики, освещавшей проблемы молодежи с различных позиций. *Результаты.* Рассматривается проблема смертности среди молодежи и причины, приводящие к гибели молодых людей, прослеживается динамика данного явления в разные десятилетия XIX в. Изучен процесс формирования юношеского мировоззрения под влиянием различных обстоятельств, в том числе рассматривается степень влияния на учащуюся молодежь радикальных учений, сформировавших у определенной части молодежи стремление погибнуть на благо народа. Анализируется духовный поиск молодежи, восприятие религии и веры с различных мировоззренческих позиций, духовных исканий, а также трансформация убеждений в процессе обучения и наработки жизненного опыта. *Выводы.* На внутренний мир и духовное становление молодежи оказывали влияние множество факторов: материальные проблемы, особенности системы обучения и воспитания в вузе, а также формы проведения досуга студентами. Становление убеждений будущей интеллигенции происходило во многом через осмысление религиозных убеждений и догматов, их влияния на жизнь и смерть человека. На протяжении XIX – начала XX в. можно проследить эволюцию мировоззрения студентов и выделить общие для большинства молодых людей различных университетских городов убеждения и ценности, менявшиеся на протяжении изучаемого периода.

Ключевые слова: студенчество, мировоззрение, вера, атеизм, церковь, материальное положение, смертность, духовные искания, смерть, народничество

Для цитирования: Юркина Н. Н. Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 10–29. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-2

The worldview evolution of the Russian students in the 19th – early 20th centuries

N.N. Yurkina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

nn.yurkina@mpgu.su

Abstract. *Background.* The study of the Russian students' worldview, the processes of formation of the inner world of student youth in the 19th – early 20th centuries is aimed at identifying the features of the psychological make-up of the most active part of Russian society. The age characteristics of students allow us to speak about the similarity of the processes of formation of the worldview both at the beginning of the 20th century and today's, youth. The purpose of the work is to study the internal mechanisms of young students' motivation in a choice situation, in the decision-making process. *Materials and methods.* The work is written, within the framework of the methodology of everyday life and highlights the influence of various ideological and material factors on the formation of the inner world of students, the formation of such key concepts for young people as faith and death. A large place in the article is occupied, by the analysis of memoirs and fiction. A lot of students' reflections on this topic testify to the importance of these categories in the formation of the worldview of young people. The source base of the study was also a significant corpus of journalism, covering the problems of youth from various positions. *Results.* The study deals with the problem of mortality among young people and the causes leading to the death of young people, the dynamics of this phenomenon in different decades of the 19th century is traced. The process of formation of a youthful worldview under the influence of various circumstances is studied, including the degree of influence of radical teachings on student youth, which formed in a certain part of the youth the desire to die for the good of the people. The spiritual search of youth, the perception of religion and faith from different worldview positions, spiritual quests, as well as the transformation of beliefs in the process of learning and gaining life experience are analyzed. *Conclusions.* Many factors influenced the inner world and spiritual development of young people: material problems, features of the system of education and upbringing at the university, as well as forms of leisure activities for students. The formation of the beliefs of the future intelligentsia took place largely through the comprehension of religious beliefs and dogmas, their influence on the life and death of a person. During the 19th and early 20th centuries, it is possible to trace the evolution of the worldview of students and highlight the beliefs and values common to most young people in various university cities that have changed over the period under study.

Keywords: students, worldview, faith, atheism, church, financial situation, mortality, spiritual quest, death, narodnichestvo

For citation: Yurkina N.N. The worldview evolution of the Russian students in the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):10–29. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-2

Студенчество в XVIII – начале XX в. являлось элитной частью общества, получавшей высшее образование, открывавшей путь в науку, а также к высоким должностям, приоритетной установкой интеллигентной молодежи являлась готовность к служению на благо Отечества. В исторической науке изучением молодежи и студенчества занимались такие исследователи, как Л. К. Ерман, В. Р. Лейкина-Свирская, К. С. Маслов, А. Е. Иванов и др. В их

публикациях подробно рассмотрена эволюция социального состава студенчества, учебный процесс, бытовые стороны жизни молодежи в различных университетских городах [1–5]. В нашей работе освещена такая сторона жизни студентов XIX в., как их внутренние искания. Особое внимание уделено отдельным категориям, особенно остро обсуждавшимся в самой студенческой среде и считавшимся наиболее значимыми для становления мировоззрения студентов, таким как вера и смерть. Большое место в статье занимает анализ мемуарной и художественной литературы, поскольку в данном типе источников наиболее полно отражены особенности мировосприятия молодежи, поднимаются проблемы психологического характера, о которых не принято было говорить в официальной среде. Большое значение для изучения типичного пути формирования внутреннего мира студенческой молодежи имеют произведения А. П. Чехова, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. В. Вересаева, М. Горького [6; 7, с. 145–147; 8]. Эти писатели создавали образ узнаваемого студента, рисовали яркие студенческие типы, наиболее распространенные в молодежной среде. В произведениях русских писателей можно найти отражение внутреннего мира студента, переживания, характерные для данного возраста. В воспоминаниях бывших студентов и воспитанников высших учебных заведений, таких как Б. Н. Чичерин, П. Свиньин, А. И. Герцен, П. Н. Милоков и многих других [9–15], содержится множество интересных наблюдений за религиозным и духовным поиском, характерным для внутреннего мира студенчества разных десятилетий, позволяющих проследить эволюцию мировоззрения студентов, определить повлиявшие на него факторы. Исследование различий между университетскими городами в вопросах формирования идеалов и убеждений студенчества, их эволюции в нашей работе не проводилось, так как идейные установки для студенчества разных городов в определенные десятилетия были схожими, традиционная корпоративность студентов провоцировала не только установление общих ценностей внутри корпорации, но и трансляцию их на провинциальные города и гимназическую молодежь, воспринимавшую университеты как источник передового и нового знания.

Особое внимание к формированию внутреннего мира студенчества проявили публицисты в начале XX в., когда наблюдался рост смертности среди молодежи [16], причины такого явления, по убеждению современников, крылись именно в тех ценностях, которые бытовали среди интеллигентной молодежи. Возросшая в конце XIX – начале XX в. смертность среди студентов вызвала большой общественный резонанс и стремление не только понять ее причины, но и упразднить их. При этом и сами студенты болезненно реагировали на гибель товарищей. Причины смертности среди молодежи были различными, начиная от заболеваний, таких как воспаление легких, туберкулез, инфекции, в том числе венерические, заканчивая истощением от голода и суицидом [17, 18]. Большой пласт как публицистических, так и академических исследований посвящен данной проблеме.

Одним из очевидных факторов студенческой смертности была названа пресловутая студенческая бедность, которая стала приметой второй половины XIX – начала XX в. Именно она становилась зачастую причиной гибели отдельных студентов. Из поступающих в вузы «процент состоятельных представляет собою каплю в море» [19, с. 7], пишет одна из газет конца XIX в.

Работающий студент становится типичным явлением в этот период, так как средства, дающие студенту возможность жить и учиться в крупном городе, – это та работа, которая не вредит занятиям. Но наличие такой работы в большом городе так ничтожно, «что составляет как бы феномен». «Предложение сравнительно велико (со стороны студентов – *прим. авт.*), что повышает цену на труд, так что даже имеющий работу бывает вынужден приискивать себе новые средства к существованию» [19, с. 8]. Работающих студентов становилось все больше, но зачастую подработка становилась обузой, так как оплачивалась скромно, а нагрузка на студента возрастала.

Студенчество осознавало опасность бедности и пыталось решить ее своими силами путем взаимопомощи, организуя мероприятия по благотворительности. Студенты вузов регулярно организовывали благотворительные концерты и вечера, создавали кассы взаимопомощи и землячества, оказывавшие материальную помощь нуждающимся товарищам. Вырученные с концертов средства также распределялись среди нуждавшихся. Такая помощь носила случайный и нерегулярный характер [1, с. 284–285]. Часть учащейся молодежи полагала, что средства распределяются несправедливо и предлагала поставить этот вопрос под контроль, что вызвало дискуссию не только внутри университета, но и за его пределами. Так, публицист Н. П. Гиляров-Платонов считал не этичным контролировать те деньги, которые студенты получали путем благотворительности, так как «студенты суть *нищие*, и для них нужны *подаяния*; подано, и делу конец». А распределять деньги, следить за результатами своего участия – «все это лишнее» [19, с. 7]. На практике благотворительность среди студентов не была поставлена под контроль.

Еще одним видом помощи студенчеству являлись стипендии. Студенты, подавшие прошение и предоставившие свидетельство о «недостаточности» (т.е. бедности), выступали равными претендентами на стипендию. Стипендии назначались различными органами управления, это могла быть как инспекция, собиравшая сведения о материальном положении студентов, так и правление университета, иногда при вузе существовал «Комитет Общества вспомоществования», до появления инспекции именно он занимался стипендиями. Публицисты и сами обучающиеся отмечали: часто «университет назначает стипендию студенту, получающему от родителей 25–30 руб. в месяц, и отказывают круглому бедняку». По факультетам стипендия распределялась неравномерно. Например, студентам историко-филологического факультета начисляли стипендию всем, подавшим прошение, а юристам редко и только с третьего курса, поэтому на юридическом стипендия носила «характер неожиданного сюрприза». По многим воспоминаниям «инспекция... раздает их... по вдохновению», «лишь бы раздать», оправдываясь тем, что «нет никакой возможности собрать необходимые сведения» о нуждающихся студентах [20, с. 56–57]. Основанием выдачи стипендии в первую очередь и являлось свидетельство о бедности, прилагаемое к прошениям о назначении стипендии. Были студенты, стеснявшиеся подавать такие прошения, предпочитавшие бороться с бедностью самостоятельно.

В 90-е гг. XIX в. проблема студенческой бедности обострилась, в том числе вследствие «демократизации» учащейся молодежи, роста количества университетов и расширения возможности более широких слоев населения

при поступлении в университет. Бедный студент – примета 1890-х гг. Нуждающиеся студенты носили поношенную форму, которая дешево продавалась в специальных лавках. Общественность обращала внимание на «развитие индивидуализма» в студенческой среде, что влияло на снижение взаимопомощи через концерты или кассы [21]. Публицисты с сожалением констатировали: «...при современном положении студенческой среды, когда все идет в разброд, когда почти нет точек соприкосновения, кроме официальных встреч в университете, – вопрос о студенческой взаимопомощи стоит на точке замерзания» [20, с. 4–5]. В этот период подспорьем для бедного студента стали бесплатные обеды в студенческих столовых. По данным Петербургских исследователей, 11 % студентов пользовались данной услугой, ее можно было получить в двух студенческих столовых. Малая столовая была открыта при Санкт-Петербургском университете в 1892 г., большая – в 1893 г. «Кое-кто из студентов, выбившись из бюджета, ограничивался чаем и бесплатным хлебом, несколько кусков которого еще положит в карман. На это никто не обращал внимания, наоборот, относились даже сочувственно. Иной студент, совершенно незнакомый, скажет: «Коллега, я вам куплю обед, у меня денег хватит на двоих». Администрация столовой иногда предлагала бесплатно тарелку шей без мяса. Такая столовая очень выручала бедных студентов» [22, с. 161]. Подобную помощь студентам оказывали и московские «кухмистерские». Однако бесплатные обеды не выдерживали никакой критики. Они были таковы, что студенты всегда ходили «полусытные и нездоровые», – считает П. Иванов: «Не успеешь дойти до дому, как опять хочется есть» [20, с. 56–57]. Безусловно, хлеб и чай не являлись качественным источником пропитания, и в случае, если студент попадал надолго в бедственное положение, здоровье его заметно ухудшалось.

Общежитий для студентов практически весь XIX в. не было, только в 1882 г. была открыта Александровская коллегия в Петербурге. С начала XIX в. Московский университет предоставлял своим студентам-бюджетникам (казеннокоштным) «казенные номера», где в одной общей комнате располагалось множество кроватей и тумбочек. «Своекоштные» студенты полностью содержали себя сами. В 1860-х гг. «казенные номера» были ликвидированы, в это время в Москве сформировался квартал, называвшийся Козихой, где студенты могли снять дешевые квартиры. К концу XIX в., когда число высших учебных заведений выросло, таких «студенческих кварталов» в Москве стало значительно больше. Только в середине 1870-х гг. было открыто «ляпинское» общежитие, но попасть в него было трудно. Подавляющее большинство приехавших в университетский город на обучение молодых провинциалов искали дешевые съемные квартиры. Если в крупном городе у молодого человека не было связей, он объединялся с товарищами и брал, что подешевле [1, с. 300–312]. Съем квартиры часто сопровождался обманом. Ужасали в таких квартирах и соседи – «подонки общества», которые дурно влияли на студента. По причине всех этих неустойств «создается обстановка, невыносимая для серьезных занятий». «Происходит странное смешение некультурной, неинтеллигентной среды с “цветом русской молодежи”». «Грубость, ожесточение... пьянство – являются прямым следствием сближения с подонками столичного общества» [20, с. 39–40]. Резкий переход от

домашней обстановки провинциального дворянина или разночинца к самостоятельной жизни в крупном городе среди бедного населения негативно влиял на психическое состояние молодого человека, приводил к размышлениям о глобальных проблемах, толкал на совершение неблагоприятных поступков.

Материальное положение студентов оставляло желать лучшего. Ничтожные средства, с которыми приезжал студент в университетский город, стремительно заканчивались, приходилось искать средства к существованию. «Кроме того, экстренные расходы часто выбивали студента из его и без того скромного бюджета: “разорвал сапоги, заболел – вот и нарушено бюджетное равновесие”, а еще нужно регулярно покупать книги. В такой обстановке “нервы расстраиваются до невозможности”» [20, с. 40]. В этих условиях молодой человек мог принять решение о суициде.

Оставаясь часто впервые без семьи в большом городе, студенты испытывали острое чувство одиночества. В. Курбский вспоминает, что его постоянно преследовали чувства покинутости и тоски по уюту, родным [12, с. 126]. Эта проблема становилась острее, когда студент оказывался предоставлен сам себе. Публицисты начала XX в. обращали внимание современников, что одиночество может привести к суициду. Студенту в Москве «страшно тяжело», писал журнал «Русь». Одиночество «давит и гнет» его, «моменты нервозности и тоски отзываются болезненно на настроении юноши». «Кругом лишь одни чужие люди». Студенческая квартира – это «походная палатка, где все напоминает о чем-то временном, где ни на одну секунду нельзя почувствовать себя дома» [23]. Размышления об одиночестве, новая обстановка в начале XIX в. приводили к установлению широких товарищеских связей, студенты заменяли друг другу семью, становясь частью большой студенческой корпорации, объединенной общими установками. Товарищи собирались на квартирах, чтоб как-то избежать тоски. «Иногда, когда говорить не хотелось, а хотелось чего-то другого – более жизненного, товарищи угрюмо молчали, курили и валялись поочередно на постелях, скучали убийственно, но не расходились, потому что одиночество было еще горше...» [20, с. 81]. Мрачное общение, мрачные мысли не только приводили к работе над своим внутренним миром, но и толкали на участие в студенческих беспорядках. «Оторванные от семейств, обращающиеся исключительно в своей студенческой среде, деля время между учебными занятиями... и незрелыми товарищескими беседами, поглощая массу самой нездоровой литературной пищи», они не имели голоса «трезвой истины», луча «согревающей любви». «Сил, растлевающих нашу молодежь и сбивающих ее с толку, множество, а сил, направляющих ее к добру и правде, не видно ниоткуда» [24], – сетовали современники студенческих волнений начала XX в., ставших приметой времени.

Ко второй половине XIX в. более привлекательными в университетских городах становятся для студентов доступные и ставшие более распространенными развлечения. От безысходности многие студенты окунались в бульварную жизнь, затягивавшую отдельных молодых людей. Такая деградация части молодежи приводила к печальным последствиям – молодые люди бросали университет, умирали от болезней. Это будоражило товарищей, старавшихся вытащить своих однокашников, борьба за них нашла свое отражение в художественной литературе.

Тем не менее чувство одиночества большинство студентов переживали достойно, шла переоценка жизненных установок, новая обстановка становилась мощным фактором взросления. Происходило формирование внутреннего мироощущения студенчества. Характеристика одиночества как внутреннего состояния описана у многих мемуаристов. Так, Н. А. Бердяев описывает новое ощущение – одиночества в толпе: «При внешней общительности, я всегда оставался один... Я не думал, что я лучше других людей, вкорененных в мир... Я мучительно чувствовал чуждость всякой среды, всякой группировки, всякого направления, всякой партии» [25]. Схожее чувство было свойственно даже молодежи из среды духовенства. А. В. Горский, воспитанник, позже профессор и ректор Московской духовной академии, отличался сложным характером. Отношения с товарищами у него не складывались. «Он всегда чувствовал одиночество, скуку, пустоту души» [26]. В художественной литературе описан процесс возникновения этого чувства более детально. По приезду в столицу герои романа «Студенты» Гарина-Михайловского с друзьями-земляками разбежались. «Как-то не было даже и охоты видаться друг с другом... Одиночество все сильнее охватывало Карташева. Он бегал от него, а оно его преследовало. <...> везде была все та же чуждая ему, раздражавшая своей непонятной жизнью, незнакомая толпа». Ему «даже страшно делалось от сознания своего одиночества». В университете он тоже встречал враждебность и равнодушие. «В общем, это была все та же отчужденная толпа улицы» [7, с. 28–30]. Чувство одиночества вырастало из тоски по дому и близким, перерастало в философские искания, порождало стремление убежать, спрятаться, «раствориться в воздухе».

Стремление избежать чувство одиночества приводило к созданию семей. К началу XX в. студенты все чаще женятся на интеллигентных девушках, курсистках. Часть студентов создавали свои семьи в годы учебы, поддавшись влиянию соседей или хозяек квартир, стремившихся выгодно пристроить своих дочерей. Чаще всего наличие семьи у студента не облегчало ситуации, а напротив, усложняло его материальное положение и увеличивало занятость, что в свою очередь вызывало стремление бросить учебу [1, с. 330].

Одним из мощных источников эмоциональной поддержки студента являлась религиозная составляющая. Именно православная церковь и вера могли удержать студента от уныния и тоски, грехопадения и нищеты и, как следствие, от суицида. Многие студенты были убежденными православными. Однако особенностью молодого возраста является стремление к нигилизму, поиску новых идеалов и переоценке ценностей. Все это приводило к тому, что даже в рамках православной веры шли глубокие и порой драматичные искания молодежи. Особенно интересными представляются духовные искания внутри самой Православной церкви, в составе ее ведущего учебного заведения – Московской духовной академии (МДА). Здесь среди студентов царил свой особый уклад, строгая дисциплина. Но размышления о роли церкви и государства, поиск новых путей смущали умы местной молодежи. «Подъем церковно-общественной жизни в России выдвинул перед сознанием верующих людей целый ряд жгучих вопросов об единстве веры и дел, о реальной помощи страждущим братьям, о разобщенности в среде паствы и т.п.» [27, с. 133–137]. По инициативе студенчества в октябре 1906 г. было создано Пастырско-просветительское братство при МДА. Братство вело широкую

просветительскую и благотворительную деятельность. При нем существовало несколько отделов. Братство заботилось о нищих, проводило народные чтения, занималось бесплатным распространением листовок, изданных братством, и т.д. При братстве была организована бесплатная библиотека для бедняков, жителей ночлежек и «углов» [27, с. 137]. Такая работа позволяла молодежи преодолеть чувство одиночества, удержаться от неблагоприятных поступков и драматичных решений.

Отношение к религии и вере в российском обществе на протяжении XIX в. заметно изменилось. Молодежь, остро реагируя на несправедливость, отмечает утилитарное отношение общества к церкви, видит проявление пороков в среде духовенства. Социальное разделение в храме во время службы вызывало разные, часто негативные эмоции. Дочь священника вспоминает о службе в домовом храме: «...в торжественные праздники там часто стоять было невозможно; и... мы уходили к профессорам – т.е. в особый коридор за спиной церкви, где стояло исключительно профессорство с своими семьями. Здесь всегда было много разговоров... большинство недовольно ворчало или уходило в самую церковь». Волнение начиналось, когда наступало время прикладываться к иконе, бывала и давка, хотя «цепь рослых швейцаров» пыталась успокоить толпу [27, с. 117]. Мероприятия часто даже в МДА носили формальный характер, все с нетерпением и без должного благоговения ожидали окончания скучных речей, чтобы приступить к торжественной трапезе.

Различие между светской и духовной молодежью было заметно уже в начале XIX в., когда происходило размывание сословной структуры общества. Дети духовенства стремились получить светское образование и вопреки ограничениям и сложностям поступали в университеты. А. И. Герцен вспоминал, насколько отличались студенты из среды духовенства и дворянские воспитанники: «Все воспитание несчастных семинаристов, все их понятия были совсем иные, чем у нас, мы говорили разными языками; они, выросшие под гнетом монашеского деспотизма, забитые своей риторикой и теологией, завидовали нашей развязности; мы – досадовали на их христианское смирение» [10, с. 117]. С 30-х гг. XIX в. началась новая волна переосмысления религии интеллигентной молодежью.

Постепенно молодые умы поражала «болезнь века» – атеизм. Богословие, читавшееся на первых курсах всех факультетов, вызывало досаду и раздражение у молодежи. Видный политический деятель Б. М. Чичерин вспоминал о студенческих годах следующее: «Я должен сказать о том весьма важном для моей внутренней жизни значении, которое имел для меня не в положительном, а в отрицательном смысле слушанный в университете курс богословия». В университете курс «был самый сухой и рутинный». Богословие вел П. М. Терновский, университетский священник, личность которого «не внушала никакого сочувствия». Он имел «строгий вид, говорил в нос... беспрестанно осматривал аудиторию, замечая, кто ходит на лекции, а иногда делал резкие выговоры студентам» [28, с. 33–42]. Подтягивавшиеся в университетскую среду в конце века курсистки также отмечали, что именно священники хуже других преподавателей справлялись с объяснением основ Богословия. А. В. Тыркова-Вильямс анализировала разных преподавателей и с горечью отмечала, что священник, преподававший на курсе, не привел их

к вере. «Мы и в нем (А. Ф. Платонове – *прим. авт.*) не нашли желанного учителя жизни. Еще менее мог стать им священник, читавший нам богословие. Ему очень хотелось бороться с повальным студенческим безверием, но брался он за это неумело, неуклюже, и результат получался обратный» [15, с. 138].

Все это не только не привлекало изверившихся студентов к православию, а влекло потоки критики, недовольства и неприятия. «Теперешнее православие заключает в себе много лжи – даже странно, как извращено в нем чистое христианское учение и как оно освящает самые безнравственные вещи». Студенты замечали «скверные стороны церкви, которые и делают ее такой бессильной и жалкой». Молодежь искала ответы, не готова была расстаться с верой. «Я не могу верить в необходимость обрядовой стороны и сильно колеблюсь в признании всех таинств» [29, с. 138–139]. Отделяя веру от церкви, студенты начала века становились заложниками своих исканий и возвращались к обостренному чувству одиночества и непонимания.

Публицист и общественный деятель И. А. Свиньин вспоминал: «То время было вообще тревожное. В обществе замечалось влияние антирелигиозных известных тенденций... которое нашло себе особенно благодарную почву в студенческой среде, а потому религиозные вопросы... делались предметом самых оживленных диспутов. Была одно время такая безумная полоса, что *атеизм* считался принадлежностью людей просвещенных, а *деизм* – невежественных» [14, с. 44]. Первая половина XIX в. ввела своего рода моду на атеизм в молодежных кругах. В художественной литературе утилитарное отношение к церкви сливалось и с отношением к искусству в целом. У А. М. Горького к началу XX в. атеизм стал уже привычным состоянием молодого человека. О вере студенты рассуждали цинично, сравнивая церковь с театром: «В театр теперь ходят по привычке, как в церковь, не веря, что надо ходить в театр» [8, с. 371].

Проблема веры и атеизма будоражила умы всех без исключения студентов, заставляя их размышлять о вечных ценностях. О переменах в умах студенчества размышлял выпускник Московского университета, князь Д. И. Шаховской: «Трудное время переживает теперь человечество. Небывалое количество сумасшествий и самоубийств на это указывают нагляднее всяких умствований. Старые начала низложены во мнении очень многих, вера старая потрясена, наука быстро двигается вперед, старые привычки отжидают свой век... А нового еще ничего не выработано – все шатко и неопределенно» [29, с. 140]. Б. Н. Чичерин описывал типичный для студента путь от веры в безверие и обратно к вере: «Только пройдя через отрицание, можно вполне сознательно возвратиться к религиозным началам и усвоить их с той шириною понимания, которая способна совместить в себе требования разума и стремления веры». Он резюмирует: «Человеку... нашего времени естественно быть неверующим в молодости и снова сделаться верующим в зрелых летах» [28, с. 33].

Еще один политик, государственный деятель С. Ю. Витте анализирует духовное состояние студенчества и отмечает: «В это время преобладало атеистическое направление и кумирами молодежи были: Писарев, Добролюбов и Чернышевский. <...> теперь же, в последние годы, кумиром молодежи был Толстой, который в основу всех своих идей кладет бессмертие души, веру

в загробную жизнь и Бога... Тот, кто пережил 70-е годы университетской жизни, может оценить ту громадную заслугу, которую оказал Толстой, приведя русскую молодежь к Богу...» [9, с. 43]. Вера, обретенная молодым человеком, на новых основаниях удерживает его от ошибочных решений и поступков, спасает не только от одиночества, но и от революционной пропаганды.

Русский мыслитель и философ Н. А. Бердяев вспоминал о собственных исканиях в студенческие годы: «Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясен мыслью: *пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла*. Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь. Я пережил его с энтузиазмом» [25, с. 34]. Переживания внутреннего мира становились для студентов важнее внешних жизненных коллизий. «Я описал этот переворот, но рукопись была взята при первом моем аресте и пропала. Мне хотелось бы сейчас прочесть то, что я тогда написал, приобщиться к огромному подъему, пережитому мной. <...> Искание истины и смысла я противопоставил обыденности, бессмысленной действительности» [25, с. 40].

Философ, мыслитель и политический деятель С. Н. Булгаков прошел аналогичный путь от атеизма к вере, начатый в студенческие годы, он вернулся к православию уже после окончания университета. Булгаков путешествовал по Европе с научной целью, работал в Германии, и все это время в нем шла непрерывная внутренняя духовная работа. В результате мыслитель вступил на путь религиозной философии и идеалистической критики марксизма [30, с. 58–63].

Молодежь с естественнонаучных факультетов пыталась подойти к вопросам веры с позиций науки, логики и разума. Так, крупный советский физик В. И. Пичета посетил в 1905 г. диспут – защиту докторской диссертации философа С. Н. Трубецкого, «представившего исследование “Учение о Логосе Филона Александрийского”, вызвавшее, разумеется, резкую критику в официальной духовной печати. <...> Очень интересно было вступительное слово С. Н. Трубецкого, этого представителя неохристианской философии. Для своего времени речь была довольно смелой, ибо Трубецкой в конце своей речи сказал, что, не скрывая своих религиозных убеждений, он должен признать, что божественность Христа недоказуема. <...> Святости “канонических книг” был нанесен удар...» [31, с. 594–595]. Студенчество привлекали мероприятия такого рода. Молодежь часто можно было встретить на лекциях и защитах диссертаций, на выступлениях политиков и на демонстрациях. Там она искала ответы на свои вопросы и часто находила их среди революционных партий, активно ведущих пропаганду среди учащейся молодежи. Распространение получали различного рода кружки и общества, организуемые частными лицами, столичным дворянством, стремившимся к просвещению. Профессорские кружки, собрания литераторов и т.п. дискутировали о проблемах богословия, достоверности христианского вероучения и основ богослужебной литературы» [32, с. 524–525].

В. О. Ключевский в студенческие годы искал ответы на вопросы веры в науке. В годы его учебы шла борьба ученых-материалистов с учеными-идеалистами. Полемика их была очень известна и популярна, ей многое интересовались всерьез. Ключевский читал полемику Н. Г. Чернышевского

с П. Д. Юркевичем и М. Н. Катковым. Он искал доводы и находил их в книгах, в религиозной философии Сергиевского, лекциях Фейербаха. Бывший семинарист, сын священника, Ключевский приходит к довольно «либеральным» убеждениям в вопросах веры. А в верованиях, вынесенных из детства, так много фальшивого, замечает он, и просит кланяться семинарии и сказать, «что я ей желаю лучшего, чего можно пожелать, – свободы мысли» [33, с. 97].

В художественной литературе атеизм высмеивается. В рассказе А. П. Чехова суровый студент-практикант, по убеждениям декадент, считал, что все придет к упадку и в конце всего все равно смерть. Инженер, у которого он проходил практику, пытался убедить его, что такие убеждения весьма пагубны [6, с. 590]. Писатели начала XX в. стремились в доступной форме показать, что атеистические убеждения, духовные и политические искания, мысли о смерти были типичным поиском учащейся молодежи, органической частью взросления. Оказываясь на пороге возможной гибели или переживая серьезные жизненные трудности, молодой человек по-новому воспринимает свои духовные искания. У В. В. Вересаева в рассказе «Без дороги» главный герой говорит об истинности библейских заповедей и поступает как истинный христианин. Он много размышляет о своей деятельности и понимает, что слова, характерные для студенчества о подвиге и «больших делах», очень фальшивы [34, с. 38–90].

Стремления молодежи так или иначе погибнуть были следствием не только упаднических настроений, но и результатом революционной пропаганды. Эти тенденции стали проявляться в мировоззрении определенной части молодежи еще в середине XIX в., когда формировалась идеология народничества. Одной из ведущих идей, влиявших на умы молодежи и порождавших в них стремление умереть, было желание совершить подвиг во имя угнетенного русского народа. Идея смерти как искупления грехов дворянина перед народом была сформулирована еще П. Л. Лавровым и прижилась как в умах молодежи, так и в учениях радикальных партий. Получивший широкое распространение среди радикальной молодежи «Катехизис революционера», написанный студентом С. Г. Нечаевым, напрямую призывал к смерти во имя благой идеи. «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией... Революционер – человек обреченный. <...> Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки» [35].

Стремление погибнуть за идею, участие в деятельности революционных партий мыслящей молодежи, «цвета интеллигенции» волновало общество, провоцировало реакцию в официальной печати. Публицисты высмеивали такое безрассудство. А. С. Изгоев размышлял: «“Левее” тот, кто ближе к смерти, чья работа “опаснее” не для общественного строя, с которым идет борьба, а для самой действующей личности. <...> И вот это-то обстоятельство и оказывает магическое влияние на душу наиболее чутких представителей русской интеллигентной молодежи. Оно завораживает их ум и парализует совесть: все освящается, что заканчивается смертью, все дозволено тому, кто идет на смерть, кто ежедневно рискует своей головой. Всякие возражения сразу пресекаются одной фразой: в вас говорит буржуазный страх за свою

шкуру» [36, с. 200]. Упрощенное понятие о подвиге через личную гибель, непонимание истинных стремлений радикальных партий нередко лежали в основе необдуманных поступков студентов. «Но ведь это есть не что иное, как самоубийство, и бесспорно, что в течение многих лет русская интеллигенция являла собой своеобразный монашеский орден людей, обрекших себя на смерть, и притом на возможно быструю смерть», – рассуждает публицист [36, с. 201].

Революционная народническая деятельность привлекала студентов своим ореолом героизма. Принятие решения об участии в ней сопровождалось не столько страхом смерти, сколько переживаниями из-за разрыва с родителями. Н. Морозов, в будущем выдающийся ученый, в студенческие годы увлекся народничеством и писал: «Лично я вовсе не чувствовал какой-либо боязни перед тюрьмой и рудниками... мысль об опасности всегда имела для меня что-то жутко-привлекательное», это «приводило меня только в умиление. <...> Я сам себя хоронил заживо, как жертву за свободу». Он восхищался собственным будущим героизмом: «Как все это хорошо... если б все узнали... я не мог бы быть уверенным, что приношу себя в жертву бескорыстно» [13, с. 36–42]. Часто миссия спасения русского народа незаметно для самого студента переплеталась в его сознании с чисто христианскими идеями. В художественной литературе идейная составляющая радикальных политических партий исчезает, ее заменяет абстрактное стремление студента «пострадать».

Бывшие студенты-революционеры нередко, повзрослев, с горечью вспоминали, что манившие их идеалы революции и долга перед народом были весьма туманны. «То, что мы должники перед народом и обязаны этот долг ему выплатить, было одним из первых политических понятий, которые вытекали из книг, из разговоров, даже из уроков в школе. Как за этот долг рассчитываться и почему мы за него отвечаем, мы так же плохо понимали, как и те, от кого на нас шли народнические настроения и требования. <...> Вокруг революционных легенд мы создавали культ романтических героев» [15, с. 131]. Герой А. М. Горького Клим Самгин рассуждает: «...самое худшее, чего я могу ждать, – вышлют из Москвы. Ну что ж? Пострадаю. Это – в моде» [8, с. 376]. Мода на смерть, стремление погибнуть за идею владели умами молодежи почти столетие.

Развенчание этой идеи происходило в публицистике и художественной литературе начала XX в. А. П. Чехов отмечал, что даже игра в мрачные мысли вредна и пагубна. Героями его произведений часто выступают студенты, сталкивающиеся со сложными жизненными ситуациями. Так, типичный студент начала XX в., приехавший на практику, рассуждает: «...а пройдут тысячи две лет, и от этой насыпи и от всех этих людей, которые теперь спят после тяжелого труда, не останется и пыли. В сущности, это ужасно!». Его наставник, инженер Ананьев, возражает: «А вы эти мысли бросьте... Вы еще слишком молоды для них». Он вспоминает о своей молодости: «Всей душой ненавижу эти мысли. <...> Я сам был болен ими в юности... они не принесли мне ничего, кроме зла». Такое мышление пагубно. «Тогда, в конце семидесятых годов, оно начинало входить в моду у публики и потом в начале восьмидесятых стало понемногу переходить из публики в литературу, в науку и политику. Мне было тогда не больше двадцати шести лет, но я уж отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла, что все обман и иллюзия... Я жил и как

будто делал этим одолжение неведомой силе, заставляющей меня жить: на, мол, смотри, сила, ставлю жизнь ни в грош, а живу!» Такое мышление имеет в себе что-то «наркотическое». «Оно становится привычкой, потребностью» [6, с. 592]. Тонко подмеченное писателем общее умонастроение студенчества часто и без серьезных объективных причин разъедало его сознание, приводило к необдуманным поступкам, безумию, потерям или гибели.

Кроме желания погибнуть за идею для студентов были характерны и мысли о смерти в те моменты, когда их постигали житейские неудачи, страх ответственности или боязнь неразрешимости возникшей проблемы, часто все это вызывало малодушное желание «исчезнуть». В художественной литературе мысли о смерти среди студенчества выглядят наивно и вызывают улыбку. Главный герой повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты» то и дело помышляет о смерти. Каждая новая неудача, такая как болезнь или материальные трудности, ввергает его в мировоззренческий кризис: «И жить не стоит, и умереть – не умереть только оттого, что хочется этого. Хорошо было бы, если бы можно было умереть от одной мысли, что хочу умереть; подумал только – и нет уж тебя, исчез сразу, как дым, как мысль...» [7, с. 145–147]. У Л. Н. Толстого его герой готов был умереть от того, что провалился на экзаменах. «Три дня я не выходил из комнаты, никого не видел... плакал много. Я искал пистолетов, которыми бы мог застрелиться» [37, с. 144–145]. Желание умереть является частью молодежной субкультуры, и, как правило, при появлении более серьезных испытаний студенты все-таки борются за жизнь.

Более того, студенты боятся смерти. Интересный сюжет, закрепившийся как в мемуарной, так и в художественной литературе, – страх перед покойниками среди студентов-медиков, которым предстоит препарировать, борьба с этим страхом тех, кто будет регулярно сталкиваться со смертью в профессиональной деятельности. Страх смерти настигает и студентов-педагогов: «...в Педагогическом институте от этого страха вскакивали среди ночи в ужасе или неистовой ярости лучшие мои друзья». Молодые люди обсуждают, как внезапно и бессмысленно может оборваться жизнь: «И ты никогда не думал, засыпая, что некоторые люди умирают во сне? Тебе не приходится в голову, когда ты чистишь зубы: ну вот, это в последний раз, мой час пробил?» [38, с. 225–226].

В медицинском институте отношения с покойниками были самыми непосредственными. И. А. Митропольский вспоминает о своих сложных переживаниях на первом курсе института. На первую лекцию студентам-медикам принесли обнаженный труп, на котором были расчерчены краской линии по областям тела и написаны названия областей по латыни. При этом никаких объяснений дано не было. «Труп... произвел на меня нехорошее впечатление. Это казалось и поруганием и возбуждало пугливое чувство». Митропольский стремился преодолеть страх и приобрел череп для самостоятельного изучения его строения. «Череп, которым обзавелся, я не мог оставлять на ночь на столе, а прятал подальше, в шкаф. Мне приходило на мысль, имею ли я право тревожить останки человека, употребляя их даже не с кощунственными целями. Ложась спать, я иногда думал, что вот-вот душа, жившая в этом черепе, явится ко мне и потребует отчета в завладении ее собственностью» [11, с. 247–249].

Студенты-медики нередко не выдерживали контактов с покойными людьми и отчислялись из института. Страх смерти и всего таинственного, внушенный в детстве, зачастую мешал студенту получить образование, социализироваться. «С первых дней жизни начинают его страхами перед таинственным, чудесным и сверхъестественным, и затем в то именно время, когда полный сил и жизни молодой, развивающийся организм юноши относится с естественным страхом и ненавистью к мысли об уничтожении, смерти, внушается ему и учением и погребальными обрядами относиться к останкам отжившего человека как к чему-то, требующему особого почтения. Естественно, что при таких условиях у иного может дрогнуть рука, вонзающая анатомический скальпель в труп» [11, с. 247–249]. Многие из-за религиозных убеждений или суеверий бросали учебу или меняли специальность.

Однако большинство боролось со своими страхами. Митропольский вспоминал о втором курсе: «...когда пришлось препарировать самому... я потерял аппетит, а на мясо и смотреть не мог без отвращения. Потерял я также и сон». Зачастую медикам для обучения доставались не самые благополучные покойники, в основном это были тела преступников, людей маргинальных. Митропольскому достался труп самоубийцы. «Нас было много, а трупов мало... Пришлось... работать над противным предметом. Но чем дальше, тем становилось со мною хуже: появился какой-то скверный суеверный страх, хоть меняй факультет» [11, с. 249]. Воспитание и глубокие религиозные убеждения у студентов-медиков смешивались с чувством отвращения и брезгливости, приходилось преодолевать свои страхи. Студенты ради этого совершали безрассудные и забавные поступки. «Вечером однажды, когда смеркалось, я, запасшись стеариновым огарком и захватя с собою анатомию Вальтера с препаровочным набором инструментов, отправился в секционную залу, и... принялся за работу. <...> я остался один... и в обществе нескольких свежих трупов... При слабом свете пятирикового огарка обстановка была фантастическая, и мне становилось жутко». Студент несколько раз ловил себя на мысли, что готов заплатить сторожу, чтобы он побыл с ним в зале. «Но поступить так мне казалось и стыдно... и жалко последних грошей... Поэтому, преодолевая себя, я принялся за работу и стал мало-помалу забываться в ней. Вдруг слышу резкий стук... взглядываю... и вижу, что мерзлый труп... упал на бок и смотрит на меня оловянными глазами. Пугливо отвернувшись... я встретился с страшным взглядом своего мертвеца, с глаз которого... я сронил закрывавшую их бумагу, и на меня напал панический страх. Без памяти бросился я вон из залы, в чем был... В руках у меня... остались в одной – пинцет, в другой – скальпель. Только... вблизи своей квартиры... я пришел в себя и устыдился. Поспешно вернувшись назад, я продолжал работу, пока не догорел оставленный мною не потушенный огарок». Интересно, что заставила вернуться в анатомический театр студента все та же пресловутая бедность, мысль о том, «как бы не пропало мое единственное пальто с фуражкой... и Анатомия с инструментами... Мне пришло на мысль и то, почему же эта пара солдат при секционной зале, живущая и ночующая в сообществе мертвецов, не боится их и не испытывает от них никакого беспокойства» [11, с. 245].

Борьба со страхами описана подробно и у Н. Морозова. Николай боролся в детстве с различными суевериями и страхами: «...я нарочно начал

посещать один по ночам все «страшные места» в нашем имении...». Медленно, в полной темноте шел, через силу останавливался, медленно шел обратно. Так он ходил к пруду, который пользовался дурной славой, боролся со страхом, проходя мимо страшного портрета. А страх одолевал его «благодаря рассказам прислуги» о привидениях и прочих ужасах. Прислуга объясняла, как себя вести с ними, любила рассказывать и о «страшном хохоте». Множество подобных историй формировали в детстве страх перед неизведанным, мистическим. Страшными историями и мифами взрослые запугивали детей, чтобы удерживать их от опасных действий, самостоятельных походов в места, представлявшие опасность для жизни: на пруд, в лес, на болота. Но Морозов заметил, что любое суеверие у него «целиком было связано с родными краями»: «...стоило только мне уехать... как всякое суеверие у меня тотчас проходило» [13, с. 158–166]. Борьба со страхами не только становилась частью процесса взросления, но и формировала профессиональные качества будущих ученых, политиков, юристов, врачей и педагогов. Размышления о конечности бытия, основанные на детских страхах, становились основой для роста и для работы над собой.

«Этот-то голос раскаяния и страстного желания совершенства и был главным новым душевным ощущением... и он-то положил новые начала моему взгляду на себя, на людей и на мир Божий» [37, с. 332–333]. В целом путь к вере и размышление о религиозных ценностях для студентов было связано с развитием атеизма, а также кризисными явлениями в преподавании богословских дисциплин в университетах, очевидным противоречием между изучаемыми науками и церковными догматами. В связи с этим можно говорить о различиях между факультетами по отношению к преодолению или утверждению атеизма как основы мировоззрения, характерной скорее для естественно-научных факультетов. Вера была тесно связана с размышлениями молодежи о смерти. Причин, толкавших на суицид или самопожертвование, было множество, но идеологические играли, особенно к началу XX в., важную роль в принятии студентом решения о своем дальнейшем пути.

Размышления о вере и смерти в жизни студента играли важную роль в становлении его мировоззрения. Осмысление конечности человеческого существования, осознание возможной внезапности кончины и хрупкости человеческого тела формировали мировоззрение студенчества, укрепляли его убеждения, становясь неотъемлемым актом взросления. Духовный поиск молодежи находился под воздействием не только психологических особенностей возраста, но и политических и социальных факторов. Становление мировоззрения в студенческом возрасте оказывало колоссальное влияние на формирование личности в зрелые годы. Для отдельных студентов такая внутренняя борьба оказалась гораздо значительнее внешних обстоятельств, многие принимали судьбоносные решения именно в результате внутренних исканий. Несмотря на то что в произведениях художественной литературы закрепились убеждения в различиях между мировоззрением студентов в различных университетских городах, это не подтверждается более детальным исследованием. Эволюция мировоззрения русской молодежи шла под влиянием социально-политических изменений, происходивших в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. Большое влияние на умы молодежи

оказывали новые идеи общественной мысли, агитация подпольных политических партий, университетская среда, складывавшаяся из множества факторов, а также материальное положение, отличавшееся как по факультетам, так и по социальной принадлежности отдельных групп студентов, и очевидно ухудшившееся к началу XX в.

Список литературы

1. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX вв.: социально-историческая судьба. М. : РОССПЭН, 1999. 414 с.
2. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX вв. Опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 407 с.
3. Ушаков А. В. Интеллигенция в России периода буржуазно-демократических революций // Революционное движение демократической интеллигенции в России в период империализма. М. : Новый хронограф, 2011. 286 с.
4. Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М. : Наука, 1966. 373 с.
5. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М. : Мысль, 1981. 287 с.
6. Чехов А. П. Огни // Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Рассказы и повести / А. П. Чехов. Л., 1960. 812 с.
7. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. М., 1972. 478 с.
8. Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) : повесть / вступ. ст. А. И. Овчаренко, коммент. И. И. Вайнберга. М. : Художественная литература, 1987. 573 с.
9. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М. : Мысль, 1991. 718 с.
10. Герцен А. И. Былое и думы. М. : Детская литература, 1972. 575 с.
11. Из воспоминаний о Московском университете И. А. Митропольского (1857–1862 гг.) // Воспоминания о студенческой жизни / В. О. Ключевский, П. Н. Обнинский, Д. Н. Свербеев, С. М. Соловьев [и др.]. М. : О-во распространения полез. кн., 1899. 271 с.
12. Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. 203 с.
13. Морозов Н. А. В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого. М. : В. М. Саблин, 1907. 265 с.
14. Свиньин И. А. Воспоминания студента 60-х гг. за 1862–1865 гг. Тамбов : Скл. изд. у Ивана Аполлоновича Свиньина, 1890. 155 с.
15. Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет / предисл., коммент. В. В. Шелохаева. М. : Слово/Slovo, 1998. 559 с.
16. Лярский А. Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб. : Крига : Победа, 2017. 599 с.
17. Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб. : Н. П. Карбасников, 1913. 118 с.
18. Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М. : Студ. мед. изд. комис., 1909. 104 с.
19. Гиляров-Платонов Н. П. Университетский вопрос («Современные известия» 1868–1884 гг.) : сб. ст. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. 290 с.
20. Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М. : Тип. О-ва распространения полез. кн., 1903. 304 с.
21. Юркина Н. Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX вв. // Преподаватель XXI век. 2016. № 3, ч. 1. С. 53–61. URL: <https://drive.google.com/file/d/0Bww8v66PaPfWSzFyOFZrZkNQZE0/view>

22. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Репринт. Л. : Лениздат, 1991. 269 с.
23. Русская женщина. Женский голос из провинции // Русь. 1882. № 48. С. 16.
24. Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб. : Общественная польза, 1898. 46 с.
25. Бердяев Н. А. Самопознание // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». 2000. С. 14–15. URL: <http://www.vchi.net/berdiaev> (дата обращения: 12.09.2007).
26. Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее столетнего юбилея (1814 – 1 октября 1914). Сергиев Посад : Тип. И. И. Иванова, 1914. 402 с.
27. Голубцов С. А. Московская духовная академия в революционную эпоху : в 3 т. М. : Мартис, 1999. Т. 1. 256 с.
28. Русское общество 40–50-х гг. XIX в. : в 2 ч. Ч. II. Воспоминания Б. Н. Чичерина / сост., общ. ред. и предисл. С. Л. Чернова. М. : Изд-во Московского ун-та, 1991. 252 с.
29. Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1885 / сост., вступ. ст. А. В. Лубкова. М. : Прометей, 2002. 314 с.
30. Смирнов И. П. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М. : Русское книгоиздательское товарищество, 1995. 285 с.
31. Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете // Московский университет в воспоминаниях современников : сборник / сост. Ю. Н. Емельянов. М. : Современник, 1989. 734 с.
32. Танеев П. В. Воспоминание о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников : сборник / сост. Ю. Н. Емельянов. М. : Современник, 1989. 734 с.
33. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 365 с.
34. Вересаев В. В. Без дороги : повесть // Повести. Рассказы / В. В. Вересаев. М. : Правда, 1980. 399 с.
35. Нечаев С. Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е. Л. Рудницкой. М. : Археогр. центр, 1997. 570 с.
36. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М. : Новости, 1990. 211 с.
37. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / вступ. ст. Б. Аверина. Л. : Художественная литература, 1979. 336 с.
38. Сартр Ж.-П. Слова : автобиограф. повесть / пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. СПб. : Азбука-классика, 2003. 292 с.

References

1. Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala KhKh vv.: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba* = *Students of Russia in the late 19th – early 20th centuries: socio-historical fate*. Moscow: ROSSPEN, 1999:414. (In Russ.)
2. Ivanov A.E. *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala KhKh vv. Opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* = *Student Corporation of Russia in the late 19th – early 20th centuries. Experience of cultural and political self-organization*. Moscow: Novyy khronograf, 2004:407. (In Russ.)
3. Ushakov A.V. *Intelligentsia in Russia during the period of the bourgeois-democratic revolutions. Revolyutsionnoe dvizhenie demokraticheskoy intelligentsii v Rossii v period imperializma* = *The revolutionary movement of the democratic intelligentsia in Russia during the period of imperialism*. Moscow: Novyy khronograf, 2011:286. (In Russ.)
4. Erman L.K. *Intelligentsiya v pervoy russkoy revolyutsii* = *Intelligentsia in the first Russian revolution*. Moscow: Nauka, 1966:373. (In Russ.)

5. Leykina-Svirskaya V.R. *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godakh = Russian intelligentsia in 1900–1917*. Moscow: Mysl', 1981:287. (In Russ.)
6. Chekhov A.P. *Lights. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1: Rasskazy i povesti = Selected works: in 2 volumes. Volume 1: Stories and novels*. Leningrad, 1960:812. (In Russ.)
7. Garin-Mikhaïlovskiy N.G. *Studenty. Inzheneriy = Students. Engineers*. Moscow, 1972: 478. (In Russ.)
8. Gor'kiy M. *Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest' = The life of Klim Samgin (40 years): novel*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987:573. (In Russ.)
9. Vitte S.Yu. *Izbrannye vospominaniya. 1849–1911 gg. = Selected memories. 1849–1911*. Moscow: Mysl', 1991:718. (In Russ.)
10. Gertsen A.I. *Byloe i dumy = Past and thoughts*. Moscow: Detskaya literatura, 1972:575. (In Russ.)
11. From the memoirs of Mitropolsky Moscow University (1857–1862). *Vospominaniya o studencheskoy zhizni = Memories of student life*. Moscow: O-vo rasprostraneniya polez. kn., 1899:271. (In Russ.)
12. Kurbskiy V. *Ocherki studencheskoy zhizni (iz dnevnika byvshego studenta) = Essays on student life (from the diary of a former student)*. Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K°, 1912:203. (In Russ.)
13. Morozov N.A. *V nachale zhizni. Kak iz menya vyshel revolyutsioner vmesto uchenogo = At the beginning of life. How a revolutionary turned out of me instead of a scientist*. Moscow: V.M. Sablin, 1907:265. (In Russ.)
14. Svin'in I.A. *Vospominaniya studenta 60-kh gg. za 1862–1865 gg. = Student memories of 60ss: 1862–1865*. Tambov: Skl. izd. u Ivana Apollonovicha Svin'ina, 1890:155. (In Russ.)
15. Tyrkova-Vil'yams A.V. *Vospominaniya. To, chego bol'she ne budet = Memories. That which will be no more*. Moscow: Slovo/Slovo, 1998:559. (In Russ.)
16. Lyarskiy A.B. *«Prostite, dorie papa i mama»: roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiystvami v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka = “Forgive me, dear dad and mom”: parents, children and the fight against teenage suicide in Russia in the late 19th and early 20th centuries*. Saint Petersburg: Kruga: Pobeda, 2017:599. (In Russ.)
17. Radin E.P. *Dushevnoe nastroyenie sovremennoy uchashcheysya molodezhi po dannym Peterburgskoy obshchestvennoy ankety 1912 g. = Spiritual mood of modern student youth according to the Saint Petersburg General Student Questionnaire of 1912*. Saint Petersburg: N.P. Karbasnikov, 1913:118. (In Russ.)
18. Chlenov M.A. *Polovaya perepis' moskovskogo studentstva i ee obshchestvennoye znachenie = Gender census of Moscow students and its social significance*. Moscow: Stud. med. izd. komis., 1909:104. (In Russ.)
19. Gilyarov-Platonov N.P. *Universitetskiy vopros («Sovremennye izvestiya» 1868–1884 gg.): sb. st. = The University Question (“Sovremennye izvestiya”, 1868–1884): collected articles*. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1903:290. (In Russ.)
20. Ivanov P. *Studenty v Moskve. Byt. Nравy. Tipy = Students in Moscow. Life. Morals. Types*. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniya polez. kn., 1903:304. (In Russ.)
21. Yurkina N.N. The financial situation of the student youth of the Russian Empire in the 19th – the beginning of the 20th century. *Prepodavatel' XXI vek = Lecturer of the 21st century*. 2016;(3):53–61. (In Russ.). Available at: <https://drive.google.com/file/d/0Bww8v66PaPfWSzFyOFZrZkNQZE0/view>
22. Zasosov D.A., Pyzin V.I. *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev. Reprint = From the life of Saint Petersburg in the 1890–1910ss. Eyewitness notes. Reprint*. Leningrad: Lenizdat, 1991:269. (In Russ.)
23. Russian woman. Provincial female voice. *Rus' = Russia*. 1882;(48):16. (In Russ.)
24. Eleneev F. *Studencheskie besporyadki = Student riots*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1898:46. (In Russ.)

25. Berdyaev N.A. Self-knowledge. *Biblioteka russkoy religiozno-filosofskoy i khudozhestvennoy literatury «Vekhi» = Library of Russian religious-philosophical and fiction "Vekhi"*. 2000:14–15. (In Russ.). Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev> (accessed 12.09.2007).
26. *Pamyati pochivshikh nastavnikov. Izdanie Imperatorskoy Moskovskoy Dukhovnoy Akademii ko dnyu ee stoletnego yubileya (1814 – 1 oktyabrya 1914) = In memory of deceased mentors. Edition of the Imperial Moscow Theological Academy on the day of its centennial anniversary (1814 – October 1, 1914)*. Sergiev Posad: Tip. I.I. Ivanova, 1914:402. (In Russ.)
27. Golubtsov S.A. *Moskovskaya dukhovnaya akademiya v revolyutsionnuyu epokhu: v 3 t. = Moscow Theological Academy in the revolutionary era: in 3 volumes*. Moscow: Martis, 1999;1:256. (In Russ.)
28. *Russkoe obshchestvo 40–50-kh gg. XIX v.: v 2 ch. Ch. II. Vospominaniya B. N. Chicherina = Russian Society in the 40–50s of the 20th century: in 2 parts. Part II. Memoirs of V.N. Chicherin*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1991:252. (In Russ.)
29. Shakhovskoy D.I. *Izbrannye stat'i i pis'ma. 1881–1885 = Selected articles and letters. 1881–1885*. Moscow: Prometey, 2002:314. (In Russ.)
30. Smirnov I.P. «*Ot marksizma k idealizmu*»: M.I. Tugan-Baranovskiy, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev = “*From marxism to idealism*”: M.I. Tugan-Baranovsky, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev. Moscow: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo, 1995:285. (In Russ.)
31. Picheta V.I. *Memories of Moscow University. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik = Moscow University in the memoirs of contemporaries: collection*. Moscow: Sovremennik, 1989:734. (In Russ.)
32. Taneev P.V. *Remembrance of Kliment Arkadyevich Timiryazev. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik = Moscow University in the memoirs of contemporaries: collection*. Moscow: Sovremennik, 1989:734. (In Russ.)
33. Nechkina M.V. *Vasilii Osipovich Klyuchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva = Vasily Osipovich Klyuchevsky. History of life and creativity*. Moscow: Nauka, 1974:365. (In Russ.)
34. Veresaev V.V. *Without a road: novel. Povesti. Rasskazy = Novels. Stories*. Moscow: Pravda, 1980:399. (In Russ.)
35. Nechaev S.G. *Revolutionary catechism. Revolyutsionnyy radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy = Revolutionary radicalism in Russia: the 19th century*. Moscow: Arkheogr. tsentr, 1997:570. (In Russ.)
36. Izgoev A.S. *On the intelligent youth (Notes about its life and moods). Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsia = Milestones: a collection of articles about the Russian intelligentsia*. Moscow: Novosti, 1990:211. (In Russ.)
37. Tolstoy L.N. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost' = Childhood. Adolescence. Youth*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1979:336. (In Russ.)
38. Sartr Zh.-P. *Slova: avtobiogr. povest' = Words: autobiography story*. Transl. from French by Yu. Yakhnina, L. Zonina. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2003:292. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Николаевна Юркина

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России,
Институт истории и политики,
Московский педагогический
государственный университет (Россия,
г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1,
стр. 1)

E-mail: nn.yurkina@mpgu.su

Natalia N. Yurkina

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of Russian history, Institute
of history and politics, Moscow Pedagogical
State University (building 1,
1 Malaya Pirogovskaya street,
Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.02.2022

Принята к публикации / Accepted 06.04.2022

УДК 314.743

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-3

Деятельность генерала Андрея Степановича Бакича и его отряда после отступления на территорию Синьцзяна

Лю Лэй

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Liulej@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В последние годы вышли работы, посвященные вопросу русской эмиграции в Синьцзяне, однако в российской и китайской историографии многие значимые аспекты либо остаются слабо разработанными, либо находятся за рамками внимания исследователей, к примеру деятельность отдельных лидеров. Наряду с этим значительное количество документов и материалов государственных архивов до сих пор не введено в научный оборот, поэтому еще многие сюжеты истории российской эмиграции остаются неизвестными. Целью работы является изложение результатов исследования деятельности генерала А. С. Бакича после отступления в Синьцзяне. *Материалы и методы.* Исследование проведено на основе материалов фондов Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-5881), Российского государственного военного архива (Ф. 16, Ф. 110), Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 122), Архива внешней политики Российской Федерации (Ф. Референтура по Синьцзяну). В исследовании также приводятся полученные из архива изобразительные источники, которые визуальное дополняют тексты соответствующих описаний. Используются ретроспективный и индивидуализирующий научно-исследовательские методы. *Результаты.* Исследован массив документов, раскрывающих неизвестные ранее факты о А. С. Бакиче. Выявлены особенности жизни отряда генерала А. С. Бакича после отступления на территорию Синьцзяна. *Выводы.* С первого дня прибытия генерал А. С. Бакич сталкивался с различными трудностями. Однако, несмотря на нехватку продовольствия, одежды и финансовых средств, которую генерал испытывал на новой территории, а также сложные отношения с другими атаманами, А. С. Бакич делал все возможное, чтобы поддерживать организованность войска, а также придумал способ решить проблему дефицита. Смерть А. И. Дутова не только оказала влияние на взаимоотношения между Китаем и Советской Россией, но и заставила А. С. Бакича сменить тактику, что впоследствии привело к подписанию соглашения о ликвидации А. С. Бакича между двумя странами и его последующей казни через расстрел в 1922 г.

Ключевые слова: белая эмиграция, А. С. Бакич, А. И. Дутов, советская власть, Синьцзян

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке CSC.

Для цитирования: Лю Лэй. Деятельность генерала Андрея Степановича Бакича и его отряда после отступления на территорию Синьцзяна // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 30–39. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-3

The activities of General Andrei Stepanovich Bakich and his detachment after the retreat to the territory of Xinjiang

Liu Lei

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Liulej@yandex.ru

Abstract. *Background.* In recent years, on the issue of Russian emigration in Xinjiang have been published some works. However, in Russian and Chinese historiography, many significant aspects were poorly developed or beyond the attention of researchers, such as the activities of individual leaders. At the same time, many documents and materials from the state archives have not been used in research, so much history about Russian emigration remains unknown. The article aims to present A.S. Bakich's behaviors after the retreat in Xinjiang. *Materials and methods.* The primary sources are archival materials from the State Archives of the Russian Federation (F. R-5881), the Russian State Military Archive (F. 16, F. 110), the Russian State Archive of Social and Political History (F. 122), the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (F. Referentura of Xinjiang). The study also provides pictorial sources obtained from the archive, which visually complement the texts of the corresponding descriptions. The methods included retrospective and individualizing research methods. *Results.* A significant number of documents have been examined that show many unknown facts about A.S. Bakich. At the same time described the life of General A.S. Bakich and his detachment after retreating to Xinjiang. *Conclusions.* From the first day of arrival in Xinjiang, General A.S. Bakich faced various difficulties. Despite the shortage of food, clothing, financial resources, and complex relations with other atamans, A.S. Bakich did everything possible to maintain the organization of the troops and solve the shortage problem. The death of A.I. Dutov influenced the relationship between China and Soviet Russia. It made A.S. Bakich change tactics, which subsequently led to an agreement on eliminating A.S. Bakich between the two countries. In the end, he was killed in 1922.

Keywords: White emigration, A.S. Bakich, A.I. Dutov, Soviet power, Xinjiang

Acknowledgments: the research was financed by the CSC.

For citation: Liu Lei. The activities of General Andrei Stepanovich Bakich and his detachment after the retreat to the territory of Xinjiang. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):30–39. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-3

После Октябрьской революции многие сторонники белого движения вынуждены были уехать за границу, переселившись в соседние европейские и азиатские страны. Русские поселения, появившиеся в Синьцзяне после 1917 г., имели различные очаги возникновения и распространения. В целом неизгладимый след в истории региона оставили именно русские национальные белые войска.

Разгром основных сил адмирала А. В. Колчака на территории Синьцзяна привел к отступлению довольно крупных белогвардейских казачьих войск, в частности корпуса генерала А. С. Бакича.

В конце 1919 г. остатки войск А. И. Дутова начали отход в Семиречье, находившегося на тот момент под контролем Б. В. Анненкова. Из 25 тыс. солдат, изначально насчитывавшихся в составе армии А. И. Дутова, до Семиречья добрались 10–13 тыс. человек [1, с. 233].

В марте 1920 г., после наступления Красной армии, отряд имени А. И. Дутова под командованием А. С. Бакича пересек границу с Китаем. По данным Б. В. Анненкова, границу перешло 12,5 тыс. человек [1, с. 242], тогда как, согласно генералу А. С. Бакичу, на берег р. Эмель прибыло 1814 офицеров и чиновников, 8039 солдат, 785 членов семей военнослужащих – всего 10 638 человек [2, с. 272]. Можно сказать, что данные во многом сходятся. Возможный интервал значений в отношении переходящих составляет 10,5–12,5 тыс. человек. Учитывая, что в конце 1919 г. до Семиречья дошло примерно 10–13 тыс. дутовцев, численность войска непосредственно при самом атамане была мала.

Безусловно, первые месяцы адаптации к новым условиям жизни для белых эмигрантов были наиболее тяжелыми. В частности, ситуацию осложняло физическое и психологическое состояние солдат и гражданских лиц, которое было мало удовлетворительным после трудного перехода русско-китайской границы (рис. 1) [3, л. 174].

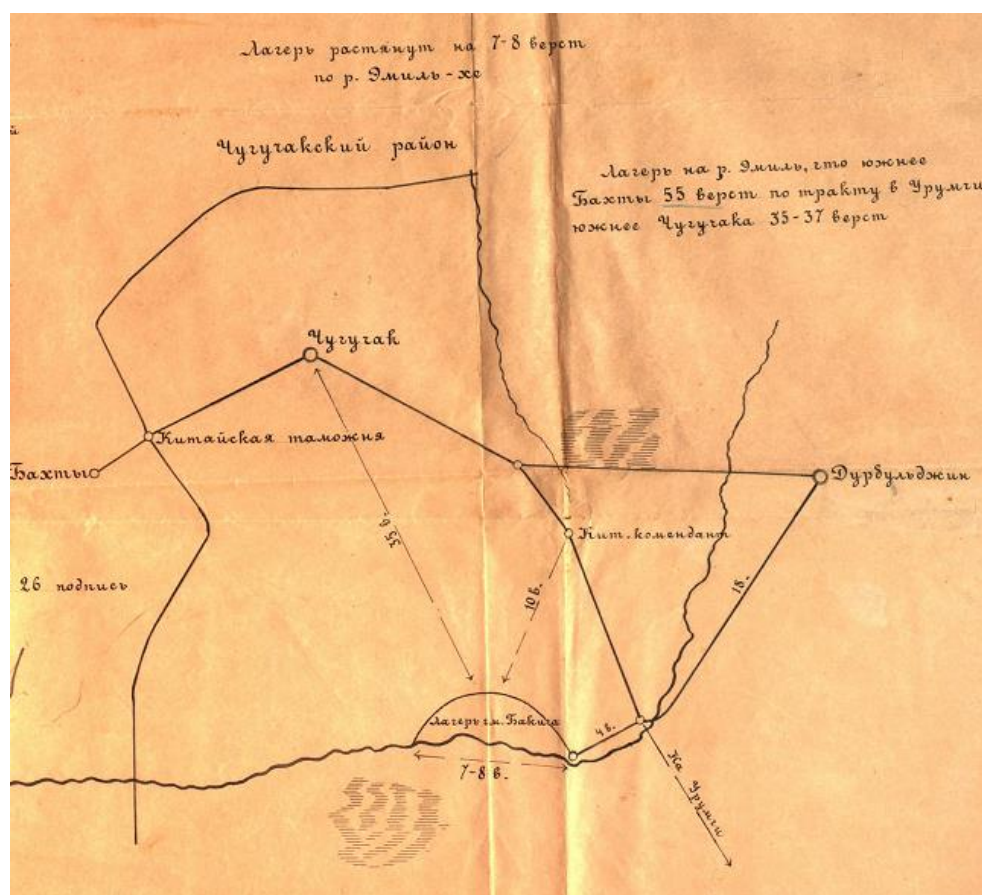

Рис. 1. Расположение лагеря А. С. Бакича

В новых условиях налаживание быта стало первоочередной задачей для прибывших. Примечательно, что с первого дня пребывания на китайской территории образ жизни каждого из отрядов белогвардейцев формировался по-своему. Основная причина заключается в том, что численность каждого

отряда была разной, иными словами, количество рабочих рук варьировалось от отряда к отряду, что сильно повлияло на дальнейшую жизнь каждого из них. В этой связи отряд А. С. Бакича первоначально занимал более выгодное положение. Однако, с другой стороны, А. С. Бакич более других генералов испытывал трудности вследствие нехватки продовольствия и бытовых материалов.

После вхождения в Китай боевой состав в лагере А. С. Бакича сократился почти вдвое. В сводке, датированной 10 июня 1920 г., указано, что в г. Чугучак находится отряд генерала А. С. Бакича численностью в семь тысяч оренбургских казаков, по слухам с оружием, артиллерией и пулеметами [4, л. 97]. К июлю 1920 г. в лагере осталось 1468 офицеров, 3557 солдат, 721 член семей военнослужащих и 1000 гражданских беженцев – всего 6746 человек [5, л. 62 об.]. Если сравнить эти цифры с изначальными данными (10 638 человек), то можно сделать вывод о том, что за 4 месяца отряды покинули 3892 человека.

Для налаживания быта в лагере было решено возводить балаганные постройки, которые со временем перерастали в улицы. В центре неизменно располагалась полковая церковь, что указывает на то, что, независимо от обстоятельств, православие всегда играло особую роль в жизни белогвардейцев. В центре также располагались палатки Красного Креста, к которым вели четыре улицы: Невский проспект, улица Атаманская, улица Поэзии и Грусти и улица Любви [6, с. 120].

По нашему мнению, в названиях улиц были выражены идеи, которые были близки белогвардейским эмигрантам. Первая улица получила свое название в честь Александра Невского. Улица Поэзии и Грусти показывала переживания эмигрантов в чужой стране. Названия двух других улиц (Атаманской и Любви) скорее всего были связаны с А. С. Бакичем, так как, несмотря на трудности, А. С. Бакич успешно справлялся с вызовами, которые бросала ему жизнь на новой территории, будь это улучшение жизненных условий лагеря или непосредственная забота о русских беженцах. По-видимому, назвав одну из улиц Атаманской, жители лагеря выразили таким образом уважение к А. С. Бакичу, тогда как улица Любви появилась как отражение эмоций, которые на чужбине вызывала его забота.

В целом, в отличие от Б. В. Анненкова и А. И. Дутова, генерал А. С. Бакич на начальном этапе стремился сохранить свою армию, чтобы выждать подходящий момент для вступления в борьбу с Советами. В районе Чугучак корпус простоял на положении интернированных 14 месяцев, получая в качестве продовольствия от китайских властей полтора фунта муки и одну четверть фунта риса в сутки и закупая мясо на захваченное серебро (рис. 2) [3, л. 174]. Корпус замер в ожидании [7, л. 1 об.]. Хотя китайская сторона оказывала определенную поддержку, общее положение лагеря было сложным. Если обстоятельства сложились бы таким образом, что интернированный отряд был лишен возможности возвратиться на территорию России, то весь отряд в количестве около шести тысяч человек был бы вынужден продолжать жить в степном лагере без обуви и одежды, так как такому количеству людей невозможно было бы найти работу в Чугучаке и окрестностях ввиду того, что большое количество других беженцев из Семипалатинской и Семиреченской областей, прибывших ранее на данную территорию, уже заняли их потенциальные рабочие места [8, л. 109].

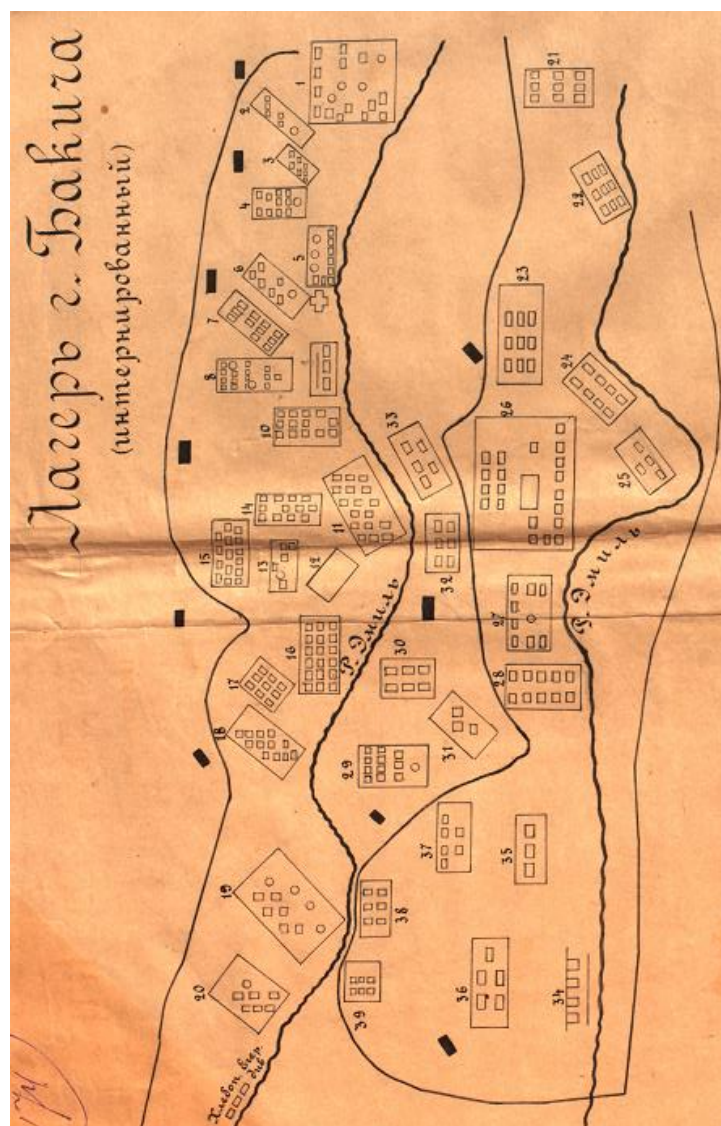

Рис. 2. Интернированный лагерь генерала А. С. Бакича.

Обозначения: «Штаб 1) г.м. Смольника, 2) г.м. Бакич, 3) офицеры, 4) полк Шапошников, 5. Контр-разведка, 6. Отрядный парк, 7. Штаб офицерский резерв, 8. Красный крест, 9. Ветлазарет, 10. Хлебопекарня, 11. Сызрано-Егерский полк, 12. Базар, 13. Управление инспектора артиллерии, 14. Конно-башкирский полк, 15. Конно-егерский полк, 16. 1 батарея С.Е. арт. дивизиона, 17. Парк С.Е. артдива, 18. 2 батарея С.Е. артдива, 19. Штаб С.Е. дивизии, 20. Отрядный инженер, 21. Интендантство Ег. дивизии, 22. Инжрота, 23. 24. 25. 14 Оренбургский каз. полк, 26. Кафе шантан, 27. Полк атамана Дутова, 28. 15 Оренб. полк, 29. Штаб 2 Каз. Оренб. див, 30. 31. 32. 33. Полки 1 и 2 Оренб. каз. див, 34. Интендантство 2 Оренб. каз. див, 35. 36. 37. 38 и 39. Полки 1 и 2 Оренб. каз. див.» [3, л. 174]

Согласно изложенному выше, уже на начальном этапе эмиграции численность отряда быстро сокращалась. Причина заключалась в необходимости самостоятельно строить жилища, что в совокупности с такими факторами, как недоедание и переутомление, приводило к болезням и повышенной смертности.

Чтобы найти средства для содержания своего отряда, А. С. Бакич обращался за помощью не только к китайской стороне, но и к другим потенциальным союзникам.

Сразу после прибытия на территорию Синьцзяна А. С. Бакич неоднократно отправлял телеграммы с просьбой о помощи. Так, в телеграмме от 21.03.1920 А. С. Бакич писал в Харбин к генералу Анисимову, что у них тяжелое положение и что, несмотря на его приказ, деньги им получены не были [9, л. 2]. В телеграмме от 23.05.1920 А. С. Бакич также обращался к Анисимову с просьбой помочь отряду деньгами и обмундированием, а также периодически детально докладывать о военно-политической обстановке [9, л. 8]. Телеграмма от 08.06.1920, посланная в Харбин, гласит: «Прошу передать генералу Анисимову просьбу чаще информировать меня о военно-политической обстановке на востоке» [9, л. 9]. Следующая телеграмма, датированная 16.08.1920, является уведомлением о том, что «полученных от Китая двух фунтов муки недостаточно для жизни» [9, л. 13].

В сентябре 1920 г. А. С. Бакич писал российскому послу в Пекине следующее: «Прошу оказать помощь отряду в составе тысячи четырехсот офицеров, трех тысяч пятисот солдат, казаков и одной тысячи гражданских чинов и членов семейств... в связи с тем, что они будут обречены на гибель от холода и голода предстоящей зимою из-за подходящих к концу всех казенных средств и частных сбережений» [8, л. 131]. Таким образом, можно сказать, что за короткое время отряд потерял еще около тысячи человек.

В свою очередь очевидно, что А. С. Бакич очень старался сохранить свой отряд, однако в целом белая армия постепенно теряла вооруженные силы.

Помимо внутренних проблем, А. С. Бакич был вынужден решать также внешние, так как отношения с А. И. Дутовым и Б. В. Анненковым также ухудшались день за днем.

Фактически отношения между А. С. Бакичем и Б. В. Анненковым испортились еще во время нахождения в Семиречье. Так, с приходом в Семиречье почти 90 % истощенных дутовцев были больны различными формами тифа, однако анненковцы встретили их не слишком дружелюбно. Помимо этого, Б. В. Анненков игнорировал все донесения по поводу нехватки боеприпасов, и анненковцы отказались выдать дутовцам продовольствие и фураж. Таким образом, в этот период генерал А. С. Бакич оказался бессилен и ничего не мог сделать.

После прихода А. С. Бакича на территорию Синьцзяна отношения между ним и А. И. Дутовым стали еще хуже. В апреле – мае 1920 г. для обеспечения нужд отряда генерал А. С. Бакич конфисковал серебро и реквизирует скот у бывшей Отдельной Семиреченской армии [8, л. 98], и, хотя А. С. Бакич сделал это для своих войск, эти самовольные действия не могли не вызвать неодобрение А. И. Дутова, считавшего себя его начальником. Более того,

А. С. Бакича мало интересовала судьба А. И. Дутова. Только спустя длительное время после прихода в Синьцзян А. С. Бакич получил сведения о А. И. Дутове, хотя у последнего неоднократно была возможность передать информацию с одним из множества людей, которые еженедельно путешествовали между двумя населенными пунктами.

Далее, для того чтобы привлечь А. С. Бакича на свою сторону в целях продолжения борьбы с красными, А. И. Дутов писал А. С. Бакичу в июле 1920 г. и его тон оставался дружеским. К осени этого года А. С. Бакич уже считал себя вполне независимым от начальства [10, с. 391], что было в определенной степени связано с тем, что в то время А. С. Бакич узнал о состоянии Б. В. Анненкова и А. И. Дутова. Оказалось, что его положение было более выгодным. В дальнейшем напряженные отношения А. С. Бакича и А. И. Дутова переросли в конфликт. Дело в том, что А. С. Бакич еще несколько раз ответил отказом на предложение А. И. Дутова и даже арестовал его верного сторонника и передал китайским властям, считая, что деятельность А. И. Дутова уже не имеет никакого значения для дальнейшей борьбы.

6 февраля 1921 г. вследствие интриг А. И. Дутов был убит, и это событие самым радикальным образом расстроило все планы активной части Семиреченского кулачества [11, л. 49 об.]. Без сомнения, это событие оказало исключительно сильное влияние на ситуацию того времени. Ввиду полного отсутствия конкурентов А. С. Бакич стал новым лидером белой эмиграции.

Однако на момент, когда А. С. Бакич получил руководство, политическая ситуация давно изменилась. Так, в мае был подписан Илийский протокол в знак начала нормализации отношений между Советской Россией и властями Синьцзяна.

Наряду с этим весной 1921 г. А. С. Бакич начал нарушать самые элементарные правила международного соглашения об интернировании и ультимативно предъявлять китайским властям незаконные требования [3, л. 101]. Кроме того, 9 мая отряд белых войск под командованием П. А. Новикова преодолел перевал Хабар-Асу и вошел на территорию Китая. На основании международных законов китайское правительство предложило отряду немедленно сдать оружие Китаю и интернироваться. Несмотря на это предложение, отряд белых не сдал оружие и 14 мая двинулся вглубь Китайской Республики, имея целью соединиться с интернированным отрядом А. С. Бакича, чем нарушил международный закон о нахождении вооруженных войск на иностранной территории [12, л. 2]. После этого А. С. Бакич совершенно перестал считаться с международными законами, а также с законами Китайской Республики [12, л. 8].

Более того, в мае же 1921 г. к А. С. Бакичу неожиданно прибыл отряд так называемой Народной армии С. Г. Токарева [13, с. 11]. В ее составе были два пехполка и два кавполка общей численностью до 3000 человек. В связи с отказом частей народной дивизии сдать все оружие, отношение китайских властей к корпусу сильно изменилось в худшую сторону и, ввиду перехода красными частями китайской границы, двигавшийся на Чугучак А. С. Бакич вынужден был отдать приказ корпусу перейти границу в районе Шара-Сумэ [7, л. 2]. На тот момент терпение китайских властей было исчерпано почти полностью.

Вскоре было заключено соглашение на ввод Красной армии в Синьцзян для совместных действий против А. С. Бакича. Договор о вводе войск на территорию Туркменской республики был подписан 16 мая в 13 ч. Составленный проект договора принят китайскими властями без изменений за исключением добавления второго пункта, касающегося действий и распоряжений А. С. Бакича, нарушающих международное положение об интернированных. Как гласит второй пункт, интернированный в 1920 г. А. С. Бакич в корне нарушил международные законы об интернированных, так как без ведома и согласия китайских властей производил формирование боевых отрядов. Выслав в Чугучак тайные и контрразведывательные команды, А. С. Бакич умышленно скрыл от китайских властей огнестрельное и холодное оружие и посылал делегации в место расположения отряда П. А. Новикова с целью привлечения его на свою сторону и выслал вооруженный отряд на границу двух государств, имея целью вывести из строя русские пограничные части; ввел среди интернированных военную дисциплину, незаконно производил среди интернированных аресты и расстрелы.

Не имея достаточно количества войск в Тарбагатайском округе для ликвидации указанных банд, китайское правительство согласилось на ввод Красной армии на китайскую территорию для совместных военных действий против вооруженных белых отрядов А. С. Бакича и П. А. Новикова [12, л. 2].

Совместные военные действия китайских и российских красных войск начались 17 мая 1921 г. [12, л. 2]. В целом ликвидация А. С. Бакича дала бы свободу провинции в решении вопроса о нахождении белых в западном Китае, выгнать которых не была в силах ни одна декларация [12, л. 13]. Несмотря на то что его войска в количестве шести тысяч человек были сконцентрированы на территории лагеря, они все-таки не представляли по своему моральному состоянию более или менее серьезной угрозы. По мнению О. Г. Баршака, если бы Ташкент еще в октябре 1920 г. согласился с ним и попытался послать туда своего представителя, то, возможно, с А. С. Бакичем было бы покончено еще в прошлом году, так как его войска из-за полного отсутствия продовольствия, обмундирования и жилья к этому времени были обессилены [11, л. 50].

Тем временем в начале июня 1921 г. урумчинское правительство издало приказ на имя губернатора Тарбагатайского округа задержать и разбить А. С. Бакича, не давая ему двинуться на Урумчи [11, л. 8].

2 июля 1921 г. генерал захватил крепость Шара-Сумэ. А. С. Бакич захватил все оружие китайских войск в Шарасумском округе и объявил себя верховным правителем округа, грабя мирное население в ходе варварских набегов. Шарасумский губернатор застрелился, другие представители китайского правительства разбежались, и в целом положение китайских властей в Синьцзянской провинции было критическим [14, л. 168]. Таким образом, А. С. Бакич превратился в откровенного врага Синьцзяна.

Операция против А. С. Бакича произошла не совсем удачно из-за того, что военные силы противника были недооценены. А. С. Бакич не только не попал в руки красноармейцев, но и, разгромив одну из крепостей Тарбагатайского округа, получил там до 4000 винтовок. Таким образом, А. С. Бакич стал сильнее, чем прежде, и прорвался на северо-восток, где концентрировались

последние представители белой гвардии, с успехом использовавшие калмыцкое движение, направленное против существующего китайского правительства [11, л. 50–50 об.]. В конце июля были получены сведения о том, что А. С. Бакич находится на китайской территории в районе р. Черный Иртыш с остатками отряда, численность которого по непроверенным данным составляла около пяти тысяч человек, которые были вооружены 55 винтовками и несколькими пулеметами. Продовольствие оставляло желать лучшего, основу рациона составляла рыба [12, л. 40].

В сентябре 1921 г. соглашение об окончательной ликвидации отряда А. С. Бакича было подписано второй раз. В этот раз советское командование учло прошлые ошибки, тщательно продумав план наступления. В свою очередь А. С. Бакич также активно готовился к предстоящим боям. В результате стороны понесли крупные потери и А. С. Бакич потерпел поражение.

Однако генерал А. С. Бакич, чей отряд был рассеян по монгольским степям после их разгрома в сентябре 1921 г., задумал новую авантюру против Советской России – налет на Семиречье, целью которого являлось соединение с Ферганскими и Бухарскими басмачами [15, л. 3].

Однако обстановка на территории Монголии для А. С. Бакича была также остра. В итоге он и его отряд были переданы Советской России и в ночь с 16 на 17 июня 1922 г. генерал А. С. Бакич был расстрелян.

Таким образом, в начале 1920-х гг. А. С. Бакич и его отряд вынуждены были жить в Синцзяне. Несмотря на то что они получили некоторую поддержку, ее было недостаточно и сложившаяся ситуация не была благоприятна для них. Чтобы найти средства для содержания своего отряда, А. С. Бакич пытался заручиться поддержкой хоть кого-то из союзников, но те в большинстве случаев отвечали отказом на просьбы о помощи. На дальнейшую судьбу А. С. Бакича повлияли пополнение его отрядов представителями белого движения, а также смерть А. И. Дутова. Далее в целях восстановления дипломатических отношений между Китаем и Советской Россией была организована совместная ликвидация А. С. Бакича. После его смерти основные силы белой эмиграции были уничтожены, вследствие чего оставшиеся белые эмигранты перестали нести хоть какую-то угрозу.

Список литературы

1. Гольцев В. А. Сибирская вандея. Судьба атамана Анненкова. М. : Вече, 2014. 480 с.
2. Абдуллаев К. Н. От Синцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе : Ирфон, 2009. 572 с.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 110. Оп. 3. Д. 595.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 2. Д. 46.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986.
6. Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М. : Русский путь, 2004. 240 с.
7. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223.
8. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985.
9. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896.
10. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 688 с.
11. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 92.
12. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 129.
13. Молоков И. Е. Разгром Бакича. Омск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1979. 64 с.

14. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 1. П. 101. Д. 1.
15. АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 4. П. 102. Д. 6.

References

1. Goltsev V.A. *Sibirskaya vandeya. Sud'ba atamana Annenkova = Siberian vendee. The fate of Ataman Annenkov*. Moscow: Veche, 2014:480. (In Russ.)
2. Abdullaev K.N. *Ot Sintszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii XX veka = From Xinjiang to Khorasan. From the history of the Central Asian emigration of the 20th century*. Dushanbe: Irfon, 2009:572. (In Russ.)
3. Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA). F. 110. Op. 3. D. 595 = Russian State Military Archive. Fund 110. Item 3. File 595. (In Russ.)
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 122. Op. 2. D. 46 = Russian State Archive of social and political history. Fund 122. Item 2. File 46. (In Russ.)
5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 5881. Op. 2. D. 986 = State Archive of the Russian Federation. Fund 5881. Item 2. File 986. (In Russ.)
6. Ganin A.V. *Chernogorets na russkoy sluzhbe: general Bakich = Montenegrin in the Russian service: General Bakich*. Moscow: Russkiy put', 2004:240. (In Russ.)
7. RGVA. F. 16. Op. 3. D. 223 = Russian State Military Archive. Fund 16. Item 3. File 223. (In Russ.)
8. GARF. F. 5881. Op. 2. D. 985 = State Archive of the Russian Federation. Fund 5881. Item 2. File 985. (In Russ.)
9. GARF. F. 5881. Op. 2. D. 896 = State Archive of the Russian Federation. Fund 5881. Item 2. File 896. (In Russ.)
10. Ganin A.V. *Ataman A.I. Dutov = Ataman A.I. Dutov*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006:688. (In Russ.)
11. RGASPI. F. 122. Op. 2. D. 92 = Russian State Archive of social and political history. Fund 122. Item 2. File 92. (In Russ.)
12. RGASPI. F. 122. Op. 2. D. 129 = Russian State Archive of social and political history. Fund 122. Item 2. File 129. (In Russ.)
13. Molokov I.E. *Razgrom Bakicha = The defeat of Bakich*. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1979:64. (In Russ.)
14. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (AVP RF). F. Referentura po Sin'tsyanu. Op. 1. P. 101. D. 1 = Archive of the foreign policy of the Russian Federation. Fund. Referents on the Xinjiang. Item 1. Part 101. File 1. (In Russ.)
15. AVP RF. F. Referentura po Sin'tsyanu. Op. 4. P. 102. D. 6 = Archive of the foreign policy of the Russian Federation. Fund. Referents on the Xinjiang. Item 4. Part 102. File 6. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Лю Лэй

аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, 5)

E-mail: Liulej@yandex.ru

Liu Lei

Postgraduate student, Saint Petersburg State
University (5 Mendeleyevskaya line,
Saint Petersburg, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.04.2022

Принята к публикации / Accepted 25.04.2022

УДК 338.246.2

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-4

Эволюция системы мобилизации в китайскую Красную армию: от добровольчества к льготам и принуждению (1927–1934)

И. Е. Пожилов

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия

pozhilov1@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В статье преимущественно на основе оригинальных китайских источников, ранее недоступных отечественной историографии, исследуются важнейшие этапы эволюции системы призыва в китайскую Красную армию в период аграрной революции на примере Центрального советского района Коммунистической партии Китая. Внимание автора сосредоточено на выявлении и анализе содержания как общей линии коммунистов в мобилизационной политике, так и специфики отдельных ее аспектов, характерных для того или иного периода развития системы. *Результаты.* Рассмотрены конкретные способы и приемы вербовки в действующие войска, равно как и сопровождавшие их настроения масс на фоне нараставших социально-экономических трудностей и лишений, связанных с революционными войнами. *Выводы.* За исключением периода зарождения, китайская Красная армия строилась на основе не добровольчества, а выгодоприобретения и принуждения; при этом идейная составляющая призыва практически не играла никакой роли.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, китайская Красная армия, мобилизационная система, уклонение крестьянства от призыва

Для цитирования: Пожилов И. Е. Эволюция системы мобилизации в китайскую Красную армию: от добровольчества к льготам и принуждению (1927–1934) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 40–56. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-4

The evolution of the recruitment system of the Chinese Red Army: from volunteering to benefits and enforcement (1927–1934)

I.E. Pozhilov

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

pozhilov1@yandex.ru

Abstract. *Background.* The study, mainly based on original Chinese sources previously inaccessible to Russian historiography, examines the most important stages in the evolution of the enlistment system in the Chinese Red Army during the agrarian revolution using the example of the Central Soviet Region of the CPC. The author's attention is focused on identifying and analyzing the content of both the general line of the communists in the mobilization policy, and the specifics of its individual aspects, typical to a particular period of the system's development. *Results.* Specific methods and techniques of recruitment into active troops, as well as the accompanying mood of the masses on the background of growing socio-economic difficulties and hardships associated with revolutionary wars, are considered. *Conclusions.* Excluding the period of its inception, the Chinese Red Army was not built on the basis of volunteerism, but on profit and enforcement; at the same time, the ideological component of the recruitment practically did not play any role.

© Пожилов И. Е., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: the CPC (Communist Party of China), the Chinese Red Army, mobilization system, peasantry's avoidance from conscription

For citation: Pozhilov I.E. The evolution of the recruitment system of the Chinese Red Army: from volunteering to benefits and enforcement (1927–1934). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):40–56. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-4

Неизменно высокая боеготовность вооруженных сил вне зависимости от объективной либо субъективной политической конъюнктуры есть присущая любой регулярной армии константа и один из важнейших показателей ее наступательно-оборонительного потенциала, в первую очередь основанного на мобилизационных возможностях страны. Не случайно планы развертывания войск (в частности, система призыва и комплектования, формирование оперативно-стратегических резервов и т.п.) являются документами особой важности и составляют предмет государственной тайны. Между тем столь актуальная тема как в отечественной, так и зарубежной (прежде всего китайской) историографии не получила достойного внимания, всегда занимая в соответствующих трудах в лучшем случае периферийное место, а то и по причинам неведь откуда взявшейся «традиции» подлежит умолчанию. В целом публикаций, специально посвященных теме или фрагментарно затрагивающих ее, в научной литературе континентального Китая нет, как нет их и в российском историческом дискурсе. Настоящая работа появилась исключительно благодаря ставшим в последнее десятилетие доступными китайским источникам, ранее имевшим гриф «Для служебного пользования». Они, разумеется, не поднимают завесу над всеми представляющими интерес вопросами, будучи рассеянными по страницам множества сборников различной направленности, однако же позволяют поставить проблему и сравнительно полно проанализировать большинство ее аспектов.

Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии (КитРККА), или в национальной повседневной словесности *Хунцзюнь*, как ни парадоксально, далеко не сразу выпало стать заглавной движущей силой аграрной революции. Ровно два года от начала выступления в Наньчане войскам коммунистов потребовалось только на то, чтобы привлечь к себе внимание ревнителей химеры «всеобщего вооружения народа» в Центральный комитет (ЦК), по-прежнему пребывавших под впечатлением предсказаний Чэнь Дусю об опасности «увязнуть в военном оппортунизме» [1, с. 334–343]. Все это время красноармейским командам, кочевавшим по сельским окраинам в попытках раскатать деревню, инертную до всего и даже земельного передела, приходилось действовать самостоятельно, не надеясь на подсказки партийного центра в большинстве значимых вопросов, включая мобилизационную политику (эпизодические и зачастую визионерские предписания Шанхая не в счет).

Переломным в истории КитРККА стало Директивное письмо ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) фронтовому комитету 4-го корпуса от 28 сентября 1929 г. («сентябрьское письмо»), подготовленное Чжоу Энляем на основе бесед с посетившим его Чэнь И (посланцем «армии Чжу-Мао»), а также ряда не слишком «приглаженных» докладов с мест, из которых

следовало: во-первых, если сослаться, к примеру, на донесение луньянского укома КПК Западной Фуцзяни от января 1928 г., что «несмотря на усиленную пропаганду в продвижении аграрной революции и раздачу земли, крестьяне пекутся только об одном, чтобы поскорее восстала мирная жизнь, и не найдут успокоения, пока идет революционная война» [2, с. 17–18]; во-вторых, и это напрямую вытекало из первого, что при «добровольной вербовке в *Хунцзюнь*» ее социально-классовый состав оказывался крайне далеким от надлежащего, т.е. «рабоче-крестьянского». В частности, в ударных соединениях Красной армии (4-й и 5-й корпуса) преобладали бывшие гоминьдановские солдаты, по тем или иным соображениям (из-за масштабной демобилизации в правительственных войсках чаще всего связанным с «трудоустройством» и сугубо меркантильным интересом – коммунисты платили исправней, больше и поровну¹) задумавшие перейти на сторону противника; не менее существенным источником рекрутирования в Красную армию были (и оставались до начала 1930-х гг.) самые что ни на есть «люди с большой дороги» (туфэи), знавшие кое-какой толк в военном деле и в этой связи также представлявшие собой весьма функциональный для армейцев контингент². «Всегда приветствуем их вступление в *Хунцзюнь*, она ведь у нас большая печка, все переплавит», – не без гордости сообщает Чэнь И [5, с. 786]. «Пролетарии отсутствуют вовсе, местное крестьянство, – сошлемся на другой источник, – элемент в войсках единичный» [6, с. 64]³. И это обстоятельство решительно удручало партийные органы и отчасти командование.

А в Москве как будто забыли поделиться с китайскими коллегами Резолюцией по военному вопросу VIII съезда РКП(б), в которой новелла «всенародной Красной гвардии» (по едкому выражению зампреда РВСР Э. Склянского, «потешных войск») «отбрасывается на ближайший исторический период» как «карикатурный продукт» [8, с. 78; 9, с. 40–41]. Не удосужились рассказать и о том, что заявил И. Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и не когда-нибудь, а в знаменательный день 1 августа 1927 г.: «Крестьяне... не будут добровольно драться за социализм» [10, с. 43]⁴.

¹ Красная армия в течение первых четырех–пяти лет существования аккумулировала в своих руках и передавала в партийную кассу колоссальные денежные средства, добываемые в рейдах по экспроприации сельских мироедов и, главное, грабежом зажиточных слоев в уездных центрах и рыночных городах, именуемых *чоукуань* (в современном китайском языке адекватно понятию «фандрайзинг»). Примечательным указанием на его долю в резервах советских властей является заявление Мао Цзэдуна, сказавшего однажды: «Как свидетельствует опыт, доходы по этой статье приходов занимают подчас главное место» [3, с. 106].

² В иных опорных базах КПК туфэи составляли подавляющее большинство в частях и соединениях войск КПК. Так, в районе Хубэй-Хэнань-Аньхой о 31-й и 32-й дивизиях Красной армии крестьяне, прочувствовавшие на себе их «избыточную опеку», отзывались вполне определенно: «Это не армия, это – бандиты» [4, с. 66].

³ Крестьян отталкивало от службы в войсках КПК, разумеется, не только нежелание связываться с в общем-то чуждыми им пришельцами, чаще нарекаемыми «коммунистами-бандитами» (*гунфэй*), как это было принято в гоминьдановском дискурсе, но и их извечное местничество, вернее невыразимая привязанность к родным краям, а также патологический страх смерти или увечья на войне. По этому поводу в *Хунцзюнь*, «армии пришлых», говорили так: «Они солдаты до околицы, а дальше все равно разбегутся по домам, как ни страшай и ни уговаривай» [7, с. 316].

⁴ Анализ изоморфной природы крестьянского самосознания независимо от национальных границ представлен в знаменитой работе компаративиста-исследователя аграрных обществ Дж. Скотта [11].

Будто подтверждая из ряда вон сентенцию лидера российских большевиков, в апреле 1929 г. Мао Цзэдун, знатный протагонист обратного, как-то уж очень буднично докладывает в ЦК: «Крестьяне нинганского уезда Хунань-Цзянсийского погранрайона служить в Красной армии не желают». Чего там «не желают», если по деревне всюду гуляло: «К *Хунцзюнь* не прикасайся – чуму подцепишь!» [12, с. 60; 13, с. 174–175].

Словом, Чжоу Энлай, работая над «сентябрьским письмом», столкнулся с целым клубком жгучих вопросов военно-политического плана, но в первую очередь со стержневой проблемой, которая заключалась в «возмутительном равнодушии крестьянства к вооруженной борьбе коммунистов» и которую, забегаая вперед, так и не удалось поправить в обозримом будущем [14, с. 48]. В конце 1945 г., т.е. почти двадцать лет спустя, командир и политкомиссар 3-й дивизии Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Хуан Кэчэн, посетовав на то, что воз и ныне там, в своей записке в ЦК назовет ее армией «семи нет» – «нет партии, нет масс...» [15, с. 196].

Объявить деревню «тупоголовой» («*Хунцзюнь*, ведь она плоть от плоти ваша родная, а не – не понимают...»), хотя и подобных выпадов хватало, равнялось признанию собственной несостоятельности, поэтому искать решение следовало на путях мистификации «неразрывного единства вооруженных сил и масс» (по крестьянскому разумению, «*Хунцзюнь* – армия не своя, а партийная»). Именно Чжоу Энлай в «сентябрьском письме», предложив воскресить «секретность форм [работы] партии в войсках», первым высказался о потребности посеять в умах иллюзию полнейшего слияния крестьянства с «собственной классовой армией» [16, с. 38, 40]¹.

«Несекретная секретность» (оксюморон из армейского фольклора – «кто коммунист, а кто нет, не знают только незрячие да глухие»), против чего возражали многие из командиров и политработников², со временем выродившаяся если б только в стиль, но обыкновение в партийном сообществе поддерживать «снисходительный диалог» с беспартийной публикой, вела к еще большему нарастанию их взаимной отчужденности, с одной стороны, с другой – действительно питала ту самую призрачную переоценку консолидации масс и Красной армии, немало навредившую пугливым гоминьдановским властям и спутавшую карты наивным историкам [19, с. 188, 195]. Что же касается партийной «секретности», то ее отменили в НОАК лишь в феврале 1948 г. [20, с. 276], когда в социализации миража отпала необходимость.

«Сентябрьское письмо», как нетрудно догадаться, визировало добровольную вербовку в армию в качестве единственного способа комплектования, но «только разорившихся крестьян» (им якобы «деваться некуда»),

¹ Предполагалось, но скорее всего только декларировалось, что столь своеобразная модель партийной деятельности в Красной армии будет иметь место до «установления советской власти в нескольких погранрайонах», после чего именно она уже открыто возьмет на себя «руководство винтовкой» [17, с. 35].

² Переход армейских организаций КПК фактически в подполье не только вызвал недовольство актива, но и поставил его в весьма двусмысленное положение. Как посмеивались «нетоварищи» («товарищ» – синоним члена партии), «теперь партийным бояться нечего – попадут в плен, будут ползать на коленках и каяться наравне со всеми, де сволочи комиссары застрашали...» [18, с. 141–142]. В историографии «секретность» как одна из важнейших особенностей управления КПК армией вниманием обделена полностью, и в этой связи вне ее учета любые рассуждения о постановке политработы в НОА до провозглашения КНР следует считать не более чем досужим теоретизированием.

идеология которых «пусть глубоко непролетарская», однако по перевоспитанию пребудет в целом подходящей моменту. Кроме того, Чжоу Энълай, не взирая на великие трудности с заманиванием крестьянства в войска и не особенным желанием самих военных иметь дело с необученным новобранцем, призвал к... неуклонному «наращиванию *Хунцзюнь*»¹, что должно было превратиться и позднее превратилось «во всеобщий обязательный лозунг и в армии, и в массах» [16, с. 37]. Наконец, с сентября 1929 г. КитРККА встала под относительно бдительный контроль со стороны центрального руководства КПК, одновременно освободившись от уничижительных намеков на «пристрастие к авантюрам бандитского пошиба», хотя официально реабилитируется и получит почетное прозвание «путеводной звезды китайского народа» лишь в 1933 г. [7, с. 117–118].

Как видно из вышеотмеченного, китайская Красная армия в строго терминологическом смысле слова добровольческой не являлась, ибо подобное вооруженное формирование базируется на свободно осознанном выборе волонтера-индивида, полагающего военное служение идее единственно возможным выбором в жизненном предreshении, а не сделкой по взаимному согласию сторон в призыве на службу ради выгодоприобретения либо из безысходности жизненной ситуации. Вот почему в рассматриваемый период военным не удавалось форсировать численность сил за счет резерва, которого попросту не существовало²: приток пленных из Национальной армии имел не иначе как инцидентный характер; крестьянство «на защиту завоеваний революции» становиться не торопилось, ибо в своих ощущениях таковых не замечало³. И в целом подлинно добровольческое ядро КитРККА даже в лучшие времена не превышало 20–25 % наличного состава (что приблизительно равнялось числу членов партии в строю) [20, с. 112].

Между тем проснувшийся у Чжоу Энълая неподдельный интерес к военным делам и унаследованный в еще большей мере Ли Лисанем вызвали на местах нешуточный ажиотаж, придав зачинавшейся советизации второе дыхание, выразившееся в откровенной милитаризации идеологии, политики и практического действия коммунистов. Так, в самом начале 1930 г. советы Южной Цзянси на своем I съезде провозгласили ближайшей целью революционной борьбы «всеобщую военизацию деревни», еще ранее с призывом «вернуться лицом к оружию» обратились к товарищам фуцзяньские партийцы [23, с. 218]. Поклонение вооруженному насилию достигло такой

¹ Кампании *кохун*, т.е. «наращивания *Хунцзюнь*», с легкой руки Чжоу Энълая впоследствии станут важнейшей составляющей военной работы КПК в советских районах и истинным бедствием для тех, кому досталось в них проживать.

² Ощутимый недостаток даже тактических резервов – фатальный порок всех добровольческих армий. Как отмечает Б. Штейфон, известный военный теоретик русского зарубежья и бывший генерал Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием А. Деникина, добровольчество как форма военной организации – «тупиковый путь» развития вооруженных сил [21].

³ Имея «здоровое, земное понятие» о революции как «сиюминутном малом, но непременно *осязаемом* улучшении жизни» – в пику КПК и националистам, лелеявшим ее как самоцель, – крестьяне действительно не понимали, что такое «завоевания». Например, с полученного бедняком от новых властей и урезанного у соседа крохотного земельного надела прокормиться было невозможно, и поэтому он обычно не обрабатывался; подачек из конфискованного движимого имущества «богатеев» (как правило, хозяев среднего достатка) не хватало и на плошку риса [22, с. 67].

степени, что во многих уколах КПК «забросили работу в массах» и, засучив рукава, «взялись за формирование новых регулярных воинских частей, партизанских отрядов, красногвардейских и молодогвардейских дружин»¹. «Довоенизировались» до того, что иные из правоверных *ганьбу* – в это трудно поверить – уже не стеснялись щегольнуть эпатажным «Красная армия крепнет, компартия испускает дух» [23, с. 166].

И все же для возмещения потерь в боях и тем более удовлетворения теперь уже насущного «Наращивай *Хунцзюнь*!» волонтеров явно не хватало. Выход попытались найти в мобилизации (разумеется, «добровольной» – иначе «массы не поймут») заочно радевших за армию комсомольцев, отныне заполучавших шанс понюхать пороха наяву. Казалось бы, так и должно было быть, однако псевдобровольцы, которых предполагалось «активной пропагандой и агитацией превратить в сознательных охотников до службы», оказались не лучше крестьян². Их было не так уж много, и на «наращивание армии» это практически не повлияло; к тому же далеко не все члены «резерва партии» согласились взяться за винтовку. С отказниками вели «непримиримую борьбу»: «подвергали общественному порицанию», «позорили на собраниях», «накладывали дисциплинарные взыскания» и т.п. [20, с. 95–96]. Одновременно стартовала кампания противодействия стигматизации армии и ее прославления всеми доступными средствами, которая, несмотря на масштабы и затраченные средства, увы, к искомому результату не приводила [26, с. 112–113]. Выручал как всегда «стальной сердечник» *Хунцзюнь*, т.е. командиры и бойцы, кто начинал свой путь еще в Наньчане, Цзинганшани или Пинцзяне, кто не мыслил для себя другой стези, кроме ратного дела. Пока не начались «революционные войны»³, тягот воинской службы они, кажется, и не замечали. «Когда есть добыча, – читаем в одном из донесений политотдела 3-й армейской группы (АГ), – солдатам нравится воевать и, по их словам, “без войны скучно жить”» [23, с. 204].

Как бы то ни было, «сталь», отличаясь отвагой в бою и воодушевляя слабых духом однополчан, погоды в «породнении армии и масс» не делала, без чего поступательный процесс «отторжения территорий и их защиты» (центральное звено стратегии партии в аграрной революции) был немислим.

¹ В Красную гвардию записывали всех мужчин и женщин в возрасте от 24 до 50 лет, в Молодую гвардию – всех юношей и девушек от 16 до 23 лет, в детские отряды самообороны («легкая кавалерия») – малолеток от 8 до 15 лет. К 1934 г. в таких иррегулярных формированиях состояло около 480 тыс. человек [24, с. 161].

² Столкнувшись с очень неприятным фактом отказа многих комсомольцев служить в Красной армии, партийным функционерам пришлось формально изменить свою позицию в отношении полного фиаско с вербовкой крестьян. Отныне в оглашениях высоких партийных органов утверждалось, что «массы боятся вступать в *Хунцзюнь*» – это блеф и уловка нерадивых руководителей на местах, не способных «мобилизовать крестьянство на службу в войсках» либо «из контрреволюционных побуждений намеренно вставляющих палки в колеса добровольному призыву» [25, с. 40–41].

³ В партийных документах периода и обиходе боевые действия Красной армии по отражению карательных походов Гоминьдана (ГМД) против ЦСР назывались соответственно «первая [революционная] война», «вторая...» и т.д. Понятие «отражение похода на окружение» (*фань вэйцзяо*) использовалось редко и вошло в оборот много позже, видимо, как более «корректное» с точки зрения официоза. В частности, «четвертую войну» против ГМД инициировали сами коммунисты в стремлении упредить в развертывании группировку противника, в связи с чем очередной «карательный поход» Чан Кайши состоялся в спешке, сильно усеченном виде и по преимуществу имел оборонительный характер [27, с. 116].

Из секретной телеграммы Центрального бюро партии от 3 октября 1931 г. в ЦК КПК можно всецело в этом убедиться. Согласно документу, «полностью красным» (и это перед самым провозглашением Китайской советской республики) являлся только уезд Жуйцзинь, четыре соседних «большей частью белые», остальные – «полностью белые». Не менее примечательно, что на показатель в 20 с лишним уездов, которым привычно оперируют исследователи, коммунистам не удалось выйти даже в 1932 г., когда Центральный советский район (ЦСР) достиг максимума территориального размаха – из 18 уездов «полностью красных» всего семь [28, с. 50].

Третий поход Гоминьдана со всей очевидностью продемонстрировал неготовность Красной армии – главным образом в силу своей малой численности – и к ведению затяжных боев с превосходящими и активно маневрирующими на нескольких направлениях силами противника. В «Тезисах для пропаганды» (от 13 июня 1932 г.), составленных в штабе цзянсийского военного округа (ВО) КитРККА, отмечалось, что «в период прошлогодней войны в советском районе Цзянси не оказалось ни одного населенного пункта, куда бы не добралась белая армия» [7, с. 228]¹. Хотя и закончившийся «великой победой», провал вместе с сопутствовавшими ему ощутимыми безвозвратными потерями *Хунцзюнь* практически свел на нет определенные достижения в «наращивании армии»², затребовав новых подходов к проведению кампании.

Моральные и материальные поощрения за примерную воинскую службу использовали в *Хунцзюнь* и ранее, однако системно и на постоянной основе, а еще важнее в отношении всех военнослужащих преференции не применялись. В восполнение лакуны I Всекитайский съезд советов утвердил «Положение о льготах для Китайской рабоче-крестьянской Красной армии» («18 пунктов»), позднее конкретизированное в ряде постановлений Центрального временного правительства Советской республики. Согласно документам, красноармейцы на период службы наделялись правом на владение землей и ее обработку с помощью советской власти, освобождались (вместе с членами семьи) от всех налогов и сборов, пользовались 5 % скидкой на покупку товаров в казенных магазинах и лавках потребкооперации; раненые военнослужащие получали бесплатное лечение и послебольничный уход; инвалиды войны по увольнении из армии переводились на государственное содержание; жены и дети погибших воинов обеспечивались постоянным денежным пособием и т.д. [29, с. 80–83; 30, с. 63–65, 77–79, 92–93].

Как свидетельствуют источники, «невиданные льготы воистину всколыхнули массу отчаянной гольтбы и бродяг», невзирая на тяготы службы и очень даже возможную гибель в боях, «кинувшихся записываться в солдаты». Один из таких «добровольцев-льготников» излагает: «Двадцать с лишним лет батрачил на угнетателей, земли не было, зерна не было... Случилось прослышать, что в Красной армии явилось много чего хорошего, и сам, никто не

¹ Японская агрессия в Дунбэе вынудила Чан Кайши в шаге от успеха свернуть наступление в ЦСР и перенаправить военные усилия на внешний фронт.

² В основном достижения обеспечивались за счет массовой сдачи в плен и присоединения к Красной армии солдат плохо подготовленных и неустойчивых в бою хунаньских провинциальных войск, участвовавших в первых двух «революционных войнах», а также путем периодически объявляемых комсомольских и партийных призывов «добровольцев» [25, с. 60–62].

ташил, записался служить. Дали земли и зерна, подкинули барахлишка от бывших хозяев, обзавелся женой; отряд помощи таким как я работал за меня в поле; ни тебе забот, ни тебе тревог» [31, с. 236].

Однако система льгот, всецело выстроенная на *чокуань* и «вычете у соседа», довольно скоро зачахла в виду оскудения бесплатных запасов процветания¹. Вместо пособий пошли в ход посулы и расписки, на полках в магазинах шаром покати, увечных предоставили самим себе, о содержании семей за казенный счет запамятовали. Тысячи домочадцев служивых, спасаясь от голода, подались в попрошайки. Кроме горечи и слез ничего другого не вызывала у красноармейцев и дарованная земля, поскольку их семьи, оставшись без мужиков, на самом деле оказались не в состоянии получать с нее урожай, поскольку, принуждаемые на общественных началах вспомоществовать им, все остальные отвечали на апелляции к «пунктам» не иначе как таким вот образом: «Тот, кто тебя заташил в *Хунцзюнь*, пускай на твоём поле и горбатится... ты там в армии рис жуешь, а мы травой не брезгуем» [7, с. 111, 138, 141]. В действительности из обширного льготного реестра остались лишь чествование отличившихся в боях и увековечивание памяти погибших героев.

Сожалению, между тем, подлежит не столько сам факт предсказуемой кончины красноармейских привилегий, сколько достойная удивления реакция власти на день ото дня иссякавший приток новобранцев, хорошо осведомленной об обвальном падении доходов от экспроприаций *Хунцзюнь* в приграничных и белых районах, а также об общем трудно скрываемом ухудшении социально-экономического положения ЦСР, и без того погрязшего в бедности и нищете. Так, оставаясь в плену конфабуляций о нерадивости/вредительстве ответственных за призыв в армию советских *ганьбу*, руководитель секретариата Центрального бюро ЦК Дэн Инчао была просто «сражена», когда на одном из массовых собраний *кохун* никто из присутствовавших после получасовой агитации не выразил желания служить в армии. И среди трехсот человек нашёлся лишь один, не побоявшийся заявить, что «желающих, думается, и не будет, так как “Положение о льготах” не выполняется» [24, с. 329].

В «Основной конституционной программе» Советской республики пришлось записать, что «решительная поддержка революционной войны и участие в ней являются обязанностью всех трудящихся масс», и предупредить ее несознательных граждан о подготовке к введению всеобщей воинской повинности [33, с. 30]. На практике пока это означало поголовную службу в военизированных формированиях, нескончаемые реквизиции у крестьянства зерна в пользу фронта, регулярные выплаты населения за «добровольно» приобретенные облигации оборонных займов, опять же «добровольные» отчисления средств на нужды *Хунцзюнь*, постоянные мобилизации

¹ Весной 1931 г. гоминьдановское командование приступило к строительству единой цепи полевых узлов обороны (блокгаузов) по правобережью р. Ганьцзян и северному обводу ЦСР вплоть до Цзяньнина (в завершённом виде ее протяженность достигла около 400 км по фронту). И Красной армии пришлось столкнуться с большими трудностями в нащупывании участков прорыва на оперативный простор. Впоследствии по мере сжатия обруча блокады (экономическая изоляция района началась много раньше) исчезла и такая возможность. Таким образом, доступ *Хунцзюнь* к источникам *чокуань* был заказан, что привело к окончательному развалу отлаженного механизма пополнения казны [32, с. 18–20].

в носильщики по требованию армейских чинов и др. (при этом около 57 % дворов имели долги и платили налоги, в совокупности превышавшие в три раза ставку по белым районам [24, с. 62]). Разумеется, в первую очередь речь шла о безусловной готовности каждого взрослого подданного мужского пола по первому зову советской власти встать на защиту революции с оружием в руках.

У сталинского высказывания о крестьянах, которые и не помышляют «драться за социализм», есть продолжение, как есть оно и у военно-мобилизационной политики КПК. А в своей речи на упомянутом пленуме Сталин сказал буквально следующее: «Наша задача – эти элементы [крестьян] перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, *заставить* (выделено нами – *И. П.*) воевать за наше общее социалистическое дело» [10, с. 43]. С «перевоспитанием» у китайских товарищей, впрочем, как и у российских большевиков¹, как-то не заладилось – задача не из простейших, если учесть, что выполнялась она по ходу войны. Большевики действовали прямолинейнее и уже в мае 1918 г. ввели всеобщую воинскую повинность, позволив себе, не спрашивая о желаниях масс, силком отправлять на фронт сотни тысяч человек, тогда как в советских районах Китая, приступив в 1932 г. к принуждению в призыве, продолжали упорно цепляться за «добровольчество», в обязательном порядке «выколачивая» из новобранца согласие повоевать в «собственной классовой армии», – на едва ли не гениальный чжоуэньлаевский концепт не должно было пасть и тени сомнения [36, с. 57]².

Первейшим и очевидным для обитателей ЦСР кладезем добровольно-принудительного пополнения Красной армии виделась грандиозной толщи прослойка партийно-советской бюрократии, «расплодившейся» за годы «аграрного переворота» до невообразимых 300–400 тыс. незанятых никаким производительным трудом *ганьбу* и персонала на 2,2 млн населения района [24, с. 286–287]. Кивая на новоявленных правителей в лице местных совработников, за глаза окрещенных – и было за что – «тунеядцами и ворьем»³, массы глухо роптали: «Эх, вычистить бы красные ямы от всех этих захребетников и скопом отправить на фронт, нечего над народом измываться» [28, с. 190]. К потаенным чаяниям крестьянства присоединялись и военные, из-за традиционно неприязненных отношений с советами (именно последние ведали спецфондом земель *Хунцзюнь* и предоставлением прочих льгот красноармейцам) страстно мечтавшие поставить под ружье «зарвавшихся чинуш»⁴. Под предлогом «нерадивости и безынициативности советов в *кохун*» командиры армейских частей неединично брали на себя их функции и «сами,

¹ Федор Дан в своих мемуарах передал мрачную шутку своего собеседника, красноармейца-конвоира, о трехмиллионной армии советов в Гражданской войне: «Миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит» [34, с. 66]. По подсчетам Г. Кривошеева, за всю войну в РККА «выявлено» 2846 тыс. дезертиров [35, с. 94].

² «Добровольчество» как единственный принцип мобилизации в вооруженные силы КПК просуществовало более четверти века.

³ В одном из отчетов с мест говорится: «В ряде деревень в советах хозяйничают бывшие *хаошэнь*, которые купили руководящие должности за деньги и как прежде удерживают власть в своих руках» [7, с. 154].

⁴ Армейцы бранились на советы: «Вы *хаошэнь* нового пошиба!»; те отвечали: «*Хунцзюнь* – сатрапы!» [37, с. 90–91].

как в старину – “вербуй солдат, покупай лошадей”, – отбирали призывников по своему усмотрению» [7, с. 11].

Для коммунистов, чем бы они ни занимались, с началом принудительного комплектования Красной армии был объявлен очередной партийный призыв¹, и многие тысячи рядовых членов КПК откликнулись, пожалуй, на самый актуальный лозунг момента: «Врагу ни пяди советской земли!». Большинство из них достойно выполнили свой долг, многие погибли в боях «пятой войны» [37, с. 114–115]. И тем не менее источники изобилуют свидетельствами уклонения от службы, распространения «пораженческих настроений», предательства и перехода к *фаньшуй* (контрреволюционной борьбе – *И. П.*) даже тех, кому по определению не полагалось искать обходных путей, когда на карту поставлена судьба революции².

Глубинных причин, мягко скажем, неприглядного поведения коммунистов в столь ответственных обстоятельствах искать не надо. Во второй половине 1927 – начале 1928 г., когда ЦК КПК развернул движение за «наращивание партии», в ее ряды – дабы «не транжирить драгоценное время» – принимали по сути всех кого не попадая и порой даже «не индивидуально, но семьями, а то и селами от мала до велика», причем «без всяких ограничительных условий для представителей трудящихся масс» (в Гуандуне, для примера, находилось и в немалом количестве целые «коммунистические деревни») [38, с. 267].

В Цзянси такие деревни не зародились, но понятно, что членам партии (не говоря отдельно о совслужащих, имевших свойство только множиться), сколько бы их ни было и каких личных качеств за ними ни водилось, взвалить на собственные плечи неподъемное бремя заполнения зияющих брешей в планах *кохун*³ возможным не представлялось. Потому основным поставщиком людских ресурсов для армии наконец выпадало стать крестьянству: к началу 1933 г. мобилизованные выходцы из деревни составляли в КПК 77 % в отличие от прежних пяти–семи [25, с. 72]. Противостоять в «пятой войне» полумиллионной хорошо обученной, оснащенной современным вооружением и, что не менее существенно, морально-психологически мотивированной группировке вторжения Гоминьдана⁴ могла лишь массовая армия, непрерывно и нарастающим темпом пополняемая людскими резервами.

¹ Согласно январской (1932) директиве ЦБ ЦК, среди пополнения должно было быть не менее 20 % членов партии. Если ранее директива не реализовывалась и на половину, то отныне за ее невыполнение предусматривались самые строгие меры наказания» [7, с. 7–8].

² В майском (1932) докладе парткома соврайона Цзянси отмечается: «В некоторых районах члены партии не хотят идти в армию, что, за исключением отдельных территорий, стало почти обычным явлением... Глядя на подобные выходки, люди порывают с партией, а массы не таясь злорадствуют, де товарищам закон не писан, ишь как шустро разбегаются кто куда, лишь бы в армию не загреметь» [7, с. 105].

³ Планы *кохун* верстались в верхах по несколько раз в год. Так, Решением ЦК КПК о неотложных задачах партии по отражению четвертого «похода на окружение» (февраль 1933 г.) предусматривалось увеличить Красную армию до 1 млн человек. В реальности Решение оказалось выполненным лишь на четверть [39, с. 78].

⁴ Ядром правительственных войск в заключительном походе против ЦСР выступали так называемые немецкие дивизии (36, 87 и 88-я), вооруженные и обученные по стандартам германского Рейхсвера, «образцовой» армии межвоенного периода. Каждое из этих соединений, отличаясь жесточайшей дисциплиной, кратно превосходило армейский корпус *Хунцзюнь* как по численному составу, так и по огневой мощи [40, с. 32–37].

Второе хуваньское сражение в ноябре 1933 г., о котором на страницах открытых китайских изданий писать не принято, с очевидностью показало, что Красная армия уже не превосходит Национальную армию, радикально преобразившуюся за два минувших года, ни в полевой выучке, ни в стойкости духа [41, с. 53].

Словно наперед зная о проблемах, которые возникнут по ходу добровольно-принудительного призыва, ЦИК Республики в Постановлении по вопросам наращивания Красной армии от 20 сентября 1932 г. указал, что «вступление в *Хунцзюнь* есть безусловный долг всех молодых и здоровых мужчин и женщин¹, в потребное для нее время в скорейшем порядке пополняющих войска». Прочие положения документа касались мер воздействия на тех, кто «не желает вступать в армию либо находящихся в бегах», как-то: «учинение всяческих помех и трудностей в жизни и работе», а также усилия по перевоспитанию с тем, чтобы «уклоняющиеся от службы или бежавшие из армии полностью потеряли лицо и от стыда носа не казали из дома»; «поричание массами» в форме придания гласности имен отказников, запрета на участие в деятельности общественных организаций, «создания нетерпимой для них атмосферы в семье» и т.п.; нежелание служить в *Хунцзюнь* объявлялось «саботажем революции» и «помощью врагу» [30, с. 213–214]. Как в конкретных измерениях осуществлялся переход к принуждению в комплектовании войск и велась борьба с «освобожденным», но верным своим убеждениям крестьянством, показала практика.

Армейским призывом ведали комитеты *кохун* при советах разных уровней, они и занимались составлением списка подходящих кандидатов на воинскую службу («самой ужасающей» бумаги для всякого психически нормального обывателя деревни), который обсуждался и утверждался на общих сходах или «урочных» собраниях. Собрания – что здесь удивляться – с оглашения списка тут же перерастали в словесные побоища (а то и в банальный мордобой), как правило, завершавшиеся впустую. В подобных случаях на следующем выяснении отношений (именно этим оборачивалась злочастная повестка) двери запирались на засов и после дежурного приглашения «по доброй воле пойти в *Хунцзюнь*» объявлялось, что «никто с собрания не уйдет, покуда не сыщется энное количество волонтеров, вписанных в заявку». Для пущего эффекта дома отказников опечатывали, и их семьям приходилось ночевать на улице². А в уезде Жуйцзинь широко использовался такой нехитрый прием: всю деревню без изъятий объявляли «мобилизованной» в Красную армию, внедряли круговую поруку – сосед отвечал за соседа и доносил на него, если возникали подозрения; на жилища тех, кто упорствовал, прибавляли доски позора» [31, с. 88–89]³.

¹ Женщины призывались на службу только в охранные и вспомогательные части КитРККА.

² Как подчеркивается в источниках, особую роль в уговорах отлынивавших от службы парней пойти в армию играли жены, которые после соответствующей проработки властями угрожали мужьям разводом, если те не одумаются. Эта несколько оригинальная мера якобы всегда приносила успех [42, с. 225–226].

³ Ради выполнения плана по призыву низовые *ганьбу* вносили в списки «добровольцев» престарелых, больных и увечных. Так, в районе Шэнхуан из 230 призывников таковыми оказались 64 человека, в уезде Хуэйчан среди 300 в частях были забракованы 84 человека, из более 1 тыс. человек, отправленных в войска фуцзяньскими советами, отсеяли 670 [43, с. 99].

Применение бесцеремонного насилия в призыве на фоне постоянного ухудшения материального положения, приведшего к голоду и абсолютному разорению основной массы дворов, вызывало растущее недовольство крестьянства, которое прежде всего выражалось в отторжении приказной мобилизации и неповиновении властям. Единственным способом протеста в условиях тотального контроля за населением был и оставался до конца уход в горы или в белые районы, где, как минимум, «предатели отсиживались до лучших времен», как максимум, – «вступали в банды *фаньшуй* и начинали вооруженную борьбу» с режимом [44, с. 76–77, 89, 223]. К «проявлениям недовольства» крестьян, категорически отрицавших саму возможность оказаться на фронте, по мнению власть предержащих, относились получившие широкое распространение членовредительство и самоубийства. Между тем в народе к упорствующим в своем неприятии перспективы «умереть за бессмыслицу революции» относились не только с симпатией, но и называли их твердость «доблестью» [7, с. 104–105, 111]. Дабы воспрепятствовать распространению порочащих систему «слухов», в 1932 г. власти ввели цензуру почтовой переписки, и советы получили право проверять и изымать письма, «подрывающие движение по наращиванию армии»; одновременно родным и близким фронтовиков рекомендовалось отправлять им только «воодушевляющие приветы и радостные послания»¹.

Несмотря на сопротивление крестьян силовым (но «добровольным») методам призыва, с весны 1932 г. по сентябрь 1934 г. в итоге трех кампаний *кохун* только по ЦСР в Красную армию было призвано более 270 тыс. молодых и физически крепких мужчин, что означало тотальное обескровливание деревни [24, с. 78].

Однако столь впечатляющие цифры вовсе не равнялись числу попавших непосредственно на фронт. В начале 1933 г. уже внушительное по своим масштабам дезертирство из действующих войск приняло к зиме следующего года лавинообразный характер. В среднем из частей и соединений «уходило куда глаза глядят» свыше трети личного состава (вполне сопоставимо с размахом дезертирства в советской РККА в Гражданскую войну)²; задержанные заградотрядами ГУПО и отконвоированные назад, многие убегали вновь (рекордно – по шесть раз); немалому числу дезертиров удавалось добраться даже до дома и уже оттуда вновь отправляться на войну³. Если ранее за самовольное оставление части в период боевых действий полагался тюремный срок или расстрел, то с весны 1934 г., когда призывать уже было фактически некого (в деревнях выходили в поле разве что дряхлые старики и детвора),

¹ В свою очередь солдатам *Хунцзюнь* запрещалось делиться с однополчанами «плохими новостями» из родных краев, а также сообщать семьям о лишениях и потерях в войне [45, с. 96].

² Апофеозом развала советского «добровольчества» и крушения мифа о «непобедимой Красной армии» стала «сянцзянская катастрофа», когда при прорыве 4-й полосы блокадного кольца в Хунани войска оставили чуть менее 30 из 80 тыс. человек, и по случаю чего Бо Гу чуть было не покончил с собой [14, с. 216].

³ В 1933 г. дезертирство заставило власти инициировать кампанию «за возвращение в армию», в ходе которой в общих чертах повторялись процедуры и способы призыва. Чаще всего поставленные перед угрозой уголовного наказания (как правило, чисто условной), бежавшие с фронта солдаты не без уговоров «добровольно» возвращались на службу, при этом совсем не исключая попыток вновь испытать удачу и остаться в живых [7, с. 143].

дезертир превратился в фигуру неприкасаемую и все последующие его проводы на фронт обставлялись с не меньшей помпой, чем первичные [46, с. 233].

Переполнение армии необученными и «трясущимися от страха» крестьянами («бежали с позиций, не вступая в схватку с врагом») [47, с. 74], с одной стороны, а с другой – колоссальные потери в героически сражавшемся «старом» кадровом составе самым пагубным образом повлияли на боеспособность Красной армии, неуклонно отступавшей под натиском противника вплоть до «бегства на запад» (*сицзуань*), как на ту пору массы называли эвакуацию коммунистов из ЦСР, или «великого похода», как придумал именовать предприятие Чжу Дэ.

Вместо заключения следует сказать, что поиском ключей, открывавших замок к устройству боеспособной, повинующейся приказу армии и в первую очередь мобилизационным технологиям, китайские товарищи занимались в опоре на собственные представления. И нередко, вместо того чтобы воспользоваться слепком с оригинала (опыт российских большевиков), тратились усилия на формовку его дериватов – не хуже, но и не лучше. При этом в обоих случаях идейная рамка не играла той сказочно утрированной роли, что ей со временем была прописана в анналах. «Армию можно принудить преследовать коммунистические цели, – подчеркивал в своей знаменитой статье “Фронт и тыл” (опубликована в июньских номерах “Правды” за 1919 г.) один из подлинных организаторов РККА В. Трифонов, – но ее нельзя строить по-особенному, по-коммунистически» [48, с. 103].

Список литературы

1. Пожилов И. Е. «Сначала партия, армия потом»: как в КПК выполняли наказ Чэнь Дусю // Общество и государство в Китае. Т. XLIX, ч. 1. М., 2019. С. 334–343.
2. Документы по истории революции в Фуцзяни. 1928–1931 гг. Фучжоу, 1985. 266 с. [На китайском языке].
3. Кара-Мурза Г. Экономическая политика китайских советов // Проблемы экономики. 1935. № 3. С. 94–112.
4. Документы по истории революции в советском районе Хубэй-Хэнань-Аньхой : в 10 т. Пекин, 1985. Т. 4. 356 с. [На китайском языке].
5. Избранные документы ЦК КПК : в 50 т. Пекин, 1989. Т. 5. 835 с. [На китайском языке].
6. Сюн Шоуци. Доклад о положении в 4-м корпусе Красной армии за июль 1929 – апрель 1930 гг. // Документы партии. 1999. № 2. С. 55–73. [На китайском языке].
7. Сборник документов по истории революции в Цзянси. 1929 г.; 1931 г.; 1932 г.; 1933–1934 гг. Наньчан, 1992. 624 с. [На китайском языке].
8. Гостев И. Н. Советская власть и Красная Армия в 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 154 с.
9. КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы. 1917–1968. М., 1969. 471 с.
10. Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. М., 1949. Т. 10. 376 с.
11. Scott J. C. Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, 1976. 246 p.
12. Мао Цзэдун. Военные произведения Мао Цзэдуна : в 6 т. Пекин, 1993. Т. 1. 296 с. [На китайском языке].
13. Чэнь Дэцзюнь. Революция в сельском обществе. Шанхай, 2004. 381 с. [На китайском языке].

14. За Мао Цзэдуном к завоеванию Поднебесной : в 4 т. Чанша, 2009. Т. 1. 306 с. [На китайском языке].
15. Хуан Кэчэн о себе. Пекин, 1994. 285 с. [На китайском языке].
16. Избранные произведения Чжоу Эньлая : в 2 т. Пекин, 1997. Т. 1. 439 с. [На китайском языке].
17. Особенности КПК как революционной партии с точки зрения структурного функционализма // Партийно-исторический обзор. 2004. № 7. С. 31–37. [На китайском языке].
18. Исследовательские материалы по истории партии : в 12 т. Чэнду, 1985. Т. 5. 297 с. [На китайском языке].
19. Ван Донянь. История национальной революции в войнах: усмирение мятежа коммунистов : в 3 т. Тайбэй, 1982. Т. 1. 298 с. [На китайском языке].
20. Материалы по истории политработы в войсках : в 13 т. Пекин, 1982. Т. 3. 405 с. [На китайском языке].
21. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Прага, 1928. 131 с.
22. Гао Юйхань. Всем смертям на зло. Чэнду, 1946. 166 с. [На китайском языке].
23. Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы : в 2 т. Наньчан : Цзянси жэньминь чубаньшэ, 1982. Т. 1. 312 с. [На китайском языке].
24. Хуан Даосюань. Революция в Центральном советском районе. Пекин, 2011. 483 с. [На китайском языке].
25. Ван Ци. Движение КПК за «наращивание Красной армии» в период ЦСР. Пекин, 2014. 123 с. [На китайском языке].
26. Избранные материалы по истории пропагандистской работы в Центральном советском районе. Пекин, 2018. 284 с. [На китайском языке].
27. Избранные военные произведения Чжу Дэ. Пекин, 1997. 867 с. [На китайском языке].
28. Избранные материалы по культуре и истории Синго : в 3 т. Наньчан, 1984. Т. 3. 177 с. [На китайском языке].
29. Программные документы китайских советов. М., 1935. 101 с.
30. Избранные документы Центрального правительства Китайской советской республики. Наньчан, 1981. 442 с. [На китайском языке].
31. Материалы по истории революции в Хуанпи. Наньчан, 1978. 276 с. [На китайском языке].
32. Фу Чанлин. Гоминьдановская стратегия блокгаузов и Центральный советский район в период «походов на окружение» // Мир партийной истории. 2013. № 9. С. 16–22. [На китайском языке].
33. Советские районы Китая. Законодательство. 1931–1934. М., 1977. 139 с.
34. Дан Ф. И. Два года скитаний: воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921. М., 2006. 221 с.
35. Кривошеев Г. Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 92–97.
36. Чжан Мин. Тайна Великого похода Красной армии // XXI век. 2007. № 2. С. 54–59. [На китайском языке].
37. Материалы по истории Центральной революционной опорной базы. Партийная система. Пекин, 2011. [На китайском языке].
38. Документы по истории революции в Гуандуне. Гуанчжоу, 1983. 223 с. [На китайском языке].
39. Ван Ляньхуа. Мобилизация и контрмобилизация: движение «кохун» в Центральном советском районе // Научный журнал Хубэйского института управления. 2011. № 3. С. 76–81. [На китайском языке].
40. Бу Мин. Немецкие военные советники в Китае // Военная история. 2005. № 3. С. 32–37. [На китайском языке].

41. Архивный сборник по истории революции в погранрайоне Фуцзянь-Гуандун-Цзянси. Пекин, 1997. 343 с. [На китайском языке].
42. Избранные материалы периодической печати Центрального советского района. Наньчан, 2018. 317 с. [На китайском языке].
43. Избранные статьи по исследованию советских районов. Пекин, 2012. 282 с. [На китайском языке].
44. Избранные материалы по истории революционной опорной базы Хунань-Цзянси : в 4 т. Наньчан, 1984. Т. 1. 319 с. [На китайском языке].
45. Цай Сяогань. Воспоминания о советском районе Цзянси и бегстве на запад Красной армии. Тайбэй, 1970. 184 с. [На китайском языке].
46. Воспоминания о Центральном советском районе. Наньчан, 1981. 333 с. [На китайском языке].
47. Чжан Хунцин, Сяо Вэньян. Крестьянский характер и способы КПК по мобилизации деревни // Стратегия и управление. 2012. № 5. С. 71–80. [На китайском языке].
48. Трифонов Ю. Отблеск костра. М., 1989. 190 с.

References

1. Pozhilov I.E. "First the party, then the army": how the CPC carried out the order of Chen Duxiu. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIX, ch. 1 = Society and state in China. Volume 49, part 1.* Moscow, 2019:334–343. (In Russ.)
2. *Dokumenty po istorii revolyutsii v Futszyani. 1928–1931 gg. = Documents on the History of the Fujian Revolution. 1928–1931.* Fuchzhou, 1985:266. (In Chin.)
3. Kara-Murza G. Economic policy of Chinese councils. *Problemy ekonomiki = Economic issues.* 1935;(3):94–112. (In Russ.)
4. *Dokumenty po istorii revolyutsii v sovetskom rayone Khubey-Khenan'-An'khoy: v 10 t. = Documents on the history of the revolution in the Soviet region of Hubei-Henan-Anhui: in 10 volumes.* Pekin, 1985;4:356. (In Chin.)
5. *Izbrannye dokumenty TsK KPK: v 50 t. = Collected documents of the CPC Central Committee: in 50 volumes.* Pekin, 1989;5:835. (In Chin.)
6. Syun Shoutsu. Report on the situation in the 4th Corps of the Red Army for July 1929 – April 1930. *Dokumenty partii = Party documents.* 1999;(2):55–73. (In Chin.)
7. *Sbornik dokumentov po istorii revolyutsii v Tszyansi. 1929 g.; 1931 g.; 1932 g.; 1933–1934 gg. = Collection of documents on the history of the revolution in Jiangxi. 1929; 1931; 1932; 1933–1934.* Nan'chan, 1992:624. (In Chin.)
8. Gostev I.N. Soviet power and the Red Army in 1918–1920. PhD dissertation. Moscow, 2010:154. (In Russ.)
9. *KPSS o Vooruzhennykh silakh Sovetskogo Soyuz. Dokumenty. 1917–1968 = CPSU on the Armed Forces of the Soviet Union. The documents. 1917–1968.* Moscow, 1969:471. (In Russ.)
10. Stalin I.V. *Sochineniya: v 18 t. = Essays: in 18 volumes.* Moscow, 1949;10:376. (In Russ.)
11. Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia.* New Haven, 1976:246.
12. Mao Tzedun. *Voennye proizvedeniya Mao Tzeduna: v 6 t. = Military works of Mao Zedong: in 6 volumes.* Pekin, 1993;1:296. (In Chin.)
13. Chen' Detszyun'. *Revolutsiya v sel'skom obshchestve = Revolution in rural society.* Shankhay, 2004:381. (In Chin.)
14. *Za Mao Tzedunom k zavoevaniyu Podnebesnoy: v 4 t. = Follow Mao Zedong to the conquest of the Celestial Empire: in 4 volumes.* Chansha, 2009;1:306. (In Chin.)
15. *Khuan Kechen o sebe = Juan Quechen about himself.* Pekin, 1994:285. (In Chin.)
16. *Izbrannye proizvedeniya Chzhou En'laya: v 2 t. = Selected works of Zhou Enlai: in 2 volumes.* Pekin, 1997;1:439. (In Chin.)

17. Features of the CPC as a revolutionary party from the point of view of structural functionalism. *Partiyno-istoricheskiy obzor* = *Party-historical overview*. 2004;(7):31–37. (In Chin.).
18. *Issledovatel'skie materialy po istorii partii: v 12 t.* = *Research materials on the history of the party: in 12 volumes*. Chendu, 1985;5:297. (In Chin.).
19. Van Donyan'. *Istoriya natsional'noy revolyutsii v voynakh: usmirenje myatezha kommunistov: v 3 t.* = *The history of the national revolution in wars: the suppression of the rebellion of the communists: in 3 volumes*. Taybey, 1982;1:298. (In Chin.).
20. *Materialy po istorii politraboty v voyskakh: v 13 t.* = *Materials on the history of political work in the troops: in 13 volumes*. Pekin, 1982;3:405. (In Chin.).
21. Shteyfon B.A. *Krizis dobrovol'chestva* = *Crisis of volunteering*. Praga, 1928:131. (In Russ.).
22. Gao Yuykhan'. *Vsem smertyam na zlo* = *To spite all deaths*. Chendu, 1946:166. (In Chin.).
23. *Izbrannye materialy po istorii Tsentral'noy revolyutsionnoy opornoy bazy: v 2 t.* = *Selected materials on the history of the Central Revolutionary Support Base: in 2 volumes*. Nan'chan: Tszyansi zhen'min' chuban'she, 1982;1:312. (In Chin.).
24. Khuan Daosyuan'. *Revolutsiya v Tsentral'nom sovetskom rayone* = *Revolution in the Central Soviet Region*. Pekin, 2011:483. (In Chin.).
25. Van Tsi. *Dvizhenie KPK za «narashchivanie Krasnoy armii» v period TsSR* = *The CPC movement for the “building up of the Red Army” in the period of the TSSR*. Pekin, 2014:123. (In Chin.).
26. *Izbrannye materialy po istorii propagandistskoy raboty v Tsentral'nom sovetskom rayone* = *Selected materials on the history of propaganda work in the Central Soviet region*. Pekin, 2018:284. (In Chin.).
27. *Izbrannye voennye proizvedeniya Chzhu De* = *Selected military works of Zhu De*. Pekin, 1997:867. (In Chin.).
28. *Izbrannye materialy po kul'ture i istorii Singo: v 3 t.* = *Selected materials on the culture and history of Shingo: in 3 volumes*. Nan'chan, 1984;3:177. (In Chin.).
29. *Programmnye dokumenty kitayskikh sovetov* = *Program Documents of the Chinese Councils*. Moscow, 1935:101. (In Russ.).
30. *Izbrannye dokumenty Tsentral'nogo pravitel'stva Kitayskoy sovetskoy respubliki* = *Selected Documents of the Central Government of the Chinese Soviet Republic*. Nan'chan, 1981:442. (In Chin.).
31. *Materialy po istorii revolyutsii v Khuampi* = *Materials on the history of the revolution in Huangpi*. Nan'chan, 1978:276. (In Chin.).
32. Fu Chanlin. The Kuomintang strategy of blockhouses and the Central Soviet region during the period of “encirclement campaigns”. *Mir partiynoy istorii* = *Party history world*. 2013;(9):16–22. (In Chin.).
33. *Sovetskie rayony Kitaya. Zakonodatel'stvo. 1931–1934* = *Soviet regions of China. Legislation. 1931–1934*. Moscow, 1977:139. (In Russ.).
34. Dan F.I. *Dva goda skitaniy: vospominaniya lidera rossiyskogo men'shevizma. 1919–1921* = *Two years of wandering: memoirs of the leader of Russian Menshevism. 1919–1921*. Moscow, 2006:221. (In Russ.).
35. Krivosheev G.F. About desertion in the Red Army. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* = *Military history journal*. 2001;(6):92–97. (In Russ.).
36. Chzhan Min. The secret of the Great campaign of the red army. *XXI vek* = *The 21st century*. 2007;(2):54–59. (In Chin.).
37. *Materialy po istorii Tsentral'noy revolyutsionnoy opornoy bazy. Partiynaya Sistema* = *Materials on the history of the Central Revolutionary Support Base. Party System*. Pekin, 2011. (In Chin.).
38. *Dokumenty po istorii revolyutsii v Guandune* = *Documents on the history of the revolution in Guangdong*. Guanchzhou, 1983:223. (In Chin.).

39. Van Lyan'khua. Mobilization and countermobilization: the movement of "cohong" in the Central Soviet region. *Nauchnyy zhurnal Khubeyskogo instituta upravleniya = Scientific Journal of the Hubei Institute of Management*. 2011;(3):76–81. (In Chin.).
40. Bu Min. German military advisers in China. *Voennaya istoriya = Military history*. 2005; (3):32–37. (In Chin.).
41. *Arkhnivnyy sbornik po istorii revolyutsii v pogranrayone Futszyan'-Guandun-Tszyansi = Archival collection on the history of the revolution in the border region of Fujian-Guangdong-Jiangxi*. Pekin, 1997:343. (In Chin.).
42. *Izbrannye materialy periodicheskoy pechati Tsentral'nogo sovetskogo rayona = Selected materials of the periodical press of the Central Soviet region*. Nan'chan, 2018:317. (In Chin.).
43. *Izbrannye stat'i po issledovaniyu sovetskikh rayonov = Selected articles on the study of Soviet regions*. Pekin, 2012:282. (In Chin.).
44. *Izbrannye materialy po istorii revolyutsionnoy opornoy bazy Khunan'-Tszyansi: v 4 t. = Selected materials on the history of the revolutionary stronghold of Hunan-Jiangxi: in 4 volumes*. Nan'chan, 1984;1:319. (In Chin.).
45. Tsay Syaogan'. *Vospominaniya o sovetskom rayone Tszyansi i begstve na zapad Krasnoy armii = Memories of the Soviet region of Jiangxi and the flight to the west of the Red Army*. Taybey, 1970:184. (In Chin.).
46. *Vospominaniya o Tsentral'nom sovetskom rayone = Memories of the Central Soviet Region*. Nan'chan, 1981:333. (In Chin.).
47. Chzhan Khuntsin, Syao Ven'yan'. The Peasant Character and the CPC's Ways to Mobilize the Village. *Strategiya i upravlenie = Strategy and management*. 2012;(5):71–80. (In Chin.).
48. Trifonov Yu. *Otblesk kostra = Campfire reflection*. Moscow, 1989:190. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Игорь Евгеньевич Пожилов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр новейшей истории Китая, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Igor E. Pozhilov

Candidate of historical sciences, leading researcher, Center of modern history of China, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Science (32 Nahimovskiy avenue, Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.01.2022

Принята к публикации / Accepted 10.02.2022

УДК 94(47).084.8

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-5

Компрометация маршала Георгия Константиновича Жукова

О. Б. Мозохин

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

mozohin@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования определяется потребностью всестороннего и объективного анализа взаимоотношений руководителей государства в борьбе за власть. Публикация ставит своей целью отразить деятельность органов государственной безопасности под руководством министра В. С. Абакумова по компрометации Г. К. Жукова. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Президента Российской Федерации и опубликованных ранее материалов по теме исследования. Методологический потенциал включает философские принципы диалектики, а именно объективность, научность, всесторонность, единство исторического, логического и др. *Результаты.* На основании документов рассмотрен механизм фальсификации показаний арестованных из близкого окружения маршала для его компрометации. Вместе с тем необходимо отметить, что факты мародерства Жукова в Германии, его моральный облик и факты своего возвеличивания действительно имели место. *Выводы.* Компрометация Г. К. Жукова проводилась по инициативе Г. М. Маленкова и Л. П. Берии и совершенно очевидно с согласия А. А. Жданова, которые благодаря своему влиянию на И. В. Сталина убирали конкурентов с политического олимпа, расчищая себе дорогу к власти. Исполнителем их воли был министр государственной безопасности В. С. Абакумов, который в своей работе ориентировался кроме Сталина на своего протеже – Берию.

Ключевые слова: Г. К. Жуков, компрометация, мародерство, Министерство государственной безопасности СССР, И. В. Сталин, В. С. Абакумов, Л. П. Берия

Для цитирования: Мозохин О. Б. Компрометация маршала Георгия Константиновича Жукова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 57–77. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-5

Compromising Marshal Georgy Konstantinovich Zhukov

O.B. Mozokhin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

mozohin@bk.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is determined by the need for a comprehensive and objective analysis of the relationship between state leaders in the struggle for power. The purpose of the study is to reflect the activities of the state security agencies under the leadership of Minister V.S. Abakumov in compromising G.K. Zhukov. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved through the use of documents from the Russian State Archive of Contemporary History, the Russian State Archive of Socio-Political History, the Archive of the President of the Russian Federation and previously published materials on the research topic. The methodological potential includes

the philosophical principles of dialectics, namely, objectivity, scientific character, comprehensiveness, unity of the historical, logical, etc. *Results.* Based on the documents, the mechanism of falsifying the testimony of those arrested from the marshal's close circle in order to compromise him is considered. At the same time, it should be noted that the facts of Zhukov's looting in Germany, his moral character and the facts of his exaltation really took place. *Conclusions.* The compromise of G.K. Zhukov was carried out on the initiative of G.M. Malenkov and L.P. Beria and quite obviously with the consent of A.A. Zhdanov, who, thanks to their influence on I.V. Stalin, removed competitors from the political Olympus, clearing their way to power. The executor of their will was the Minister of State Security V.S. Abakumov, who, in addition to Stalin, was guided in his work by his protégé, Beria.

Keywords: G.K. Zhukov, compromise, looting, Ministry of State Security of the USSR, I.V. Stalin, V.S. Abakumov, L.P. Beria

For citation: Mozokhin O.B. Compromising Marshal Georgy Konstantinovich Zhukov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2022;(2):57–77. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-5

Георгий Константинович Жуков – одна из самых ярких личностей в истории России. Его имя как главного полководца Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне ставится в один ряд с именами А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Поэтому биография маршала Победы остается актуальной темой в современной российской историографии.

Историография о маршале Г. К. Жукове многочисленна [1, 2]. В публикациях даются разнообразные оценки его деятельности от резко негативных до позитивных [3]. Необходимо отметить воспоминания и самого маршала, которые неоднократно переиздавались и остаются важным источником для исследователей его жизненного пути [4].

Источниковой базой статьи являются документы Российского государственного архива новейшей истории (РГНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива Президента Российской Федерации, которые в основном впервые вводятся в широкий научный оборот. Также используются опубликованные источники. К сожалению, для исследователей жизни и деятельности Г. К. Жукова открыты еще не все архивные документы, работа над ними предстоит следующим поколениям историков.

После победы в Великой Отечественной войне Сталин приступил к перестановкам в руководстве спецслужб. В связи с тем, что его не удовлетворяла работа Л. П. Берии на посту наркома внутренних дел, он отвел его от кураторства силовым блоком и поручил сосредоточиться на атомном проекте. 29 декабря 1945 г. на должность наркома внутренних дел был назначен С. Н. Круглов. Руководителем наркомата государственной безопасности СССР оставался В. Н. Меркулов.

В марте 1946 г. все наркоматы по инициативе Сталина были преобразованы в министерства. 15 марта и Народный комиссариат государственной безопасности преобразовали в Министерство государственной безопасности (МГБ). 4 мая 1946 г. новым министром МГБ стал бывший начальник «Смерш» В. С. Абакумов, который был назначен на эту должность по рекомендации Л. П. Берия. Причем вопрос о его назначении решился в течение

суток. Еще 3 мая Меркулов планировал взять к себе Абакумова заместителем министра по общим вопросам, о чем направил свое предложение в ЦК. Однако на следующий день на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об освобождении самого Меркулова с занимаемой должности [5, л. 80–81].

Предпринятые попытки Берия, работавшего в это время в Совмине, взять под свое кураторство работу МГБ, успехом не увенчались [6, л. 215]. Сталин это его желание не одобрил, куратором над органами государственной безопасности он назначил секретаря ЦК ВКП(б) – А. А. Кузнецова [7, л. 47].

Необходимо подчеркнуть, что Абакумов был полностью зависим от Берия, так как именно он продвигал его по карьерной лестнице с конца 1930-х гг. В связи с этим, по словам сослуживцев, Абакумов в своей работе ориентировался не только на Сталина, но и на своего протеже – Берия. Он нередко обращался к нему за советами и указаниями. Из его неизменной практики посылки всех документов в адрес Берия явствовало, что тот является фактическим руководителем МГБ или по крайней мере лично Абакумова [8, л. 16]. Таким образом, кураторство Берии над органами государственной безопасности неформально, но все же оставалось.

Сталин ждал от Абакумова такой же эффективной работы, какую он демонстрировал в годы войны, возглавляя «Смерш», однако в создавшейся ситуации министр Абакумов кроме исполнения планов вождя вынужден был еще считаться с планами своего протеже Берия и его «друга» Маленкова. В эти годы эта «двойка» сделала все возможное, чтобы «убрать» своих конкурентов в борьбе за власть. По воспоминаниям Василия Сталина, «Маленков был единым целым с Берия» [9, л. 2].

После окончания Великой Отечественной войны маршал Г. К. Жуков стал одной из влиятельных политических фигур в стране, он совершенно реально претендовал на должность министра вооруженных сил СССР. При этом он не считался ни с фаворитом Сталина – А. А. Ждановым, ни с Г. М. Маленковым и Л. П. Берия, вел себя по отношению к ним совершенно независимо. Укрепление позиций Жукова в окружении Сталина не устраивало вышеуказанных лиц. Чтобы избежать его возвышения, маршала начали компрометировать в глазах «хозяина».

Абакумов с благословения Берии написал записку Сталину, в которой сообщалось, что Жуков восхваляет себя как выдающегося полководца Второй мировой войны, принижая роль вождя. К ней было приложено заявление арестованного бывшего главнокомандующего ВВС, главного маршала авиации А. А. Новикова, в котором кроме нанесенного большого вреда ВВС страны он «признался» в преступных связях с Жуковым. В заявлении он писал, что Жуков не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремился чаще бывать в войсках, чтобы таким образом завоевать себе авторитет. Вместо того чтобы спланировать командный состав вокруг Верховного главнокомандующего, он спланировал людей вокруг себя, делал вид, что для них он является «добрым дядей». Жуков очень хитро, тонко и в осторожной

форме пытался умалить руководящую роль в войне Верховного главнокомандования и в то же время, не стесняясь, выпячивал свою роль в войне как великого полководца.

В феврале 1946 г., Жуков рассказал Новикову, что ему в Берлин звонил Сталин и спрашивал, какое бы он хотел получить назначение, на что Жуков ответил, что хочет пойти главнокомандующим Сухопутными силами. Это желание он мотивировал тем, что, находясь в этой должности, он, по существу, будет руководить почти всем Наркоматом обороны [1, л. 176–183].

Естественно, эти показания Новикова, доложенные Сталину, не могли не задеть его, ведь он сам непосредственно разрабатывал и руководил операциями Великой Отечественной войны. Кроме того, Сталин дружески относился к Жукову и не ожидал от него такого отношения к себе.

1 июня 1946 г. материалы на Г. К. Жукова, поступившие из МГБ СССР, обсуждались на Высшем военном совете. В представленном документе сообщалось, что маршал бравирует своим положением, считая себя главным героем прошедшей войны. Члены Политбюро – А. А. Жданов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович и другие – подтвердили эти недостатки.

На заседании было принято решение об освобождении Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и об освобождении от обязанностей заместителя министра Вооруженных сил.

Булганин и Василевский направили проект приказа о маршале Жукове на подпись Сталину, на следующий день он был подписан.

Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня утвердил предложение Высшего военного совета об освобождении Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и освободил его от обязанностей заместителя министра Вооруженных сил СССР.

Высший военный совет установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди своих подчиненных. Он считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе разработку и проведение всех основных операций в Великой Отечественной войне, включая даже и те, к которым он не имел совершенно никакого отношения.

Жуков пытался группировать вокруг себя недовольных и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя правительству и верховному главнокомандованию.

Под конец обсуждения этого вопроса маршал Жуков заявил, что он действительно допустил серьезные ошибки, у него появилось зазнайство, что он не может оставаться на посту главкома Сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы.

Высший военный совет, рассмотрев вопрос о поведении Жукова, единодушно признал его вредным и несовместимым с занимаемым им положением. Совет министров (СМ) СССР на основании изложенного принял решение об освобождении Жукова от занимаемых им постов и назначил его командующим войсками Одесского военного округа [10, л. 103–106].

4 июня 1946 г. в соответствии с Постановлением СМ СССР Жуков должность главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных сил Союза ССР и обязанности заместителя министра Вооруженных сил Союза ССР сдал маршалу Советского Союза И. С. Коневу [11, л. 93].

После выхода Постановления деятельность Жукова стала находиться под пристальным наблюдением как со стороны командования, так и со стороны органов государственной безопасности. Обо всем, что касалось Жукова, информировался Верховный главнокомандующий.

Так, 23 августа 1946 г. Булганин сообщил Сталину, что в Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) было задержано 7 вагонов с мебелью, принадлежавших Жукову, которые следовали из Германии. Эти вагоны были отправлены в Одессу, при этом таможне дано указание мебель маршалу не выдавать до получения специального указания [12, л. 1].

21 февраля 1947 г. Пленум ЦК ВКП(б) вывел Жукова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) [10, л. 206]. Это решение стало серьезным ударом по маршалу. У Абакумова появилась полная свобода действий против бывшего кандидата в члены ЦК ВКП(б).

Георгий Константинович это прекрасно понимал. В тот же день он пишет Сталину, что исключение его из кандидатов ЦК ВКП(б) убило его:

«Я не карьерист, и мне было легче перенести снятие меня с должности главнокома Сухопутных войск. Я 9 месяцев упорно работал в должности командующего войсками округа, хотя заявление, послужившее основанием для снятия меня с должности, было клеветническим.

Я Вам лично дал слово в том, что все допущенные ошибки будут устранены.

За 9 месяцев я не получил ни одного замечания, мне говорили, что округ стоит на хорошем счету.

Я считал, что я сейчас работаю хорошо, но начатая клеветническая работа против меня продолжается до сих пор.

Я прошу Вас, т. Сталин, выслушать меня лично, и я уверен, что Вас обманывают недобросовестные люди, чтобы очернить меня» [10, л. 208].

По-видимому, Сталин не принял его. Понимая, что на этом дело может не закончиться, 27 февраля 1947 г. Жуков вновь пишет Сталину, а в копии Жданову очередное письмо:

«Товарищ Сталин, я еще раз со всей чистосердечностью докладываю Вам о своих ошибках.

1. Во-первых, моя вина прежде всего заключается в том, что я во время войны переоценивал свою роль в операциях и потерял чувство большевистской скромности.

Во-вторых, моя вина заключается в том, что при докладах Вам и Ставке Верховного главнокомандования своих соображений я иногда проявлял нетактичность и в грубой форме отстаивал свое мнение.

В-третьих, я виноват в том, что в разговорах с Василевским, Новиковым и Вороновым делился с ними о том, какие мне делались замечания Вами по моим докладам. Все эти разговоры никогда не носили характера обид, точно также, как я, высказывались Василевский, Новиков и Воронов. Я сейчас со всей ответственностью понял, что такая обывательская болтовня безусловно является грубой ошибкой и ее я больше не допущу.

В-четвертых, я виноват в том, что проявлял мягкотелость и докладывал Вам просьбы о командирах, которые несли заслуженное наказание. Я ошибочно считал, что во время войны для пользы дела лучше их быстрее простить и восстановить в прежних правах. Я сейчас осознал, что мое мнение было ошибочным.

2. Одновременно, товарищ Сталин, я чистосердечно заверяю Вас в том, что заявление Новикова о моем враждебном настроении к Правительству является клеветой.

Вы, товарищ Сталин, знаете, что я, не щадя своей жизни, без колебаний лез в самую опасную обстановку и всегда старался как можно лучше выполнить Ваше указание.

Товарищ Сталин, я также заверяю Вас в том, что я никогда не приписывал себе операцию в Крыму. Если где-либо и шла речь, то это относилось к операции под станицей Крымской, которую я проводил по Вашему поручению.

3. Все допущенные ошибки я глубоко осознал, товарищ Сталин, и даю Вам твердое слово большевика, что ошибки у меня больше не повторятся. На заседании Высшего Военного Совета я дал Вам слово в кратчайший срок устранить допущенные мною ошибки, и я свое слово выполняю. Работаю в Округе много и с большим желанием. Прошу Вас, товарищ Сталин, оказать мне полное доверие, я Ваше доверие оправдаю» [10, л. 211–212].

В это время Абакумов усиленно начинает искать компрометирующие факты в отношении Жукова. С этой целью арестовывается его ближайшее окружение, из которого «выбивают» необходимые следствию показания.

9 января 1947 г. Сталину предоставляют сводку о первом допросе Ф. Т. Рыбальченко – бывшем начальнике штаба Приволжского военного округа. Он признал, что вместе с В. Н. Гордовым и Г. И. Куликом возводили клевету на Сталина, обвиняя его в том, что, устранившись от руководства армией, он отдал ее на откуп бездарным в военном отношении лицам, каким они считали Н. А. Булганина, А. М. Василевского и И. С. Конева. Они полагали, что Советская армия является отсталой и в предстоящей войне неминуемо потерпит поражение.

Рыбальченко, Гордов и Кулик являлись противниками политической работы в армии и всячески разжигали вражду между командным и политическим составом округа. Защитником этой линии они считали Жукова, который тоже ненавидел политический аппарат.

Немного позже Сталину был представлен протокол допроса В. Н. Гордова – бывшего командующего войсками Приволжского военного округа. Он показал, что после освобождения Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными силами и перевода его на работу в Одесский военный округ многие сожалели об этом. Утверждая, что страна идет к гибели, Гордов неоднократно называл советское правительство «кучкой тиранов», которая разграбила страну и сделала ее нищей. Признал, что Рыбальченко и Кулику он заявлял о необходимости свержения советского правительства, с чем последние соглашались. Утверждал, что правительство стремится убить в народе всякую живую мысль, поэтому беспощадно расправляется со всеми, кто в той или иной мере проявляет недовольство условиями жизни в СССР. Показал, что в беседах с Рыбальченко и своей женой высказывал озлобление против правительства и главы Советского государства и допускал против Сталина оскорбительные выпады.

В свою очередь Г. И. Кулик – бывший заместитель командующего войсками Приволжского военного округа, признав себя виновным во враждебном отношении к советской власти, показал, что на почве общности антисоветских взглядов установил преступную связь с Гордовым и Рыбальченко,

с которыми систематически возводил клевету на советский строй, руководителей ВКП(б) и правительство. В разговорах они пришли к выводу, что советская власть привела город и деревню к нищете, что государственный аппарат оторвался от народа и перестал заботиться о нем. Кулик заявлял, что государство держится на НКВД и насажденной им системе шпионажа за советскими людьми, обвинял Политбюро в отсутствии демократии и проведении диктаторской политики.

10 февраля 1947 г. Сталину был направлен очередной протокол допроса Г. И. Кулика, в котором он признал, что давно двурушничал, скрывая свое враждебное отношение к мероприятиям партии и советского правительства. Его озлобление против советского правительства особенно усилилось после 1942 г., когда он был лишен звания маршала Советского Союза. По его словам, Жуков тоже проявлял недовольство положением в армии и призывал группироваться вокруг него всех недовольных советской властью.

После утверждения первым заместителем Наркома обороны СССР Булганина Кулик был на приеме у Жукова. В процессе разговора Жуков дал понять, что он недоволен решением правительства об утверждении в должности первого заместителя наркома обороны Булганина, назвав его человеком двуличным и подхалимом. Маршал предположил, что решение по его делу было вынесено по настоянию Берии и Маленкова, которые давно питали к нему неприязнь.

17 февраля 1947 г. членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б) по поручению Сталина была направлена для сведения записка Абакумова и протокол допроса Ф. Т. Рыбальченко. Из показаний Рыбальченко следовало, что Гордов, высказывая Терентьеву измышления о голоде в стране и неудачах Советского Союза на международной арене, говорил, что правительству плевать на нужды народа и на смерть миллионов, ибо оно себя всем обеспечило. Дополняя эти выпады, Кулик в одной из бесед заявил, что основное зло кроется в Берии и Маленкове, которые руководят всей политикой, а Сталин им доверяет.

В марте того же года Гордов на допросе заявил, что после снятия Жукова с должности главнокомандующего Сухопутными войсками, он не примирился, а наоборот, затаил еще большую злобу. При подходящих условиях он может открыто выступить против советского правительства.

После своего переезда в сентябре 1946 г. на жительство в Москву Гордов часто встречался с Кузнецовым – начальником 22 стройтреста Минавиапром. В происходивших между ними беседах жаловался на несправедливое отношение к нему в связи с увольнением из армии.

Кузнецов ответил, что Гордов напрасно возмущается, так как не только к нему, но и к другим ответственным работникам относятся бездушно. Жуков вон какая величина был, а и то убрали. Начав разговор о Жукове, Кузнецов всячески восхвалял его как выдающегося полководца. После освобождения маршала от должности главнокомандующего Сухопутными войсками не только генералитет армии сожалел об этом, но и даже Сталин. Он по секрету сообщил, что ему известно о том, что если бы Жуков написал Сталину покаянное письмо, он простил бы его. Однако Жуков властолюбив и преклоняться перед ним не будет. Не знал Кузнецов, что покаянные письма были написаны Жуковым, но они ему не помогли.

22 июля 1950 г. Абакумов направил Сталину на согласование список на арестованных изменников родины, шпионов и террористов, которых МГБ считало необходимым приговорить к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу без права обжалования, помилования и с приведением приговора в исполнение немедленно. В этот список были включены В. Н. Гордов, Г. И. Кулик и Ф. Т. Рыбальченко, которые, якобы, являлись активными врагами советского народа [13, л. 157]. 24 августа 1950 г. все они были приговорены к расстрелу¹.

После высылки Жукова в Одессу Абакумов продолжает искать на него новые компроматы. МГБ арестовывает бывшего адъютанта Жукова – А. С. Семочкина, который вынужден был «вспомнить» все плохое о своем бывшем начальнике за несколько лет.

31 декабря 1947 г. по поручению Сталина членам и кандидатам в члены Политбюро был направлен для ознакомления протокол допроса Семочкина, где он показал, что за внешним уважением к Верховному главнокомандующему Жуков скрывал свое озлобление против Ставки, стремился умалить руководящую роль Сталина в войне и выпятить себя как спасителя России. Он вспомнил, что в 1946 г. в Берлине кем-то из журналистов была прислана на просмотр подготовленная к печати статья, где говорилось о роли Сталина в организации и укреплении советской армии. Жуков, просмотрев ее, внес свои коррективы, которые свелись к вычеркиванию из нее большей части текста, где говорилось о заслугах Сталина.

Недовольство Ставкой у Жукова прорывалось на всем протяжении войны. Причем в тех случаях, когда в ходе операции выявлялся провал, Жуков сваливал это на Верховное главнокомандование, а при успехе все заслуги относил на свой счет.

Со слов Семочкина, Жуков и Новиков поддерживали тесную связь. Жуков при поездках по заданиям Ставки на фронты обязательно старался взять с собой Новикова. После его ареста Жуков возложил на своего адъютанта заботы о его семье. Так, Семочкиным был организован перевод младшего сына Новикова из Военного института иностранных языков

¹ Впоследствии после смерти Сталина Генеральный прокурор СССР Р. Руденко 28 марта 1956 г. сообщил в ЦК КПСС о том, что в суде Кулик признал свою вину только в том, что иногда в присутствии Гордова и Рыбальченко допускал отдельные нездоровые высказывания. Заявил, что его показания, данные на предварительном следствии, являются ложными и были получены от него незаконными методами следствия. Гордов свои показания в суде также изменил, заявив, что вину свою он признает только в том, что допускал отдельные высказывания, направленные против Сталина. Проверкой, произведенной Прокуратурой СССР, установлено, что Гордов, Кулик и Рыбальченко были осуждены необоснованно. По указанию Абакумова к арестованным применялись меры физического воздействия: их помещали в карцер, избивали, допускали к ним угрозы, в результате чего они вынуждены были признать себя виновными в преступлениях, которых не совершали. Арестованные Хейло, Ворожейкин и Басс, уличавшие Гордова, Кулика и Рыбальченко в совершении государственных преступлений, от своих показаний отказались, заявив, что дали их в результате применения к ним мер физического воздействия. Жена Гордова показала, что никаких антисоветских высказываний она не слышала, а показания дала в результате угроз и запугиваний со стороны следователя и Абакумова. Таким образом, проверкой были опровергнуты обвинения в организованной антисоветской деятельности, изменнических и террористических намерениях. Прокуратура СССР посчитала возможным внести в Верховный суд СССР предложение об отмене приговоров ВК ВС СССР и прекращении дел в отношении Гордова, Кулика и Рыбальченко [14, л. 103–105]. В 1956 г. все они были реабилитированы.

в гражданский институт. Когда он доложил Жукову, что его поручение выполнено, маршал выругался и заявил, что он напрасно беспокоился о его семье, так как сам Новиков оказался слабохарактерным человеком и, попав в тюрьму, сообщил о недовольстве Жуковым руководством партии и правительства.

После того как Жукова понизили, Семочкин заходил к нему. Он рассказал ему, что шоферу Чучелову, работающему у маршала Конева, в январе 1947 г. удалось подслушать разговор между Булганиным и Коневым, в котором они высказывались за то, что Жукова было бы целесообразно разжаловать до генерал-полковника.

К числу обиженных властью относился Кулик, которого Жуков вытягивал на командные должности, хотя его бездарность была общеизвестна. О характере их отношений, по словам Семочкина, можно судить по случаю, который произошел на его глазах в период Курской битвы.

В это время Семочкина за то, что он проштрафился перед женой маршала, временно направили в качестве наблюдателя в армию Чистякова. На месте ему объяснили, что создалась угроза прорыва фронта советских войск, так как между армией Чистякова и танковой армией Каткова имелся разрыв в 8 км. Он сразу сообщил об этом Жукову, но от него никаких указаний не последовало, и войска остались в прежнем положении. Немцы, используя это, разбили один из крайних корпусов, остатки которого отступили к г. Краснокутску, а затем атаковали 27 армию, оказавшуюся вследствие этого в тяжелом положении. Создавшуюся обстановку можно было легко исправить быстрым вводом в действие стоявшей поблизости четвертой резервной армии, которой командовал Кулик.

Жуков направился к Кулику и приказал Семочкину приехать к нему. Когда тот прибыл в штаб армии, ему сообщили, что Жуков и Кулик выехали на наблюдательный пункт и указали его местонахождение. Он поехал за ними и застал обоих в одной из деревень, которую они для отвода глаз назвали наблюдательным пунктом. Там, не считаясь с тем, что 27-я армия несла большие потери, Жуков и Кулик два дня пьянствовали с машинисткой, которую Кулик специально привез для Жукова, и только по прошествии этих двух дней стали принимать меры к исправлению положения, причем ввод 4-й армии в сражении никакого успеха советским войскам не принес.

Жуков как человек исключительно властный любил почет и угодность, в связи с этим в среде его приближенных находилось много генералов, преклонявшихся и подхалимствовавших перед ним. К такого сорта приближенным относились И. А. Серов, К. Ф. Телегин, П. А. Ротмистров и В. В. Крюков.

С Серовым Жуков поддерживал близкую связь с 1940 г., когда командовал войсками Киевского особого военного округа (КОВО). В это время Серов являлся наркомом внутренних дел Украины. Еще в то время Серов присылал Жукову в подарок вещи, отобранные у арестованных. Жукову связь с Серовыми нужна была для того, чтобы последний, хорошо видевший поведение Жукова и знавший о нем, никуда об этом не сообщал. Серов был постоянным спутником Жукова при выездах на охоту, где они проводили много времени. При отъезде Жуков, оставляя Семочкина или кого другого у телефонов, приказывал, в случае звонков из Ставки, говорить, что он якобы выехал в войска, а не на охоту.

Жуков сумел купить Серова представлением его к званию героя Советского Союза. Тот целиком находился в его руках, откровенно подхалимствовал и явно угождал маршалу, присылая ему различные подарки, а однажды дал Жукову 50 тыс. немецких марок, на которые он купил через Ротмистрова две автомашины.

Таким образом, следствие установило преступную связь Жукова с Серовым. Это было особенно важно для Абакумова, который предпринимал большие усилия и для компрометации Серова, которого Сталин в 1946 г. планировал назначить на пост министра МГБ. Конкурентов надо было «убить» вовремя.

Далее Семочкин рассказал о том, как Жуков морально пал. Об этом свидетельствовала его особая страсть к золоту и всякого рода ценным вещам, которых он нагребил за границей столько, что трудно себе представить. Он заставлял его объезжать армии и требовать, чтобы оттуда ему присылали подарки. Жуков строго наставлял братья для него только драгоценности. Подбирая драгоценности в г. Лодзь, Семочкин взломал сейф в ювелирном магазине, из которого до составления описи он забрал и привез Жукову две шкатулки с драгоценностями. Семочкин рассказал, что у маршала в спальне стоит эта шкатулка и чемодан, в которых находятся дорогостоящие золотые изделия, привезенные из Германии.

Данный протокол допроса Сталин направил для ознакомления Жукову. От того последовала незамедлительная реакция, он писал Сталину, что Семочкин дал на него показания, идентичные заявлению арестованного Новикова. Маршал глубоко осознал свою ошибку в том, что приказывал брать из брошенных особняков несколько десятков картин и несколько десятков ковров для оборудования дачи, данной в его пользование. Признал себя виновным в том, что приказал купить и перебросить в Москву до двух с половиной тысяч различного обоевого материала. При этом категорически отвергал показания своего адъютанта о том, что заставлял его доставать для себя ценности. По словам Жукова, если бы он хотел их брать, он мог бы взять их сколько угодно. Категорически отвергал показания о своем плохом политическом поведении. Напомнил Сталину, что в своем письме, переданном ранее через Булганина, по поводу ошибок, допущенных им во время войны, дал слово, что больше не допустит этого, и свое слово он держит. Он готов за допущенные ошибки нести любое наказание и будет честно работать ради славы и величия Родины и партии. Просил не верить сомнительным элементам, а сделать объективные выводы по его делу и подтвердить все обвинения фактами: «Я, т. Сталин, на протяжении 30 лет, не щадя своей жизни, как верный сын нашей Родины и как честный большевик беззаветно служил делу партии и впредь буду таковым» [15, л. 133–134].

Сталин решил проверить факты, изложенные Семочкиным в протоколе допроса, которые были отвергнуты Жуковым, и сделать объективные выводы, о чем его просил и маршал.

В соответствии с указанием Сталина 5 января на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями. В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка

находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате. Она не была изъята, была только составлена опись ценностей, находившиеся в ней [12, л. 6].

В ночь с 8 на 9 января был произведен негласный обыск на даче Жукова в пос. Рублево, под Москвой. Было обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранилось огромное количество различного рода товаров и ценностей. Имущество лежало в 51 сундуке и чемодане, а также лежало навалом. Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках были расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Дача Жукова представляла собой антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их было так много, что четыре картины висели даже на кухне. Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, была заграничная. На даче не было ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стояло большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением на немецком языке.

По окончании обыска были обнаружены меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и другие вещи, сложенные еще в одной комнате, которая была закрыта на ключ и у двери которой стояла стража.

В Одессу также была направлена группа оперативных работников МГБ для производства негласного обыска в квартире Жукова и в этом городе. О результатах этой операции Абакумов обещал доложить Сталину дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, то, как выяснилось, этот чемодан все время держала при себе жена Жукова и при поездках брала его с собой. Когда маршал вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, этот чемодан вновь появился у него в квартире.

Абакумов предложил потребовать у Жукова сдачи ценностей, находящихся в этом чемодане, государству [1, л. 189–191].

Жуков разочаровал Сталина, его слова о том, что он взял из брошенных особняков только несколько десятков картин и ковров в свое пользование, оказались ложью. Можно было предполагать, что и все остальное, что говорил Жуков, не соответствовало действительности. Доверие Сталина маршал потерял окончательно.

20 января 1948 г. было направлено Постановление ЦК ВКП(б) о маршале Советского союза Г. К. Жукове членам Высшего военного совета, Главнокомандующим групп войск, Главнокомандующему войсками на Дальнем Востоке, командующим родами войск Министерства вооруженных сил, командующим войсками военных округов, командующим флотами, секретарям ЦК ВКП(б) Жданову, Кузнецову, Попову, Суслову, секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, Шкирятову. В нем говорилось, что ЦК ВКП(б), заслушав сообщение Комиссии в составе Жданова, Булганина, Кузнецова, Суслова и Шкирятова, выделенной для рассмотрения поступивших в ЦК материалов о недостойном поведении командующего Одесским военным округом Г. К. Жукова, установила следующее.

Жуков, являвшийся Главкомом группы советских оккупационных войск в Германии, допустил поступки, позорящие высокое звание члена ВКП(б) и честь командира советской армии. Будучи полностью обеспеченным со стороны государства, Жуков встал на путь мародерства, занявшись присвоением и вывозом из Германии для личных нужд большого количества ценностей. В этих целях он использовал своих подчиненных, которые, угождая перед ним, шли на явные преступления, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках, взломали сейф в ювелирном магазине в г. Лодзи, изъяв находящиеся в нем ценности, и т.д.

В итоге Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т.д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и сверх того еще до 30 килограммов разных серебряных изделий, до 50 дорогостоящих ковров и гобеленов, более 60 картин, представляющих большую художественную ценность, около 3700 метров шелка, шерсти, парчи, бархата и других тканей, свыше 320 шкурок ценных мехов и т.д.

Будучи вызван в Комиссию для дачи объяснений, Жуков вел себя неподобающим образом, в объяснениях был неискренним и пытался всячески скрыть факты своего антипартийного поведения. Указанные поступки и поведение Жукова на Комиссии характеризовали его как человека, опустившегося в политическом и моральном отношении.

Учитывая изложенное, ЦК ВКП(б) постановил следующее.

Признавая, что Г. К. Жуков за свои поступки заслуживает исключения из рядов партии и предания суду, сделать ему последнее предупреждение, предоставив в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания.

Освободить Жукова с поста командующего Одесским военным округом, назначив его командующим одним из меньших округов.

Обязать Жукова немедленно сдать в Госфонд все незаконно присвоенные им драгоценности и вещи.

3 февраля 1948 г. МГБ СССР сообщило Сталину, что взятое с базы госфондов имущество и хранившиеся в МГБ ценности, изъятые у Жукова, переданы по акту с подробными поштучными описям управляющему делами Совета министров СССР Чадаеву [12, л. 50]. Подробный перечень этих вещей ранее уже публиковался [1, л. 192–195].

Позже оперативной техникой, установленной на московской квартире Жукова, был зафиксирован его разговор с женой – Александрой Диевной. 15 сентября он говорил ей о Сталине: «Я раньше думал, что Сталин принципиальный человек, а он слушает, что ему говорят его приближенные. Ему кто-нибудь, что скажет, и он верит. Ну, х.. с ними, пусть теперь другие повоюют» [13, л. 60]. 16 сентября Жуков вылетел самолетом на новое место службы в Свердловск.

Абакумов не унимался, ему нужны были новые поводы для того, чтобы окончательно уничтожить Жукова. Он вновь готовит документ уже о политических преступлениях опального маршала. 19 сентября 1948 г. Молотову, Берия, Маленкову, Вознесенскому, Микояну, Кагановичу, Булганину и Косыгину по поручению Сталина был разослан этот материал с обязательством

возврата в ЦК после использования [13, л. 12]. В нем министр МГБ докладывал Сталину, что в процессе наблюдения за Жуковым и проведения следствия по делам ряда арестованных из числа его связей и близкого окружения все больше и больше вскрывалось вражеское лицо Жукова. Выяснилось, что он двурушник, ведет линию на противопоставление себя руководителям Советского государства и стремится к власти.

Проанализировав еще раз все имеющиеся материалы, МГБ пришло к выводу, что Жуков – замаскированный враг, ненавидит руководителей партии и всячески выставляет себя «спасителем отечества». Особое подозрение вызывала его тяга к иностранцам и его связь с американским реакционером Д. Эйзенхауэром.

По мнению Абакумова, Жуков, обладая типичными чертами человека эсеровского толка, не побрезгует ничем в своих стремлениях к верховенству, и теперь, притаившись, он выжидает удобный момент для осуществления своих намерений.

МГБ СССР, отбрасывая в сторону материалы о стяжательстве Жукова, его мародерстве и обогащении, в своей записке касалось только его политических преступлений. Имея в виду серьезность этих материалов, Абакумов предлагал потребовать от Жукова ответа на обвинения его в политических преступлениях с тем, чтобы вскрыть до конца все его намерения и выяснить, на кого он рассчитывал в своих замыслах [13, л. 14].

К докладной записке была приложена справка на Г. К. Жукова, в которой были отражены показания арестованных в 1947–1948 гг. за антисоветскую деятельность генералов и офицеров советской армии Гордова, Кулика, Рыбальченко, Терентьева, Минюк, Филатова, Соколова, Семочкина, Курганского, а также арестованного в 1946 г. бывшего главнокомандующего ВВС Новикова, являвшихся близкими людьми Жукову.

Арестованные в последнее время бывший член Военного совета группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, бывший заместитель главнокомандующего ВВС маршал авиации Г. А. Ворожейкин и бывший генерал-адъютант Жукова генерал-лейтенант И. С. Варенников также показали о вражеской работе и преступных замыслах Жукова.

По мнению МГБ, Жуков группировал вокруг себя преданных ему людей, которые, будучи обласканными Жуковым, создавали ему ореол славы и восхваляли его как талантливого полководца, называли «Георгием Победоносцем».

Арестованный К. Ф. Телегин заявил, что маршал стремился узурпировать в своих руках всю власть в стране подобно тому, как это в свое время сделал Наполеон во Франции. Он показал:

«По приезде в 1945 году из Москвы на фронт Жуков, рассказав о встрече со Сталиным, подчеркнул, что Сталин, по его мнению, сильно постарел и после окончания войны его придется разгрузить от обязанностей по военному министерству. Я, подготовленный всем предыдущим, что было между мной и Жуковым, лицемерно заявил Жукову, что в его Жукова лице имеется достойный приемник Сталина.

В другой раз, также приехав из Москвы, Жуков на мой вопрос о том, что нового в столице, рассказал, что Сталин подал заявление в ЦК ВКП(б)

о снятии с него обязанностей по Министерству Вооруженных сил. По радостному тону и по поведению Жукова было видно, что он уже чувствовал себя министром, поэтому я счел момент подходящим и сказал: “Скоро Вас, Георгий Константинович, будут поздравлять как министра вооруженных сил”.

Жуков самодовольно улыбнулся и стал важно расхаживать по кабинету» [13, л. 16].

Характеризуя поведение Жукова, арестованный В. Г. Терентьев – бывший генерал-адъютант Жукова – показал:

«Жуков очень опасный человек. Будучи властным по натуре, он в короткий срок может “прибрать к рукам” любого человека. Жуков явно претендует на то, чтобы занять в стране более высокое положение. Я располагаю фактами, которые прямо говорят о неуважении Жукова к Ставке Верховного Главнокомандующего и самому Верховному Главнокомандующему» [13, л. 17].

Таково же плана показания были получены и от бывшего главнокомандующего ВВС А. А. Новикова:

«В начале 1943 года я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливались операции по ликвидации так называемого “Демянского котла” и встречался там с Жуковым.

Жуков рассказал мне, что перед выездом из Москвы он якобы посообщился с Верховным Главнокомандующим из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил Жуков, решил не звонить ему, несмотря на то, что обязан делать это. Если, говорил Жуков, Сталин позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему.

Рассказывал этот факт мне Жуков в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлен, как можно так говорить о Сталине.

В моем присутствии Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства» [13, л. 19].

Арестованные отмечали преклонение Жукова перед иностранцами и его подозрительную связь с Эйзенхауэром. Варенников рассказал, что Эйзенхауэр даже обращался к Жукову с просьбой оказать помощь в работе американскому послу Смитсу.

Упомянувшийся выше бывший адъютант Семочкин на допросе показал:

«О том, что Жуков в своих планах рассчитывал на большее, нежели на руководство вооруженными силами, видно не только из его недовольства руководителями партии и Советского правительства, а и из многих других его поступков и особенно из его стремления завоевать авторитет в войсках и сколотить вокруг себя генералитет армии.

...Мне приходилось присутствовать вместе с Жуковым на торжествах и банкетах, происходивших после окончания войны с Германией, и я не помню такого случая, когда Жуков, хотя бы раз, сказал доброе слово о Сталине, а наоборот, замалчивал его роль в руководстве армией и страной, самодовольно поощрял приписываемые ему, Жукову, титулы победителя Германии.

...В годовщину победы над Германией от имени Сталина Жукову был прислан радиоприемник, на котором танк, давящий фашистского орла, символически изображал победу Советского Союза над Германией.

В монограмме на приемнике говорилось о том, что он является подарком Сталину от рабочих Уральского завода в честь славной победы советского народа над немцами. Прочитав эту надпись, Жуков заявил: “Подарок попал не по адресу”, и затем, имея в виду себя, продолжал: “Не знает народ, кому надо присылать такие подарки”» [13, л. 28–29].

Арестованный бывший преподаватель Высшей военной академии Ворошилова полковник Н. В. Соколов, находившийся в близких отношениях с Жуковым, показал, что он в целях популяризации Жукова намеревался написать книгу о нем как выдающемся полководце [13, л. 30].

Показаниями ряда арестованных и другими материалами Жуков изобличался как морально опустившийся человек, имевший неразборчивые связи со многими женщинами.

Бывший генерал-адъютант Жукова – Терентьев – показал: «Разнузданность и бестактность Жукова дошла до того, что сборища с пьянками и женщинами он бесцеремонно устраивал в Бабельсберге, близ Берлина, в домике, где во время Потсдамского совещания глав четырех государств жил и работал Сталин».

Подтверждая этот факт, арестованный Семочкин дополнительно показал:

«Жуков был развратным человеком, хотя и прикидывался святошей. Таких фактов очень много. Под видом медсестры при Жукове постоянно находилась некая Захарова, с которой он сожительствовал, а Семочкина заставлял следить, чтобы она не путалась с другими мужчинами, доставать для нее ценные вещи, организовывать производство незаконных аборт».

Приезжая в Москву, Жуков уединялся с Захаровой в доме Генштаба на Кировской, 37, где во время войны работал верховный главнокомандующий. Этот дом намечался к превращению в музей, но предварительно подлежал реставрации, так как Жуков увез оттуда всю обстановку.

В то время как Жуков запирался с Захаровой и развратничал, Семочкин сидел у телефонов, имея от него приказание отвечать на звонки сверху, что он якобы принимает процедуры. За то, что Захарова сожительствовала с Жуковым, он наградил ее орденами: Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, польским крестом и шестью медалями. Жуков продолжает сожительствовать с Захаровой по сей день, она находилась при нем в Одессе.

Другая сожительница Жукова Лочкова работала в гражданской администрации в Германии. С ней он запирался в кабинете, а Соколовский и Дратвин сидели в приемной и ожидали его по 2–3 часа.

В период боев в районе Гжатска Жуков сожительствовал с Кузнецовой, которая позже была арестована, из-за нее Жуков несколько раз откладывал выезды в воинские части.

По приказанию Жукова Семочкин привозил ему из Тулы медсестру, а затем он сожительствовал с двумя официантками из столовой Военного Совета Группы советских оккупационных войск» [13, л. 35].

Изложенные Семочкиным факты были подтверждены показаниями допрошенных Л. Т. Кузнецовой-Чередовой, М. И. Поляковой, записями из дневника Л. В. Захаровой и рапортом бывшего начальника охраны Жукова – Н. Х. Бедова, который помимо этого сообщил:

«Жуков являлся неустойчивым в моральном отношении человеком и при удобном случае не пропускал ни одной женщины.

Он сожительствовал не только с женщинами из числа лично его обслуживавшего персонала, но бывая в армиях.

Склонял к сожительству официанток, обслуживающих командующих этими армиями. Такие случаи были при выездах Жукова в армии генералов Захаркина, Кулика, Колпакчи и в кавкорпус генерала Константинова.

Кстати сказать, будучи у Константинова, Жуков использовал молодую девушку, работавшую официанткой столовой, которая после этого горько плакала.

Помимо этого, Жуков имел при себе узел связи, укомплектованный из числа молодых девушек, и со многими из них Жуков поочередно сожительствовал. Выезжая в армии, он брал кого-нибудь из них с собой под видом официантки и затем при следующих выездах чередовал их. Я знаю, что с Жуковым по несколько раз выезжали связистки Савченко Надя, Яцук Люба, Кузнецова и Галя, фамилию не помню» [13, л. 36–37].

Реакции Сталина на этот документ не последовало.

Наблюдение за Жуковым со стороны МГБ продолжалось. Было установлено, что особые отношения у Жукова сложились во время войны с генералом В. В. Крюковым и его женой, народной артисткой Л. А. Руслановой, которую он вместе с другими артистами даже наградил боевым орденом. Этот факт был установлен через два года после окончания войны.

В связи с этим событием 21 июня 1947 г. ЦК ВКП(б) вынужден был рассмотреть этот вопрос на своем заседании. Было установлено, что Главнокомандующий группы Советских оккупационных войск в Германии Жуков и член Военного совета Телегин своим приказом о награждении артистов допустили нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР».

Выслушав личные объяснения Жукова и Телегина, ЦК ВКП(б) постановил: Г. К. Жукову объявить выговор, а К. Ф. Телегина перевести из членов ВКП(б) в кандидаты и уволить из Вооруженных сил СССР. Войти в ПВС СССР с предложением об отмене этого награждения [15, л. 18–19].

10 августа 1948 г. Абакумов сообщил Сталину, что Министерством государственной безопасности СССР установлено, что В. В. Крюков и его жена Л. А. Русланова, проявляя враждебные настроения, всячески превозносят Жукова как великого полководца и широко распространяют о нем славу победителя Германии, называя его Георгием Победоносцем.

Высказывая резкое недовольство по поводу снятия Жукова с поста главнокомандующего Сухопутными силами, они обвиняли советское правительство в несправедливом отношении к нему и заявляли о своей преданности маршалу, а Русланова высказывала готовность пойти за ним даже в Сибирь. Помимо этого, Русланова подарила жене Жукова бриллиантовую брошь, заявив при этом, что если советское правительство не награждает таких жен, то она сама наградит ее.

МГБ СССР считало необходимым Владимира Викторовича Крюкова арестовать, это могло дать возможность вскрыть до конца преступные связи Крюкова и Руслановой с Жуковым [13, л. 1–2].

По показаниям уже арестованных МГБ СССР В. А. Александрова – бывшего заведующего художественной мастерской Управления по обслуживанию дипломатического корпуса МИД СССР, А. А. Марьянова – бывшего заведующего постановочной частью Московского госцирка и В. К. Алавердова – бывшего художественного руководителя акробатического ансамбля Центрального дома культуры (ЦДК) было установлено, что сближение Крюкова с Руслановой произошло в тайном притоне разврата, существовавшем в 1942–1943 гг. в помещении Московского цирка, который Крюков и Русланова посещали.

Арестованный Марьянов показал:

«С появлением Крюкова “жизнь” притона приняла более разнузданную и массовую форму разврата.

Крюков появился со своей любовницей, некой Аллой Ивановной, и некоторыми сослуживцами и под видом “свадьбы” мы устроили пьяную оргию. После того, как все основательно перепились, начался сплошной разврат, длившийся в течение всей ночи.

...Эпопея Крюкова с Аллой Ивановной продолжалась недолго. Вскоре он избавился от нее, поскольку у него начался любовный роман с Руслановой, завершившийся их женитьбой» [13, л. 9].

Рассказывая о морально бытовом разложении Крюкова, арестованный Алавердов, который в период войны служил адъютантом у него, показал, что даже после женитьбы на Руслановой Крюков сожительствовал со многими, в том числе с девушками из полевого госпиталя, которых ему поставлял его начальник подполковник Снохчан. Многих из них, в том числе и Снохчана, Крюков награждал орденами и медалями.

Из показаний арестованных устанавливалось, что Крюков в период пребывания в Германии занимался мародерством, присвоил себе большое количество ценностей и вещей, которые переправлял в Москву и продавал по спекулятивным ценам. Во время нахождения Крюкова на территории Германии к нему приезжала Русланова, которую Алавердов несколько раз сопровождал в Берлин и Лейпциг, где она обменивала у местного немецкого населения на продукты питания дорогостоящие меха и заказывала для себя различные туалеты. Продукты питания Русланова получала со склада воинской части, которой командовал Крюков.

После женитьбы Крюков получил квартиру на ул. Воровского, которая была превращена в склад вещей, привезенных из Германии.

После окончания войны Русланова несколько раз в своей московской квартире устраивала банкеты, на которые приглашался и Жуков. Как говорила Русланова, целью этих банкетов являлось «создание карьеры» Крюкову [13, л. 9–10].

16 сентября 1948 г. Абакумов получил разрешение Сталина на арест генерал-лейтенанта В. В. Крюкова [13, л. 38–39].

18 октября Абакумов доложил Сталину, что арестовал В. В. Крюкова и его жену Л. А. Русланову, находившуюся на гастролях в г. Казани [9, л. 64].

Уже после смерти Сталина Крюков направил письма на имя Хрущева и Жукова с просьбой пересмотреть его дела. Хрущев 3 июня 1953 г. переправил это заявление членам Президиума ЦК КПСС. По его мнению, следовало проверить и пересмотреть дело [14, л. 32].

В письме своему бывшему другу, заместителю министра обороны маршалу Жукову Крюков описал, что ему пришлось пережить за это время.

Арестовали его 18 сентября в 4 часа утра. 15 минут дали на сборы, после чего он был направлен во внутреннюю тюрьму МГБ.

После соответствующей обработки в тюрьме он был вызван к заместителю начальника следственной части полковнику Лихачеву, который заявил, что Крюков уже не генерал, а арестант, и разговоры с ним будут коротки. А министр Абакумов прямо заявил: «Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь».

На протяжении месяца Крюков проводил бессонные ночи в кабинете следователя¹. Из бесед со следователем он понял, что его обвиняют в участии какого-то заговора, во главе которого якобы стоит маршал Жуков.

Прошел месяц, Крюкова перебросили в Лефортовскую тюрьму, в так называемый «бокс». Там его начали избивать².

Затем следователь составил ряд протоколов, где сообщалось о том, что Крюков везде и всюду восхвалял Жукова и, наконец, что он укрывал какие-то преступления Жукова. Вначале он категорически отказывался их подписывать, но последовали новые репрессии, и он смалодушничал³.

Вторым обвинением, это было уже в конце следствия, стало присвоение трофейного имущества. Крюков признал себя виновным в присвоении трофейного имущества, но не в том количестве, как оно фигурировало в деле.

Три с лишним года шло следствие по его делу.

В октябре 1951 г. он был вызван следователем, который начал «подготавливать» его к беседе с прокурором. Предупредил, что если он начнет отказываться от показаний, то опять начнется следствие. Крюкову ничего не оставалось как последовать совету следователя и признать себя виновным по всем пунктам.

Оставалась надежда на суд, но перед судом он снова был вызван следователем, который опять дал совет, как себя там держать. Предупредил, если Крюков откажется от показаний и заявит суду об избиениях, то его сгноят в тюрьме. Крюков и на суде признал себя виновным [14, л. 36–45].

¹ «Обычно вызывали на допрос часов в 10–12 дня и держали до 5–6 ч, вечера, затем в 10–11 ч вечера до 5–6 утра, а подъем в тюрьме в 6 ч утра. Я понимал, что это тоже один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить то, что нужно следователю, и причем так, как это ему нравится» [14, л. 38].

² «Капитан Самарин охватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил меня на пол. И началось зверское избиение резиновой палкой, причем били по очереди, один отдыхает, другой бьет, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в “бокс”. На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырех дней и днем, и ночью. На пятый день меня вызвал заместитель начальника следственной части полковник Лихачев в присутствии следователя капитана Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачев, был: “Ну и после этого ты будешь упорствовать?” Я заявил: “Я ложных показаний давать не буду”. “Ну, что же, начнем опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания, и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только “пешка” во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания”» [14, л. 40].

³ «Избитый, голодный, приниженный, бессонные ночи давали тоже себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплилась надежда, что придет время и я смогу сказать правду, почему я подписал» [14, л. 42].

2 ноября 1951 г. В. В. Крюков Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР и Закону от 7 августа 1932 г. был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет, с поражением прав на 5 лет и конфискацией всего имущества¹.

Его жена – Л. А. Русланова – 28 сентября 1949 г. была приговорена Особым совещанием при МГБ СССР к 10 годам лишения свободы².

Абакумов не унимался. 23 декабря 1948 г. он посчитал необходимым доложить Сталину, что Жуков, прибыв из своего округа в Москву, 22 декабря узнал от своей жены, что Эйзенхауэр издал в Америке книгу, в которой пишет и о нем. Маршал в связи с этим был обеспокоен и пытался узнать, что именно там написано.

Абакумовым был задержан американский журнал «Лайф», который, видимо, был направлен Жукову, в нем ему была посвящена глава: «Как Жукова заставили думать самостоятельно». Абакумов отправил Сталину этот журнал и перевод помещенных в нем отрывков. В книге ничего крамольного написано не было. Эйзенхауэр писал о своем визите в СССР в августе 1945 г., когда он, сопровождаемый маршалом Жуковым, приезжал в Москву по приглашению Сталина.

Подходы для устранения политических противников Берии и Маленкова министром МГБ Абакумовым были отработаны. На первом этапе шел процесс компрометации окружения неугодного лица, на втором – непосредственно и самих политических конкурентов. Затем следовал суд, который предопределял ВМН. Так в два этапа устранялись неугодные «двойке» лица.

По такой же схеме компрометировали и Жукова, только в данном случае Сталин не дал санкции на арест маршала, хотя факты мародерства, несомненно, были, его самовосхваление не вызывает сомнения, а моральный облик вызывает отвращение.

При Сталине Жуков уже не мог претендовать на руководящие должности в стране и до его смерти он оставался командующим войсками Уральского военного округа. Позже, по настоянию Н. С. Хрущева, он был назначен на должность первого заместителя министра обороны СССР.

Список литературы

1. Военные архивы России. М. : Пересвет, 1993. Вып. 1. 416 с.
2. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / науч. ред. В. Наумов ; сост.: В. Наумов, М. Прокуменчиков, Ю. Сигаев [и др.]. М. : МФД, 2001. 820 с.
3. Лосик О. А. Историография и источниковедение. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Исследования жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 151–155.

¹ В июле 1953 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован. Постановлением Совета министров СССР от 10 августа 1953 г. восстановлен в воинском звании. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1953 г. восстановлен в звании Героя Советского Союза и в правах на награды.

² Согласно постановлению Особого совещания при МВД СССР от 31 июля 1953 г. решение Особого совещания при МГБ СССР от 28 сентября 1948 г. отменено с прекращением дела. Из-под стражи освобождена 4 августа 1953 г. с полной реабилитацией.

4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. : АПН, 1971. 704 с.
5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 28.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 463.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467.
9. РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 1560.
10. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 304.
11. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 50. Д. 11.
12. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 308.
13. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306.
14. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 307.
15. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 305.

References

1. *Voennye arkhivy Rossii = Military Archives of Russia*. Moscow: Peresvet, 1993;(1):416. (In Russ.)
2. Naumov V. (ed.). *Georgiy Zhukov. Stenogramma oktyabr'skogo (1957 g.) plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty = Georgy Zhukov. Transcript of the October (1957) plenum of the Central Committee of the CPSU and other documents*. Moscow: MFD, 2001:820. (In Russ.)
3. Losik O.A. Historiography and source study. Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov. Research of life and activity. *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2005;(5):151–155. (In Russ.)
4. Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya = Memories and reflections*. Moscow: APN, 1971:704. (In Russ.)
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 3. Op. 58. D. 28 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 58. File 28*. (In Russ.)
6. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 171. D. 463 = Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 171. File 463*. (In Russ.)
7. *RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 1066 = Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 3. File 1066*. (In Russ.)
8. *RGASPI. F. 17. Op. 171. D. 467 = Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 171. File 467*. (In Russ.)
9. *RGASPI F. 558. Op. 11. D. 1560 = Russian State Archive of Social and Political History. Fund 558. Item 11. File 1560*. (In Russ.)
10. *RGANI. F. 3. Op. 58. D. 304 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 58. File 304*. (In Russ.)
11. *Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. F. 3. Op. 50. D. 11 = Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 50. File 11*. (In Russ.)
12. *RGANI. F. 3. Op. 58. D. 308 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 58. File 308*. (In Russ.)
13. *RGANI. F. 3. Op. 58. D. 306 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 58. File 306*. (In Russ.)
14. *RGANI. F. 3. Op. 58. D. 307 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 58. File 307*. (In Russ.)
15. *RGANI. F. 3. Op. 58. D. 305 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 58. File 305*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Олег Борисович Мозохин

доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: mozohin@bk.ru

Oleg B. Mozokhin

Doctor of historical sciences, leading
researcher, Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 Dmitriya Ulyanova street, Moscow,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.02.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.04.2022

Принята к публикации / Accepted 17.05.2022

УДК 271.2:93/94

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-6

Материалы к истории православия в Новосибирской области в первой половине 1950-х гг.

Е. В. Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

DRZZ@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Приводится разноплановая фактическая информация по состоянию православной церкви в Новосибирской области в первой половине 1950-х гг. Часть из нее не известна широкому кругу интересующихся историей православия и специалистов. Основу исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Это информационные отчеты и справки. *Материалы и методы.* В основу исследования положены принципы историзма и объективности. Используются общенаучные методы сбора, анализа и синтеза информации, дедукции и индукции. Среди специальных научных методов можно назвать метод сравнительно-исторического анализа, историко-системный метод. *Результаты.* Отмечается, что история православия в Новосибирской области в послевоенный советский период находила отражение в научных публикациях. В то же время, даже несмотря на наличие объемных диссертационных исследований, сказать, что она изучена и охарактеризована на настоящее время в полной мере и равномерно хронологически, нельзя. *Выводы.* Автор говорит о спорности отдельных имеющихся данных в исследованиях и архивных источниках, отмечает, что они требуют уточнения. Акцентируется внимание на необходимости проведения дальнейшей работы с источниками по проблемному полю статьи. Говорится о важности проведения серьезного компаративного анализа в рамках предметного поля исследования по регионам Сибири и РСФСР в целом.

Ключевые слова: православие, храм, верующие, священнослужители, служители культа, Русская православная церковь, епархия, Новосибирская область

Для цитирования: Дроботушенко Е. В. Материалы к истории православия в Новосибирской области в первой половине 1950-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 78–85. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-6

Materials on the history of Orthodoxy in the Novosibirsk region in the first half of the 1950s

E.V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

DRZZ@yandex.ru

Abstract. *Background.* The research provides diverse factual information on the state of the Orthodox Church in the Novosibirsk region in the first half of the 1950s. Some of it is not known to a wide circle of those interested in the history of Orthodoxy and specialists. The study was based on documents from the State Archives of the Russian Federation (SA RF). These are informative reports and references. *Materials and methods.* The research is based on the principles of historicism and objectivity. General scientific methods

© Дроботушенко Е. В., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

of collection, analysis and synthesis of information, deduction and induction were used. Among the special scientific methods are the methods of comparative historical analysis, the historian-systemic method. *Results.* It is noted that the history of Orthodoxy in the Novosibirsk region in the post-war Soviet period was reflected in scientific publications. At the same time, even despite the presence of voluminous dissertation research, it is impossible to say that it has been studied and characterized at the present time, in full and evenly chronologically. *Conclusions.* The authors talk about the controversy of certain available data in research and archival sources, note that they require clarification. Attention is focused on the need for further work with sources on the problem field of the article. It is about the importance of conducting a serious comparative analysis, within the framework of the subject field of the article, for the regions of Siberia and the RSFSR as a whole.

Keywords: Orthodoxy, church, believers, clergy, ministers of worship, Russian Orthodox Church, diocese, Novosibirsk region

For citation: Drobotushenko E.V. Materials on the history of Orthodoxy in the Novosibirsk region in the first half of the 1950s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):78–85. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-6

История православной церкви на территории Сибири в послевоенное советское время изучена не в равной мере. Отдельным периодам и регионам уделено большее внимание, некоторым – меньше. При этом не все аспекты существования и деятельности зарегистрированных религиозных объединений Русской православной церкви, зарегистрированных священнослужителей проанализированы в полной мере.

Серьезному анализу различные составляющие истории православия на территории Новосибирской области были подвергнуты в ряде публикаций авторитетного исследователя истории религий в Сибири А. В. Горбатова. Часть работ в соавторстве [1–5].

Значительный вклад в воссоздание как можно более полной истории православия на территории рассматриваемого региона в разное время внесли иеромонах Симон (Истюков) и иерей Виталий Гуляев, которые являются авторами ряда статей, а итогом их большой исследовательской работы стали защиты диссертаций кандидатов богословия [6–10].

Существуют и некоторые иные публикации с данными по православной истории Новосибирской области [11–13].

Также отметим, что материалы по истории сибирского православия издаются за рубежом [14]. Однако встретить специальные, узконаправленные работы по православию в Новосибирской области в рассматриваемые годы на сегодня не удалось.

Несмотря на наличие достаточно серьезного научного задела по проблематике исследования, следует отметить, что на сегодня не все документы введены в научный оборот. Не все факты из православной истории на территории Новосибирской области в послевоенное советское время имеют однозначную трактовку. Продолжают сохраняться спорные вопросы, требующие уточнения.

Сказанное предопределило появление настоящего исследования.

Несомненно, важнейшими материалами к истории православной церкви являются количественные данные по действующим храмам и молитвенным домам, священнослужителям и верующим, финансовому состоянию

институтов Русской православной церкви (РПЦ), работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви. Они, к сожалению, как и по иным регионам, отрывочны, присутствуют не за все годы, но определенную информацию в документах встретить можно.

На начало шестого десятилетия XX в. на территории Новосибирской области действовало шесть церквей и один молитвенный дом. Одна церковь действовала еще с довоенного времени. Это Успенский кладбищенский храм в г. Новосибирске. Остальные пять церквей открыты с 1944 по 1947 г. Это вторая «церковь», Вознесенский собор в г. Новосибирске (1944), церковь в одном из сел Сузунского района и молитвенный дом в г. Болотное (1945), две церкви в селах Новосибирского и Колыванского районов (1946), церковь в одном из сел Ирменского района [15, л. 62].

На начало 1950-х гг. при шести церквях и одном молитвенном доме на территории Новосибирской области было 12 священников и 9 псаломщиков. При этом при Колыванской церкви должность псаломщика была вакантна с 1950 г. [15, л. 62].

В одном из документов встречаем упоминание о том, что в 1952 г. Исполкомом Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся были представлены карточки на «служителей культа православной церкви Новосибирской области». В Совет они отправлены Н. Мосоловым. Письмо от 23 декабря 1952 г. [15, л. 62].

Составлены карточки были на зарегистрированных архиереев и священников, а также псаломщиков, имевших духовный сан. Это при том, что псаломщики не регистрировались и соответствующая справка им не выдавалась. На псаломщиков, не имевших духовного звания, карточки не составлялись. Сами карточки не встречены, но известно, что их было 20 шт. [15, л. 62].

С учетом вышеприведенных данных о том, что на начало 1950-х гг. в Новосибирской области был 21 «служитель культа», однозначно сказать о том, сколько псаломщиков имело духовный сан, на сегодня не представляется возможным, так как в переписке они во множественном числе, по общей статистике разница всего в одного человека.

На наш взгляд, интереснейшей является информация о смене священнослужителей и псаломщиков православных церквей и молитвенного дома на территории Новосибирской области. Менее чем за десять лет, начиная с 1944 г. по Успенской церкви г. Новосибирска, в общей сложности назначения получили 48 священнослужителей и 29 псаломщиков. В одной из справок автор (данные в источнике отсутствуют) привел данные по региону. По региону за прошедшие годы сменилось в среднем по каждой церкви по 4 священника и 3 псаломщика [15, л. 68].

Приведенные данные с учетом всего семи культовых построек, по нашему мнению, говорят о значительной «текучке кадров», что, очевидно, не могло позитивно сказаться на существовании православной церкви в регионе.

Особенно сложная ситуация была в церкви с. Шипуново Сузунского района. С момента ее открытия в 1945 г. в ней сменилось 8 священнослужителей, причем новые назначались через 2–3 месяца после ухода предыдущего [15, л. 68].

Единственная церковь в регионе, где священник не менялся ни разу, — это Ирменская церковь Ирменского района. Священник Секов (в источнике без инициалов) служил в ней с момента открытия в 1947 г. [15, л. 68].

В документах отмечалось, что практика постоянной смены священнослужителей у епархиального руководства была постоянной. Переводы практиковались из одной церкви в другую, включая иные регионы. В основе лежали личные просьбы священнослужителей, необходимость замещения вакантной должности или наказание. Последнее практиковалось переводом в малодоходные церкви. Именно в них и была наиболее частая смена священнослужителей и псаломщиков.

Документы говорят о том, что в связи с размерами епархии и существовавшим церковно-административным управлением присутствовали сложности в организации руководства православными институтами. Так, епископ Омский и Тюменский (с 1952 г.) Никандр (Вольянников) постоянно проживал в Новосибирске, а в своей епархии бывал редко, выезжая туда только по большим православным праздникам [15, л. 81].

Здесь следует сказать, что незначительная активность Никандра могла быть предопределена состоянием его здоровья. Известно, что уже через несколько лет он скончался от тяжелой продолжительной болезни. Однако имеющиеся публикации дают разные данные по времени его болезни и смерти, а также по факту того, где он скончался [16, 17]

Путаница в датах возникает вследствие небольшого количества данных по последним годам жизни Никандра. Для нас же важен сам факт пребывания его в Новосибирске в 1952–1955 гг. (последняя дата на сегодня под вопросом). В документах отмечается, что Никандр получил прямое распоряжение от Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского) находиться на проживании в г. Омске [15, л. 81].

С точки зрения истории новосибирского православия данная история интересна тем, что епископ Никандр являлся при всем прочем секретарем Новосибирской и Барнаульской епархии. В случае отъезда Никандра в Омск епархиальный новосибирский архиерей оставался без секретаря. Попытки найти нового предпринимались правящим архиереем митрополитом Новосибирским и Барнаульским Варфоломеем (Городцевым), но поначалу успехом не увенчались.

В 1952 г. в Новосибирске состоялось совещание уполномоченных Совета по делам религиозных культов, которые на начало шестого десятилетия XX в. являлись уполномоченными, и Совета по делам Русской православной церкви. В одном из документов исполняющий обязанности уполномоченного Советов, правда по Иркутской области, И. Житов писал о целесообразности таких совещаний для Сибири. Какие вопросы обсуждались, на сегодня не совсем ясно, однако представителей Совета по делам РПЦ на нем не было, и вполне вероятно, что состояние православия вообще не нашло отражения в работе совещания [15, л. 30].

Встречаем в документах данные об участии уполномоченных Совета по делам РПЦ в Новосибирской области во Всесоюзных совещаниях и семинарах в Москве [18].

К середине шестого десятилетия XX в. относится интересный документ с данными по штатам и заработной плате аппаратов уполномоченных Совета по делам религиозных культов. Это объемное (2170 листов) дело со статистикой по административно-управленческому персоналу Совета на 1 января 1955 г. В нем, в частности, говорится о том, что в аппарате по Новосибирской

области одна должность председателя с оплатой 1500 руб. «условно» [19, л. 39, 131]. Отсутствие данных по региону в таблице со статистикой аппарата уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви, а также упоминавшееся выше одновременное выполнение функций уполномоченного двух Советов одним человеком в начале 1950-х гг. ставит новый вопрос: действительно ли это так? Не лишним будет напомнить, что при установлении штатов уполномоченных Совета по делам РПЦ в 1943 г. для Новосибирской области определялось в аппарат уполномоченного две ставки, председателя и секретаря [20, л. 60].

Очевидно, что приведенная информация требует уточнения.

Можно констатировать, что, несмотря на наличие больших исследований по истории православия на территории Новосибирской области в послевоенное советское время, существуют документы, которые и на сегодня не стали широко известны. Они дают дополнительную информацию, представляя новые факты.

На сегодня в архивных хранилищах отчетная документация по истории православия в Новосибирской области представлена не за все послевоенные годы советского времени. С одной стороны, это не дает возможности составления общей, полной картины по всему периоду, с другой – порождает появление спорных моментов. Это, к примеру, число псаломщиков с духовным званием и без него, даты жизни правящих архиереев и т.д.

Отметим, что в документах нет данных по незарегистрированным православным религиозным сообществам региона, что немаловажно.

Определенного уточнения требуют вопросы работы аппарата уполномоченного Совета по делам РПЦ в Новосибирской области.

Сказанное предполагает важность дальнейшей работы с архивными источниками.

На наш взгляд, интересным представляется проведение компаративного анализа по сравнению самых разных количественных и качественных показателей в развитии православия по регионам Западной и Восточной Сибири. Это даст возможность к более глубокому пониманию происходивших процессов.

Количество действующих православных храмов, а также священнослужителей в послевоенное советское время на территории Новосибирской области было значительно больше, чем, к примеру, в Бурят-Монгольской (позже – Бурятской) Автономной Советской Социалистической Республике или Читинской области.

Причина этого, с одной стороны, в размерах региона, с другой – в субъективной составляющей развития православия.

В то же время, как отмечалось, проблемы существовали в управлении православной церковью в Новосибирской и Барнаульской епархии, которые были предопределены ее размерами. В чем они заключались в рассматриваемое время, помимо отмеченного, – также требует уточнения в источниках.

Список литературы

1. Горбатов А. В., Климова Е. С. Финансово-хозяйственная деятельность Кемеровского благочиния Новосибирской и Барнаульской епархии в 1945–1965 годы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 22–26.

2. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 3. С. 166–170.
3. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск : Томский государственный педагогический ун-т, 2008. 406 с.
4. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово : Кемеровский государственный ун-т, 2009. 437 с.
5. Горбатов А. В., Чуднов И. А. Государственный контроль финансово-хозяйственной деятельности Русской православной церкви в Сибири в 1950–1960-е годы // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 4 (41). С. 135–141.
6. Гуляев В. Новосибирская епархия во время хрущевских гонений (1956–1964 гг.) // Церковь и время. 2018. № 4 (85). С. 138–154.
7. Гуляев В., иерей. История Новосибирской епархии (1924–1988 годы) : дис. ... канд. богосл. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2020. 280 с.
8. Истюков В., иеромонах. Новосибирская епархия в 1920-е – 1960-е гг.: проблемы внутреннего устройства и взаимоотношений с государством. М. : Спасское дело, 2020. 300 с.
9. Истюков В. Э., иеромонах. Новосибирская епархия в 1920-е – 1960-е гг.: проблемы внутреннего устройства и взаимоотношений с атеистическим государством : дис. ... канд. богосл. М. : Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2019. 260 с.
10. Истюков В. Э., иеромонах. Новосибирская епархия Русской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. 2015. № 1 (10). С. 36–61.
11. История Новосибирской митрополии // Образование и православие. URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-nsk-eparh/6344-13.html> (дата обращения: 22.11.2021).
12. Калашник В. В. Уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви и их деятельность в Западной Сибири в 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Алтайского края и Новосибирской области) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 172–176.
13. Новосибирская митрополия. Историческая справка // Образование и православие. URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-nsk-eparh/6342-13.html> (дата обращения: 22.11.2021).
14. Friesen A. Omsk Bishops and spiritual ized travelamidst settler colonization of Siberia, 1890–1917 // Canadian Slavonic Papers. 2020. Vol. 62, iss. 3–4. P. 341–354.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1100.
16. Никандр (Вольянников) // Internet Archive Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20130617011158/http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_853 (дата обращения: 29.07.2021).
17. Никандр (Вольянников Николай Федотович), еп. Омский и Тюменский // Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы : в 6 ч. / Мануил (Лемешевский), митрополит. Ч. 5. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-perioda-s-1893-po-1965-gody-chast-5/13 (дата обращения: 22.11.2021).
18. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 602.
19. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 5806.
20. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 779.

References

1. Gorbato A.V., Klimova E.S. Financial and economic activities of the Kemerovo deanery of the Novosibirsk and Barnaul diocese in 1945–1965. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*. 2016;(3): 22–26. (In Russ.)

2. Gorbatov A.V. State-Church Relations in Siberia (1949–1952). *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Proceedings of Tomsk Polytechnical University*. 2007; 310(3):166–170. (In Russ.)
3. Gorbatov A.V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gg. = State and religious organizations of Siberia in the 1940–1960ss*. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii un-t, 2008:406. (In Russ.)
4. Gorbatov A.V. State and religious organizations of Siberia in the 1940–1960ss. DSc dissertation. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy un-t, 2009:437. (In Russ.)
5. Gorbatov A.V., Chudnov I.A. State control over the financial and economic activities of the Russian Orthodox Church in Siberia in the 1950–1960ss. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Kuzbass State Technical University*. 2004;4:135–141. (In Russ.)
6. Gulyaev V. Novosibirsk diocese during the Khrushchev persecution (1956–1964). *Tserkov' i vremya = Church and time*. 2018;(4):138–154. (In Russ.)
7. Gulyaev V., ierrey. History of the Novosibirsk diocese (1924–1988). PhD dissertation. Sergiev Posad: Moskovskaya dukhovnaya akademiya, 2020:280. (In Russ.)
8. Istyukov V., ieromonakh. *Novosibirskaya eparkhiya v 1920-e – 1960-e gg.: problemy vnutrennego ustroystva i vzaimootnosheniy s gosudarstvom = Novosibirsk diocese in the 1920s–1960s: issues of internal organization and relations with the state*. Moscow: Spasskoe delo, 2020:300. (In Russ.)
9. Istyukov V.E., ieromonakh. Novosibirsk diocese in the 1920–1960ss: issues of internal structure and relations with an atheistic state. PhD dissertation. Moscow: Obshchestvennaya aspirantura i doktorantura im. Svyatykh Ravnopostol'nykh Kirilla i Meфodiya, 2019:260. (In Russ.)
10. Istyukov V.E., ieromonakh. Novosibirsk Diocese of the Russian Orthodox Church in the 1920s. *Bogoslovskiy sbornik Novosibirskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii = Theological collection of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary*. 2015;(1): 36–61. (In Russ.)
11. History of the Novosibirsk Metropolis. *Obrazovanie i pravoslavie = Education and orthodoxy*. (In Russ.). Available at: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-nsk-eparh/6344-13.html> (accessed 22.11.2021).
12. Kalashnik V.V. Representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and their activities in Western Siberia in 1940s – early 1950s (by the materials of the Altai Territory and the Novosibirsk Region). *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical sciences*. 2018;(2): 172–176. (In Russ.)
13. Novosibirsk metropolis. History reference. *Obrazovanie i pravoslavie = Education and orthodoxy*. (In Russ.). Available at: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-nsk-eparh/6342-13.html> (accessed 22.11.2021).
14. Friesen A. Omsk Bishops and spiritual ized travelamidst settler colonization of Siberia, 1890–1917. *Canadian Slavonic Papers*. 2020;62(3–4):341–354.
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-6991. Op. 1. D. 1100 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-6991. Item 1. File 1100*. (In Russ.)
16. Nikandr (Vol'yannikov). *Internet Archive Wayback Machine*. Available at: https://web.archive.org/web/20130617011158/http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_853 (accessed 29.07.2021).
17. Nikandr (Volyannikov Nikolay Fedotovych), ep. Omsk and Tyumen. *Russkie pravoslavnye ierarkhi perioda s 1893 po 1965 gody: v 6 ch. Manuil (Lemeshevskiy), mitropolit. Ch. 5 = Russian Orthodox hierarchs of the period from 1893 to 1965: in 6 parts. Manuel (Lemeshevsky), Metropolitan. Part 5*. (In Russ.). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-perioda-s-1893-po-1965-gody-chast-5/13 (accessed 22.11.2021).

18. GARF. F. R-6991. Op. 1. D. 602 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-6991. Item 1. File 602.* (In Russ.)
19. GARF. F. A-374. Op. 30. D. 5806 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-374. Item 30. File 5806.* (In Russ.)
20. GARF. F. R-5446. Op. 44. D. 779 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 44. File 779.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Викторович Дроботушенко
кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического
факультета, Забайкальский
государственный университет (Россия,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)

Evgeny V. Drobotushenko
Candidate of historical sciences, associate
professor, dean of the faculty of history
and philology, Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya street, Chita,
Russia)

E-mail: DRZZ@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 23.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.01.2022

Принята к публикации / Accepted 04.04.2022

УДК 94(47).084.8

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-7

«Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру...» К вопросу о кукурузной кампании периода оттепели 1953–1964 гг.

Д. Н. Конышев

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия

Denis-Konyshov@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современной России до конца не решена проблема продовольственной безопасности, доступности для всех категорий граждан качественных продуктов питания, а также возможности развития аграрного сектора экономики для обеспечения экспорта на мировой рынок большинства сельскохозяйственных культур. Продовольствие является возобновляемым ресурсом в отличие от некоторых других экспортируемых Российской Федерацией товаров. С другой стороны, развитие аграрного производства с созданием рабочих мест позволяет решать проблему трудовых ресурсов села, сохранения сельской местности как таковой, делать структуру общества в соотношении село-город более сбалансированной. Цель исследования заключается в анализе мер советского государства в период оттепели 1953–1964 гг. по решению кормовой проблемы животноводства за счет увеличения посевов кукурузы. Автор стремился к объективному анализу причин и следствий одной из наиболее ярких программ хрущевских преобразований, имевшей в том числе и последствия формирования образа политического лидера в советском обществе. *Материалы и методы.* Обоснованность и объективность результатов исследования обеспечивается сопоставлением данных и выводов ряда отечественных историков, а также анализом опубликованных и вводимых в научный оборот архивных источников, содержащихся в Российском государственном архиве экономики, Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве социально-политической истории Кировской области, Российском государственном архиве новейшей истории. Наиболее пристальное внимание уделено статистическим данным, отчетам и директивам советских и партийных органов, на основе которых принимались экономические решения, письмам крестьян во власть, восприятию проводимых мероприятий в регионах. Дается и краткая характеристика роли политического лидера СССР в проводимых мероприятиях. Методология исследования основана на применении сравнительного метода, позволяющего сопоставить происшедшие изменения. Источниковой базой работы являются опубликованные и неопубликованные материалы – статистические данные, содержащиеся в изданных сборниках, в том числе по итогам проведения сельскохозяйственной переписи. Автор стремился исходить из системного подхода, позволяющего характеризовать конкретные меры аграрной политики, исходя из общей ситуации в стране. *Результаты.* Изучены меры проводившейся кукурузной кампании как способа решения продовольственной проблемы преимущественно на материалах Волго-Вятского экономического региона, включавшего в свой состав 5 субъектов РСФСР: 2 области и 3 автономные республики, схожих по природно-климатическим характеристикам. Проанализирована конкретная историческая информация, раскрывающая причины, цели и результаты проводившихся мероприятий в целом по стране и по отдельным регионам. *Выводы.* На основе критического осмысления разноплановых источников и данных историографии сделан вывод о неэффективности проводившейся кампании с точки зрения ее вклада

в решение продовольственной проблемы. Одновременно ставится под сомнение проведение данной кампании исключительно благодаря субъективному фактору – воле Н. С. Хрущева.

Ключевые слова: оттепель, аграрные реформы, сельское хозяйство, продовольственная проблема, кукурузная кампания

Для цитирования: Конышев Д. Н. «Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру...» К вопросу о кукурузной кампании периода оттепели 1953–1964 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 86–102. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-7

“This ‘queen’, bluntly speaking, will bring us to beggary...” On the issue of the corn campaign of the thaw period of 1953–1964

D.N. Konyshev

Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Kirov, Russia

Denis-Konyshev@mail.ru

Abstract. *Background.* In modern Russia, the problem of food security, the availability of high-quality food products for all categories of citizens, as well as the possibility of developing the agricultural sector of the economy to ensure the export of most agricultural crops to the world market has not been completely solved. Food is a renewable resource, unlike some other goods exported by the Russian Federation. On the other hand, the development of agricultural production with the creation of jobs allows solving the problem of rural labor resources, preserving rural areas as such, and making the structure of society in the village-city ratio more balanced. The purpose of the study is to analyze the measures of the secular state during the thaw of 1953–1964 to solve the fodder problem of animal husbandry by increasing corn crops. The author sought an objective analysis of the causes and consequences of one of the most striking programs of the Khrushchev transformations, which had, among other things, the consequences of forming the image of a political leader in Soviet society. *Materials and methods.* The validity and objectivity of the research results is ensured by comparing the data and conclusions of a number of Russian historians, as well as by analyzing the archival sources published and put into scientific circulation, contained in the Russian State Archive of Economics, the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Socio-Political History of the Kirov Region, the Russian State Archive of Modern History. The most attention is paid to statistical data, reports and directives of Soviet and party bodies, on the basis of which economic decisions were made, letters from peasants to the authorities, the perception of events in the regions. A brief description of the role of the political leader of the USSR in the events is also given. The methodology of the article is based on the use of a comparative method that allows you to compare the changes that have occurred. The source base of the article is published and unpublished materials: statistical data contained in published collections, including the results of the agricultural census. The author sought to proceed from a systematic approach that allows to characterize specific measures of agrarian policy based on the general situation in the country. *Results.* The measures of the ongoing corn campaign as a way to solve the food problem were studied mainly on the materials of the Volga-Vyatka economic region, which included 5 subjects of the RSFSR: 2 regions and 3 autonomous republics, similar in natural and climatic characteristics. Specific historical information is analyzed, revealing the reasons, goals and results of the activities carried out in the whole country and in individual regions. *Conclusions.* Based on a critical understanding of diverse sources and historiography data, the conclusion is made about the ineffectiveness of the campaign in terms of

its contribution to solving the food problem. At the same time, the conduct of this campaign is being questioned solely due to a subjective factor – the will of N.S. Khrushchev.

Keywords: thaw, agrarian reforms, agriculture, food problem, corn campaign

For citation: Konyshev D.N. “This ‘queen’, bluntly speaking, will bring us to beggary...” On the issue of the corn campaign of the thaw period of 1953–1964. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):86–102. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-7

Мы подтянем ту же пузо,
И посадим кукурузу,
И надоим молока
От козла и от быка
(Частушка периода оттепели).

Годы так называемой хрущевской оттепели охарактеризовались проведением различных преобразований, и едва ли не самое пристальное внимание Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева было приковано к сельскому хозяйству. Во многом не случайно в народной памяти данный лидер связывается с такими его наиболее яркими проектами в сфере сельского хозяйства, как целина, мясо-молочная кампания (в ходе которой предполагалось догнать и перегнать США по производству данных видов продукции), кукуруза. По нашему мнению, окончательно личная власть Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева сформировалась в июне 1957 г., последним аккордом стал Пленум и разгром так называемой «антипартийной» группы. Как будет показано далее, кульминации кукурузная кампания достигнет к началу 1960-х гг., но уже в 1957 г., по данным прокуратуры СССР, в народе Хрущев начинает восприниматься как «кукурузник», который «все головы заморочил со своей кукурузой» [1, с. 206, 265].

Тема кукурузной кампании получила развитие в историографии в свете изучения аграрных реформ периода оттепели, а связанный с данной культурой образ советского лидера так или иначе обращает интерес историков как к аграрным реформам, так и к проводившемуся эксперименту. В советский период аграрные реформы периода оттепели, которые ассоциировались во многом с именем смещенного в 1964 г. Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, практически не изучались, характеризовались как некий «волюнтаризм» и «субъективизм» в рамках данных официальных оценок.

В 1990-е гг. складываются предпосылки для изучения аграрных реформ Н. С. Хрущева, вводится в научный оборот массив ранее закрытых для историков источников, прежде всего архивных, но до начала 2000-х гг., по замечанию И. Е. Зеленина, историография была «весьма небогата» вследствие потери интереса к данной теме историков, «уставших от перемены оценок и точек зрения» [2, с. 77].

Последние два десятилетия в историографии характеризуются достаточно пристальным вниманием историков к истории советской послевоенной деревни, крестьянства, аграрной политике и аграрным реформам.

Одну из первых попыток беспристрастного осмысления проводившихся кампаний сделал И. В. Русинов, который назвал целинную, кукурузную и мясо-молочную кампанию сверхпрограммами, а его статья стала одной из

первых в советской историографии по изучению периода оттепели и связанных с ним изменениями в сельском хозяйстве [3, с. 40]. Как одну из сверхпрограмм Хрущева рассматривает кукурузу и Н. Л. Рогалина, связывая ее с поисками Первым секретарем ЦК универсальной культуры для создания кормовой базы и увеличения производства зерна [4, с. 154]. Как сверхпрограмму характеризует кукурузу также И. Е. Зеленин, рассматривая ее в тесной взаимосвязи с проблемами животноводства. На основе анализа эволюции взглядов Хрущева на кукурузу в свете показателей по урожайности, объему посевных площадей он делает вывод о скромной роли культуры в решении зерновой проблемы, но одновременно и значительном вкладе в сборе зеленой массы, не соглашаясь с тезисом о полном провале данной кампании [5, с. 104–109].

А. Грациози считает кукурузную кампанию показателем значимости человеческого фактора в руководстве советским сельским хозяйством [6, с. 148].

Д. А. Ванюков данную кампанию рассматривает как один из заметных и обидных срывов, вызванных нетерпением и очковтирательством [7, с. 144]. Е. Ю. Спицын характеризует данную новацию Хрущева не иначе как «бредовую», повлекшую сокращение площадей, занятых чистыми парами, а также размещение данной культуры на пахотных площадях, занятых прежде зерновыми. По его данным, урожайность кукурузы во многих регионах была заведомо не способна решить возложенных задач [8, с. 326–329].

Очерк кукурузной кампании в связи с анализом деятельности машинно-тракторных станций региона Центрального Черноземья содержится в монографии В. Н. Томилина, который отмечает, что «в агротехнике возделывания кукурузы наиболее рельефно проявились недостатки материально-производственной системы колхозы – МТС» [9, с. 310]. Приводимые в работе данного ученого трудности, а именно нехватка техники, неправильная агротехника, высокая доля ручного труда, были типичными в целом по РСФСР. В другой работе В. Н. Томилин характеризует меры по выращиванию кукурузы и связанные с ней приписки в рамках анализа положений колхозов Центрального Черноземья, подчеркивая взаимосвязь данной кампании с изменением структуры севооборотов [10, с. 125, 336].

В последние десятилетия изучение данного эксперимента так или иначе связано и с региональными исследованиями. П. П. Полх рассмотрел кампанию на уровне относительно нового советского региона Калининградской области, выделив положительную роль культуры в решении кормовой проблемы животноводства [11, с. 598–602]. Публикация Д. Н. Коньшева посвящена анализу эксперимента в регионе российского Нечерноземья – Кировской области [12, с. 299–303]. С. Н. Андреенков дал характеристику проводившихся преобразований на материале Сибири, говоря об увеличении посевов данной культуры на 50 % в Западной Сибири для решения задачи обеспечения кормовой базы [13, с. 439]. Им же отмечается огромная личная заинтересованность Хрущева в увеличении кукурузного поля, принудительный характер посевов и отсутствие у региона необходимых условий для данной культуры и, несмотря на невыполнение плановых показателей, рост в 9 раз сборов зеленой массы по Западной Сибири к 1960 г. [14, с. 207].

Подводя итог краткому обзору историографии, заметим, что кукуруза была далеко не единственной новацией в аграрном секторе периода оттепели, но оказалась одним из самых ярких экспериментов, характеризующих как методы проводившихся при Хрущеве реформ, так и, отчасти, сущность советской экономики. Отсюда вытекает и внимание исследователей к этой в некоторой степени комичной программе, не ставшей чудом, но повлекшей во многом серьезные последствия.

В годы хрущевской оттепели кукуруза была объявлена «королевой полей», ее посевы были практически в каждом районе и каждом колхозе и совхозе. В народной памяти масштабное возделывание данной культуры осталось в основном примером самодурства властей и лично главы партии и государства – Н. С. Хрущева, убежденного в ее необычайных и полезных свойствах. Тем более, что большинство регионов Российской Федерации по климатическим условиям не располагали к широкому возделыванию кукурузы. Данная кампания может служить и примером поисков властями некоего «чуда» по улучшению дел в сельском хозяйстве – наряду с целиной, стремлением догнать и перегнать США по мясу и молоку.

До начала 1950-х гг. количество посевов кукурузы едва ли принималось во внимание в масштабах страны. Так, согласно Центральному статистическому управлению (ЦСУ) СССР, по РСФСР в 1946 г. по колхозам и совхозам производство кукурузы было очень невелико, учитывались посевы только по черноземным районам [15, л. 55]. В 1954 г. Министерство сельского хозяйства РСФСР планировало под кукурузу на силос и зеленый корм (без учета данной культуры на зерно) в объеме 705 тыс. га по всем хозяйствам республики [16, л. 129].

Можно выделить следующие причины старта кампании. Первая – это кризисное состояние сельского хозяйства страны к началу 1950-х гг. и низкий уровень производства продуктов питания. Согласно Ю. В. Аксютину, гражданине СССР к 1950 г. питались не лучше, чем подданные Российской империи [17, с. 441]. Сын Первого секретаря ЦК С. Н. Хрущев так описывал взгляды отца на проблемы продовольствия в СССР в начале 1950-х гг.: «Не хлебом единым сыт человек, к столу еще нужно подать и мясо, и масло, и сметана не помешает...» У советских людей царили на столе хлеб и картошка, тогда как на Западе отдавали предпочтение мясной продукции [18, с. 202]. Чтобы появилось мясо, нужно было повысить продукцию животноводства, а скотину нужно кормить. В Постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему развитию животноводства» неблагоприятное положение в данной отрасли объяснялось отставанием производства и заготовки кормов [19, с. 62]. Поэтому второй причиной можно считать стремление властей преодолеть необеспеченность кормовой базы животноводства.

К 1950-м гг. колхозно-совхозная система, как и плановая экономика, полностью сложились, их преимущества в глазах общества подкреплялись победой в войне, в итоге поиск нового в сельском хозяйстве изначально велся только в рамках заданных парадигм, не выходя за рамки существующих форм хозяйствования. Р. Г. Пихоя считает инициативу Н. С. Хрущева по кукурузе «верой в чудодейственный метод, который бы разом улучшил положение в сельском хозяйстве» [20, с. 172]. Поэтому третьей причиной выделим

стремление руководства страны решить проблемы сельского хозяйства «быстро и дешево», без лишних затрат.

Так или иначе, в развитии сельского хозяйства к началу 1950-х гг. было далеко не все благополучно, уровень развития общественного животноводства оставлял желать лучшего. В письме крестьян в обком партии Кировской области в 1949 г. отмечалось: «...в колхозе деревни Воловщина хлеба на трудодни достались граммы, лошади не ходят, так как кормить нечем, соломы и то нет. Весна, скоро посевная, а лошади одни скелеты...» [21, л. 237]. В 1954 г. по тому же региону власти подводили малоутешительный итог заготовки кормов: при том, что в колхозах области было скошено более 97 % всех естественных сенокосов и около 94 % сеяных трав, заготовки сена составили менее 50 %, силосной массы – около 40 % от плана [22, л. 16–17]. В 1952 г. по итогам заготовки кормов по РСФСР властями республики отмечалась опасность возможности больших потерь скота из-за бескормицы [23, л. 56].

К началу 1950-х гг., через несколько лет после окончания войны и преодоления чрезвычайных условий военного времени, остро стояла задача развития всех отраслей сельского хозяйства, в том числе и животноводства. Соответственно, это влекло за собой необходимость решения задачи по обеспечению кормовой базы. Наиболее сложной обстановка была с поголовьем крупного рогатого скота (КРС). Например, в Кировской области к 1951 г. по общему поголовью КРС довоенный уровень был достигнут, хуже обстояло дело с общим количеством коров: на начало 1951 г. поголовье было только 88,6 % от 1940 г. [24, л. 38–39]

Дальнейшее развитие животноводства предполагало решение задачи обеспечения кормовой базы. Кукуруза не сразу стала «королевой полей» в годы оттепели. К 1954 г. по линии Министерства сельского хозяйства РСФСР в государственный план развития аграрной сферы закладывались задания по расширению посевов зерновых, увеличению производства зернофуража, включая кукурузу, овес, ячмень. Предполагался комплекс мер, включая рост производства сочных кормов, увеличение посевных площадей, повышение урожайности силосных культур, кормовых корнеплодов, кормовых бахчевых культур [16, л. 129].

В записке министра государственного контроля РСФСР от 1954 г. на имя Председателя Совета Министров РСФСР отмечалось, что по балансам Ульяновской, Владимирской и Ростовской областей на зимовку 1954–1955 гг. даже в случае получения со всей площади кормовых культур плановой урожайности общественное животноводство в значительной степени не будет обеспечено кормами. Особенно не хватало сена, удельный вес которого в кормовом балансе составлял не более 42 % [22, л. 107].

Не лучше подчас обстояло дело с животноводством и в союзных республиках. В докладе Председателя Совета Министров Грузии В. М. Бакрадзе на Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г. говорилось: «...положение с животноводством настолько тяжелое, что только за один год количество коров у колхозников сократилось на 63 тыс. голов» [25].

На начало октября 1952 г. по РСФСР было скошено естественных трав 96,8 % и сеяных 77,9 % к плану, при этом в колхозах было заготовлено грубых кормов только 51 % и заложено силоса 68,5 % от плана, что, по мнению Совета Министров РСФСР, «создавало опасность допущения в предстоящую

зимовку больших потерь скота из-за бескормицы» [23, л. 56]. Посевы под кормовыми культурами во многих колхозах зарастали сорняками.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев был убежденным сторонником возделывания кукурузы. Заметим, что для данного политического лидера вообще было свойственно стремление решать проблемы «махом», за счет открытия заново известных истин и энтузиазма народа. Дочь Н. С. Хрущева Р. Н. Аджубей связывает интерес отца к кукурузе с визитом советской делегации в США [26], беседой Хрущева с американским фермером Гарстом. Влияние увиденного возделывания кукурузы в США для советской действительности подчеркивается и зятем Хрущева А. Аджубеем [27, с. 287]. Определенное влияние на взгляды советского лидера оказал и его опыт работы в Украинской ССР, его знакомство с выращиванием этой культуры Марком Евстафьевичем Озёрным, добившимся урожайности кукурузы по 108 ц с 1 га [28, с. 108]. То, что природные условия Украины не подходят для всех регионов СССР, особо не задумывались.

Р. А. Медведев проводит некую историческую аналогию: после заявления в 1954 г. Первого секретаря об увеличении посевов кукурузы «в кулуарах повторяли слова Хрущева... что кукурузу надо внедрять, не останавливаясь перед принуждением, подобно тому, как в XVIII столетии в России внедряли картофель» [29, с. 77]. В 1954–1955 гг. Госплан РСФСР официально объявил об «исключительной важности производства кукурузы в деле обеспечения поголовья общественного скота концентрированными и сочными кормами». В 1955 г. в регионы последовала директива Министерства сельского хозяйства СССР, в которой к хозяйствам содержалось требование «районировать кукурузу во всех районах страны, так как она одновременно решает две задачи – пополнение ресурсов зерна и получение из ее стеблей хорошего силоса» [30, л. 27].

Состоявшийся в январе 1955 г. Пленум ЦК КПСС по вопросам развития животноводства уже связывал надежды по укреплению кормовой базы с кукурузой, посевы которой к 1960 г. должны были достигнуть 28 млн га (т.е. больше 1954 г. в 39,7 раз) и приблизиться к площади освоения целины [4, с. 154].

И. В. Русинов говорит о личной инициативе и энтузиазме Первого секретаря ЦК по поводу кукурузы: «Он лично рекомендовал, когда, как ее сеять, сколько и где... она шагнула даже за Полярный круг». Им же приводятся цифры о стремлении Хрущева выйти на урожайность в 500–600 центнеров зеленой массы с гектара, а в районах с недостаточным увлажнением почвы – 300 центнеров» [3, с. 41–42].

Согласно мнению А. В. Пыжикова, кукурузная кампания была реализацией взглядов Хрущева на замену травопольной системы земледелия пропашной, в ходе чего произошли распашка и засев лугов, отведение чистых паров под кукурузу [31, с. 160].

С общей тенденцией расширения посевов кукурузы возрастал и ее удельный вес среди других возделываемых в регионах сельскохозяйственных культур. На примере региона Кировской области в 1959 г. под зерновыми и кормовыми культурами в области было занято 200 658 га, из которых кукурузой – 61 779 га (30,8 %) [32, л. 2–2 об.]. К началу 1961 г. областные руководители стремились сделать кукурузу «главной пропашной и кормовой культурой» [33, л. 13]. Москва требовала – регионы соглашались. Если в 1954 г. по

РСФСР кукурузой было занято 1 млн 393,1 тыс. га, то в 1955 г. Министерство сельского хозяйства РСФСР заставило засеять кукурузой 6 млн 10 тыс. га [34, л. 6, 45–47] (больше показателей 1954 г. в 4,3 раза), а в 1956 г. ею было занято уже 18 млн га (больше предыдущего года в 3 раза). В 1955–1956 гг. по отдельным регионам объемы посевов культуры выросли в 2–3 раза. Сразу же возникла проблема обеспечения хозяйств семенами, зачастую по районам Нечерноземья наличие собственных семян данной культуры в колхозах составляло не более 1 % [35, л. 16–18]. В 1956 г. Министерство совхозов РСФСР отмечало, что «особенно неудовлетворительно проходит засыпка семян кукурузы, план по которой совхозами республики выполнен только на 7,7 %» [36, л. 58]. Проблему семян хозяйствам пришлось решать за свой счет: около 10–20 % государство предоставляло в ссуду, за остальное нужно было рассчитываться деньгами или продукцией животноводства. В итоге на колхозы возлагались дополнительные обязательства.

Хозяйства зачастую оказывались не готовы к резкому увеличению посевов кукурузы. По некоторым регионам Волго-Вятского региона картина выглядела следующим образом. В 1955 г. по Мордовской АССР под кукурузой было занято 63,9 тыс. га, в 1956 г. планировалось 121,4 тыс., при потребности в семенах в 36,4 тыс. ц в колхозах было только 0,2 тыс. (или 0,55 %). В Кировской области при увеличении со 100,4 тыс. до 175 тыс. семян было 0,1 тыс. ц, в Марийской АССР планировали увеличить с 24,6 тыс. до 66 тыс. га посевов, в Чувашской АССР – с 29,9 тыс. до 100 тыс. га, при этом в двух последних республиках семян в хозяйствах не было вообще.

Семена кукурузы выделялись колхозам далеко не бесплатно. Так, из полученных в 1956 г. семян кукурузы хозяйствами Волго-Вятского региона 17 090 т в ссуду выдавалось 2150 т (или 12,6 %), в обмен на продукты животноводства 9120 т (53 %), в порядке продажи – 5820 т (34 %). В целом по РСФСР в этом году из выделенных 229 530 т семян данной культуры 87 220 т были ссудой (40 %), 77 620 т – в обмен (33,8 %), 64 690 т (28,2 %) – продавались хозяйствам [35, л. 14–18].

На фоне роста объемов посевов кукурузы шло сокращение площадей под другими сельскохозяйственными культурами. 18 декабря 1961 г. Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению откорма, нагула и дорастивания скота» рекомендовалось максимально сокращать площади посевов под однолетними травами и чистыми парами [37, л. 48].

Центральными властями в 1956 г. был сделан вывод о прямой зависимости развития всего сельского хозяйства страны от посевов кукурузы [38, л. 166–167]. Определенные успехи в улучшении кормовой базы, в том числе и за счет кукурузы, ко второй половине 1950-х гг. были достигнуты. Если в 1955 г. колхозами Российской Федерации было заложено силоса 23,1 млн т, то в 1957 г. – 36,9 млн т (или больше в 1,6 раза). Однако заготовки кормов были недостаточны, властями отмечались низкое качество и большие затраты на единицу продукции [39, л. 48–49]. Иными словами, происходило удорожание продукции общественного животноводства.

На деле во многих хозяйствах горячо поддерживали кукурузу на словах вслед за Хрущевым, но на практике не спешили отводить под нее лучшие

земли и уделять повышенное внимание. Проявлением этого стал определенный саботаж хозяйств: сначала в колхозе стремились завершить посевы традиционных культур, понимая, что выполнение плана по ним никто не отменял, а уже потом переходить к кукурузе. Да и веры в «традиционные» культуры (картофель, другие овощи, зерновые) у крестьян было больше. Соответственно, земля под кукурузу отводилась по принципу «что осталось» или «что не жалко». Часто хозяйства Нечерноземья без зазрения совести докладывали, что к 15 июля «посевы кукурузы завершены» – сроки, в которые в большинстве регионов Российской Федерации по климатическим условиям сеять что-либо уже поздно.

Высшая власть во главе с Хрущевым о таком положении дел в целом знала. С недоверием к кукурузе относились и ближайшие соратники Никиты Сергеевича. На Пленуме ЦК в январе 1961 г. Хрущев, в очередной раз защищая кукурузу, выговаривал Подгорному: «Я уверен, товарищ Подгорный, что цифры урожайности кукурузы, которые вы сейчас называете, – это только половина урожая. А другую половину выращенной кукурузы растаскали, разворовали на корню», Подгорный: «Правильно, Никита Сергеевич». Хрущев: «Так при чем же тут погода? Урожай растаскали, разворовали, а потом вы говорите, что погода не позволила вырастить высокий урожай. Можно так рассуждать?» Подгорный: «Можно» [40, с. 45].

Интересен опыт проверок состояния посевов кукурузы. Например, в Омутнинский район Кировской области снарядили сотрудника КГБ с целью реального учета и состояния посевов данной культуры хозяйствами. На таком примере можно сделать вывод, что кукурузная кампания ставилась чуть ли не в разряд государственной безопасности. По итогам данной проверки в обком партии с грифом «совершенно секретно» был направлен доклад, в котором отмечалось, что «почти во всех колхозах крестьяне настроены против посевов кукурузы, считая невозможным получение хорошего урожая в климатических условиях Кировской области». Интересный подход хозяйств выявил сотрудник КГБ и к отчетности. Так, по району числился объем посевов данной культуры 290 га, при проверке на месте в райкоме партии оказалось уже 171 га, а после тщательной проверки с выездом в колхозы цифры уменьшились до 90 га [41, л. 227–228].

Своеобразный пик посевов кукурузы произошел к 1962 г.: в целом по РСФСР в 1961–1962 гг. ее посевы составили 20–21 млн га, из которых на зерно отводилось 2,5–3 млн га (12,5–14,3 %), остальное же шло на кормовую базу животноводства. И. В. Русинов говорит о 10-кратном увеличении в стране посевов кукурузы к 1962 г., увеличении ее доли до 17,2 % всех посевных площадей страны [3, с. 41], в дальнейшем внимание к ней уменьшается. По данным Министерства сельского хозяйства РСФСР, в «пиковое время» 1961 г. кукуруза была посеяна на площади 14 млн 40 тыс. га (в том числе 8 млн 939 тыс., или 63,6 %, на корм), в 1962 г. – 21 млн 108 тыс. га (в том числе 16 млн 362 тыс., или 77,5 %, на корм). В итоге вопрос выращивания кукурузы из аграрного перерос в политический, и не мудрено, что рекомендации по ее возделыванию и объемам составлялись ответственными руководителями работниками, многие из которых мало понимали в вопросах сельского хозяйства.

Одновременно с увеличением объемов посева кукурузы уменьшался общий объем сенокосов по РСФСР (по всем категориям хозяйств с сельскохозяйственным производством) с 34,9 млн га в 1953 г. до 28,5 млн га в 1961 г., выгонов и пастбищ с 60 млн га в 1953 г. до 54,2 млн га в 1961 г. [42, л. 3, 7].

Кукуруза для большинства регионов РСФСР была нетрадиционной в плане выращивания культурой, крестьяне не имели опыта ее возделывания и не воспринимали всерьез. Тем не менее внедрение кукурузы проводилось практически в каждом общественном хозяйстве, даже в северных районах, где гибель всходов после посева составляла более 90 %. Н. С. Хрущев и после отстранения от власти остался сторонником данной культуры в плане обеспечения кормами животноводства, говоря практически о ее безальтернативности [43, с. 112]. Но в некоторых регионах половина и более посевов кукурузы были неудовлетворительного качества либо вообще не всходили. В разгар кукурузной кампании в 1959 г. Совет Министров РСФСР отмечал тяжелое положение с обеспеченностью кормами по некоторым регионам, вынужден был принимать дополнительные меры поддержки [44, л. 15].

Чтобы стимулировать широкое внедрение кукурузы, применялись различные меры – например, материальное поощрение колхозников за каждую сданную тонну зеленой массы. Кроме основной оплаты в трудоднях, в зависимости от урожая, существовали дополнительные выплаты: при урожае до 300 ц с 1 га выплачивалось по 15 руб. за тонну, от 300 до 400 ц – по 25 руб., а свыше 400 ц – по 30 руб. Всем непосредственно участвовавшим в возделывании кукурузы полагалась выплата 10 % от всего заложенного силоса пропорционально с числом выработанных трудодней. Подобные меры могут оцениваться не только как материальное стимулирование, но и как попытка интенсификации. Присваивались звания «Мастер высокого урожая кукурузы», вручали значки «Лучший кукурузовод РСФСР».

По мере разворачивания эксперимента появлялись новые лозунги, кукуруза была объявлена «ценнейшей кормовой и зерно-фуражной культурой», дающей высокий урожай зеленой массы, «самой выгодной по кормовым достоинствам» [45, л. 90].

К возделыванию культуры стали активно приобщать комсомольцев, работников предприятий, проводили выставки, семинары, обучающие курсы продолжительностью несколько дней. Было много различных совещаний, лекций, смотров достижений.

В формальном внедрении культуры и низких урожаях хозяйств Хрущев винил не климат, а руководителей: «Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможности развернуться во всю мощь» [46, с. 68]. Обвинение в провалах по кукурузе местных руководителей политически снимало ответственность с высшей власти и ее персонального воплощения – Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, в чем-то развивало российскую политическую традицию по формуле «добрый царь – плохие бояре». Состояние посевов кукурузы в некоторых случаях определяло преданность партии отдельного руководителя, а ее урожай – его политическую сознательность. Д. Т. Шепилов вспоминал, как Хрущев во время посадки при перелете в аэропорту Иркутска указал каждому колхозу Иркутской области посеять не менее 90 га кукурузы. Почему

была названа цифра 90 – ни сам Хрущев, ни иные руководители не смогли бы объяснить [47, с. 19].

Замыслы Н. С. Хрущева относительно объемов внедрения кукурузы исследователи сравнивают с площадями освоения целины к 1960 г., отмечая, что урожайность кукурузы предполагалась выше в 2,5–3 раза, чем на целинных землях [5, с. 105].

Весьма показательным в плане отношения крестьян к кукурузной кампании является письмо колхозника «Заря» Куменского района Кировской области Воронова в ЦК: «Вы, Никита Сергеевич, являетесь горячим поборником внедрения кукурузы. Я с Вами вполне согласен в том случае, если внедрение ее проводить разумно, с пользой для колхозов. Но если внедрять ее такими методами, как это делается сейчас... то мы не только не догоним Америку, а вылетим в трубу. Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру. Разве можно внедрять кукурузу одной командой сверху, путем арифметического удвоения площадей ее посева. В 1957 г. колхоз «Заря» сеял 50 га – не выросла, в 1958 г. – 100 га, опять не выросла, в 1959 г. – 200 га, в 1960 г. – 300 га... У колхоза нет возможностей (площадей, техники, удобрений). Получился заколдованный круг: чем больше площадь, тем хуже земли, тем хуже обработка, тем меньше уверенности и результаты. Покупаем семена, минеральные удобрения, вносим их почти все в ущерб для других культур, затрачиваем в несколько раз больше труда и средств, чем на любую другую культуру, а не получаем почти никакого урожая» [48, л. 11–12].

Весной 1962 г. Первый секретарь ЦК признал, что кукуруза в большинстве районов страны не вызревает, и в декабре 1963 г. разрешил пойти на сокращение ее посевов. В докладе на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 г. Хрущев так провозгласил отход от кукурузы: «Надо тщательнее разобраться, что выгоднее возделывать на зерно – озимую пшеницу или кукурузу... мы не присягаем навеки какой-нибудь одной культуре, не собираемся молиться на нее...» [49, с. 291–292]. При этом роль кукурузы в попытке решения именно зерновой проблемы изначально не может считаться решающей: по данным И. Е. Зеленина, в 1960 г. урожайность составила 19,3 ц с га при посевах на зерно по стране 5086 тыс. га, а в 1965 г. – 25,2 ц при посевах 3177 тыс. га. Он же отмечает положительную роль сверхпрограммы по кукурузе в обеспечении кормами животноводства, не соглашаясь с оценками по провалу или краху проводимых мероприятий [5, с. 109]. И. В. Русинов назвал кукурузную кампанию «живым воплощением господства лысенковщины в сельскохозяйственной науке и практике» [3, с. 42]. Главную свою задачу, а именно обеспечение кормовой базы животноводства, кукуруза решить не смогла: в 1963 г. Совет Министров РСФСР отмечал, что «главной причиной высокой себестоимости животноводческой продукции является недокорм скота и, как следствие, снижение его продуктивности» [50, л. 2].

Кукурузная кампания на фоне продовольственных трудностей начала 1960-х гг. (нехватка зерна, рост цен, события в Новочеркасске) способствовала формированию в народе неприглядного образа Хрущева: «рубаха-парень», простачок, «саврас без узды» (определение В. М. Молотова), Никита-кукурузник. Сам Никита Сергеевич до конца жизни оставался приверженцем кукурузы, уже на пенсии отметив в мемуарах, что за данной культурой будущее, а лучшей культуры для животноводства нет [51, с. 83, 85]. Признал

отставной лидер, тем не менее, недостатки с возделыванием данной культуры в его бытность у власти, а также некоторую «кампанейщину» [43, с. 110].

По нашему мнению, кукуруза обладает необходимыми характеристиками для улучшения кормовой проблемы. Показателем ее востребованности и эффективности является наличие ее посевов и после хрущевской оттепели. Кукуруза внесла свой вклад в заготовку силоса: в 1953 г. силос из данной культуры не играл значимой роли, в 1958 г. он уже составил 49 579 тыс. т (или 71,5 % от всех заготовок силоса по РСФСР), в 1961 г. – 78 239 тыс. т (84,8 %) [42, л. 26].

Так, если в 1965 г. валовой сбор данной культуры на силос и зеленый корм по СССР составил 181 млн т, то в 1970 г. – 212 млн, а в 1987 г. – 373 млн т [52, с. 191]. Даже в условиях рыночной экономики, диктующей свои объективные требования к сельскому хозяйству, в 2016 г. было учтено по Российской Федерации 4723 тыс. га посевных площадей под кукурузу на зерно и 2614,3 тыс. га на корм по всем категориям хозяйств [53, с. 113, 116]. Заметим, что и в разгар кукурузной кампании во многих регионах Нечерноземья, например в Волго-Вятском, данная культура изначально рассматривалась с точки зрения заготовки силоса и решения кормовой проблемы животноводства, без попыток с ее помощью повысить заготовки зерна.

Кукурузная кампания в таком виде могла состояться исключительно в условиях плановой системы: никто серьезно не просчитывал себестоимость силоса из кукурузы, затрат на ее выращивание и, в конечном итоге, себестоимости готовой продукции. Саботаж крестьян был не случаен – занятие земли кукурузой (которая в большинстве районов даже не всходила) не освобождало хозяйства от выполнения обязательств перед государством по остальным культурам. Данная кампания может служить яркой иллюстрацией аграрных новаций периода оттепели, суть которых можно выразить как кампанейщина, энтузиазм, чудо.

Не последнюю роль в «сверхпрограмме» сыграл и субъективный фактор – взгляды политического лидера, который по условиям советской политической системы не мог ошибаться просто потому, что он лидер, по крайней мере до октября 1964 г. В то же время отметим, что важнейшей объективной причиной начала кампании стала проблема общественного животноводства, а именно необеспеченность кормовой базы. Решение данной задачи предполагало значительный вклад в обеспечение страны продовольствием.

Кампания по резкому увеличению объемов выращивания кукурузы стала одним из символов аграрных реформ 1953–1964 гг., сыграв определенную роль в решении продовольственной проблемы. Меры ее внедрения, выделяемые ресурсы, идущие в ущерб традиционным культурам, планирование посевов, опиравшееся подчас исключительно на своеволие Н. С. Хрущева, – все это привело скорее к негативным результатам. В то же время начало кампании было связано с попыткой преодоления трудностей в сельском хозяйстве, в первую очередь решения кормовой проблемы для животноводства. Спускаемые «сверху» без тщательного экономического обоснования цифры по возделыванию кукурузы сталкивались с откровенным противодействием, если не сказать саботажем, на местах. Подобные масштабы по данной культуре себя не оправдали. Чуда не произошло.

Список литературы

1. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская ; под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М. : Материк, 2005. 432 с.
2. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93.
3. Русинов И. В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
4. Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М. : Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.
5. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М. : Ин-т российской истории РАН, 2001. 305 с.
6. Грациози А. С. Советский Союз в 209 цитатах: 1914–1991. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 207 с.
7. Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. М. : Мир книги, 2007. 240 с.
8. Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1954 годах. М. : Концептуал, 2020. 592 с.
9. Томилин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период 1946–1958 гг. М. : АИРО-XXI, 2009. 400 с.
10. Томилин В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М. : АИРО-XXI, 2021. 448 с.
11. Полх П. П. «Кукурузная эпопея» в Калининградской области // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный ин-т, 2013. С. 598–602.
12. Конышев Д. Н. Кукурузная кампания Н. С. Хрущева // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна : Государственный социально-гуманитарный ун-т, 2015. С. 299–303.
13. Андреенков С. Н. Аграрные преобразования 1953–1964 гг. и сельское хозяйство Сибири // Экономическая история. 2009. Т. 2009. С. 410–450.
14. Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск : Сибпринт, 2016. 256 с.
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1870.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3617.
17. Реформаторские инициативы периода «оттепели» // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. М., 2016. Т. 4. 671 с.
18. Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. 1080 с.
19. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 т. Т. 4. 1953–1957 годы. М., 1958. 864 с.
20. Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти: 1945–1991. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 680 с.
21. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 21. Д. 58.
22. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3772.
23. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3.
24. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-2344. Оп. 37. Д. 709.
25. Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 186.
26. Труд 7. 2004. 13 мая.
27. Аджубей А. И. Те 10 лет. М., 1989. 333 с.

28. Акопов С. С., Гуревич Н. Д. История России: 1953–1996. М., 1997. 799 с.
29. Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: Политическая биография. М., 1990. 268 с.
30. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 23. Д. 2.
31. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. 511 с.
32. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 3768.
33. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 43. Д. 13.
34. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 5347.
35. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6732.
36. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 5421.
37. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 46. Д. 351.
38. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 84. Д. 31.
39. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 22. Д. 21.
40. Пленум ЦК КПСС, 10–18 января 1961 г.: Стенографический отчет. М., 1961.
41. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 31. Д. 85.
42. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32 А. Д. 8212.
43. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 91–112.
44. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1943.
45. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 35. Д. 29.
46. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. 464 с.
47. Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 3–33.
48. ГАСПИКО. Ф. 6328. Оп. 1. Д. 11.
49. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. М., 1964. Т. 8. 559 с.
50. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1689.
51. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 73–88.
52. Сельское хозяйство СССР : стат. сборник. М., 1988. 534 с.
53. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года : в 2 т. М., 2017. Т. 2. 1110 с.

References

1. Kozlov V.A., Mironenko S.V. (eds.). *Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve 1953–1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR = Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982. Declassified documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR*. Moscow: Materik, 2005:432. (In Russ.)
2. Zelenin I.E. The agrarian policy of N.S. Khrushchev and the country's agriculture. *Otechestvennaya istoriya = National history*. 2000;(1):76–93. (In Russ.)
3. Rusinov I.V. Agrarian policy of the CPSU in the 50s – the first half of the 60s: experience and lessons. *Voprosy istorii KPSS = Issues of the history of the CPSU*. 1988;(9): 35–49. (In Russ.)
4. Rogalina N.L. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii KhKh veka = Power and agrarian reforms in Russia in the 20th century*. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven', 2010: 256. (In Russ.)
5. Zelenin I.E. *Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaystvo = Agrarian policy of N.S. Khrushchev and agriculture*. Moscow: In-t rossiyskoy istorii RAN, 2001: 305. (In Russ.)
6. Gratsiozi A.S. *Sovetskiy Soyuz v 209 tsitatak: 1914–1991 = The Soviet Union in 209 citations: 1914–1991*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina», 2010:207. (In Russ.)
7. Vanyukov D.A. *Khrushchevskaya ottepel' = Khrushchev thaw*. Moscow: Mir knigi, 2007:240. (In Russ.)

8. Spitsyn E.Yu. *Khrushchevskaya slyakot'. Sovetskaya derzhava v 1953–1954 godakh = Khrushchev slush. Soviet power in 1953–1954*. Moscow: Kontseptual, 2020:592. (In Russ.)
9. Tomilin V.N. *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoenny period 1946–1958 gg. = Our fortress. Machine and tractor stations of the Black Earth Center of Russia in the post-war period 1946–1958*. Moscow: AIRO-KhKhI, 2009:400. (In Russ.)
10. Tomilin V.N. *Gosudarstvo i kolkhozy: 1946–1964 gg. = State and collective farms: 1946–1964*. Moscow: AIRO-KhKhI, 2021:448. (In Russ.)
11. Polkh P.P. “Corn epic” in the Kaliningrad region. *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale KhKh veka: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = State power and the peasantry in the 19th – beginning of the 20th centuries: proceedings of the International scientific and practical conference*. Kolomna: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy sotsial'no-gumanitarnyy in-t, 2013:598–602. (In Russ.)
12. Konyshchev D.N. N.S. Khrushchev's corn campaign. *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale KhKh veka: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = State power and the peasantry in the 19th – beginning of the 20th centuries: proceedings of the International scientific and practical conference*. Kolomna: Gosudarstvennyy sotsial'no-gumanitarnyy un-t, 2015:299–303. (In Russ.)
13. Andreenkov S.N. Agrarian reforms 1953–1964 and agriculture of Siberia. *Ekonomicheskaya istoriya = Economical history*. 2009;2009:410–450. (In Russ.)
14. Andreenkov S.N. *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie = Kolkhoz-sovkhoz system in Siberia in 1946–1964: functioning and reforming*. Novosibirsk: Sibprint, 2016:256. (In Russ.)
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 1562. Op. 324. D. 1870 = *Russian State Archive of Economics. Fund 1562. Item 324. File 1870*. (In Russ.)
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. A-259. Op. 7. D. 3617 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 3617*. (In Russ.)
17. Reform initiatives of the “thaw” period. *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa KhKh v.: v 4 t. = Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century: in 4 volumes*. Moscow, 2016;4:671. (In Russ.)
18. Khrushchev S.N. *Nikita Khrushchev: Reformator = Nikita Khrushchev: Reformer*. Moscow, 2010:1080. (In Russ.)
19. *Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 4 t. T. 4. 1953–1957 gody = Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues: in 4 volumes. Volume 4. 1953–1957*. Moscow, 1958:864. (In Russ.)
20. Pikhoya R.G. *Sovetskiy Soyuz: Istoriya vlasti: 1945–1991 = Soviet Union: History of Power: 1945–1991*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2000:680. (In Russ.)
21. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Kirovskoy oblasti (GASPIKO). F. 1290. Op. 21. D. 58 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 21. File 58*. (In Russ.)
22. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 3772 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 3772*. (In Russ.)
23. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 3 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 3*. (In Russ.)
24. Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti. F. R-2344. Op. 37. D. 709 = *State Archive of Kirov region. Fund R-2344. Item 37. File 709*. (In Russ.)
25. *Izvestiya TsK KPSS = Proceedings of the Central Committee of the CPSU*. 1991;(1): 186. (In Russ.)
26. *Trud 7 = Trud 7*. 2004, 13 May. (In Russ.)
27. Adzhubey A.I. *Te 10 let = Those 10 years*. Moscow, 1989:333. (In Russ.)
28. Akopov S.S., Gurevich N.D. *Istoriya Rossii: 1953–1996 = The history of Russia: 1953–1996*. Moscow, 1997:799. (In Russ.)

29. Medvedev R.A. *N.S. Khrushchev: Politicheskaya biografiya* = *N.S. Khrushchev: a political biography*. Moscow, 1990:268. (In Russ.)
30. RGAE. F. 7486. Op. 23. D. 2 = *Russian State Archive of Economics. Fund 7486. Item 23. File 2*. (In Russ.)
31. Pyzhikov A.V. *Khrushchevskaya «ottepel'»* = *Khrushchev's "thaw"*. Moscow, 2002: 511. (In Russ.)
32. GARF. F. A-374. Op. 31. D. 3768 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-374. Item 31. File 3768*. (In Russ.)
33. GASPIKO. F. 1290. Op. 43. D. 13 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 43. File 13*. (In Russ.)
34. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 5347 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 5347*. (In Russ.)
35. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 6732 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 6732*. (In Russ.)
36. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 5421 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 5421*. (In Russ.)
37. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii. F. 5. Op. 46. D. 351 = *Russian State Archive of Contemporary History. Fund 5. Item 46. File 351*. (In Russ.)
38. GARF. F. R-5446. Op. 84. D. 31 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 84. File 31*. (In Russ.)
39. GARF. F. A-310. Op. 22. D. 21 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-310. Item 22. File 21*. (In Russ.)
40. Plenum TsK KPSS, 10–18 yanvarya 1961 g.: *Stenograficheskiy otchet* = *Plenum of the Central Committee of the CPSU, January 10–18, 1961: Verbatim report*. Moscow, 1961. (In Russ.)
41. GASPIKO. F. 1290. Op. 31. D. 85 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 31. File 85*. (In Russ.)
42. GARF. F. A-374. Op. 32 A. D. 8212 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-374. Item 32 A. File 8212*. (In Russ.)
43. *Memoirs of N.S. Khrushchev. Voprosy istorii* = *Issues of history*. 1994;(12):91–112. (In Russ.)
44. GARF. F. A-310. Op. 1. D. 1943 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-310. Item 1. File 1943*. (In Russ.)
45. GASPIKO. F. 1290. Op. 35. D. 29 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 35. File 29*. (In Russ.)
46. *Materialy XXII s"ezda KPSS* = *Proceedings of the 22nd congress of CPSU*. Moscow, 1961:464. (In Russ.)
47. Shepilov D.T. *Memories. Voprosy istorii* = *Issues of history*. 1998;(9):3–33. (In Russ.)
48. GASPIKO. F. 6328. Op. 1. D. 11 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 6328. Item 1. File 11*. (In Russ.)
49. Khrushchev N.S. *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo khozyaystva: v 8 t.* = *The construction of communism in the USSR and the development of agriculture: in 8 volumes*. Moscow, 1964;8:559. (In Russ.)
50. GARF. F. A-259. Op. 45. D. 1689 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 45. File 1689*. (In Russ.)
51. *Memoirs of N.S. Khrushchev. Voprosy istorii* = *Issues of history*. 1993;(5):73–88. (In Russ.)
52. *Sel'skoe khozyaystvo SSSR: stat. sbornik* = *Agriculture of the USSR: statistical compilation*. Moscow, 1988:534. (In Russ.)
53. *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda: v 2 t.* = *Preliminary results of the All-Russian Agricultural Census 2016: in 2 volumes*. Moscow, 2017;2:1110. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Денис Николаевич Конышев

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин, Волго-Вятский
институт (филиал) Московского
государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА) (Россия, г. Киров,
ул. Московская, 30)

E-mail: Denis-Konyshev@mail.ru

Denis N. Konyshev

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of state and legal
disciplines, Volga-Vyatka Institute (branch)
of the Kutafin Moscow State Law
University (MSAL) (30 Moskovskaya
street, Kirov, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.04.2022

Принята к публикации / Accepted 10.05.2022

УДК 942.055;316,485.2;81.2
doi:10.21685/2072-3024-2022-2-8

**Экономическая деятельность европейских иммигрантов
в Англии второй половины XVI – начала XVII в.**

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проблема эмиграции в Европе в период раннего Нового времени недостаточно изучена как в отечественной, так и зарубежной историографии. В работе отмечается степень изученности проблемы иммигрантов в Англии эпохи Тюдоров и первых Стюартов. Автор рассматривает процесс расселения европейских иммигрантов в городах и графствах английского королевства. Отмечается их предпринимательская деятельность в ряде регионов английского королевства и отношение к ней со стороны центральных и местных властей. *Материалы и методы.* Соблюдая принцип историзма, используя метод анализа и синтеза с применением локального метода исследования, автор анализирует материал разнообразных письменных источников. *Результаты.* Проанализированы календари государственных бумаг внутренней серии, а также некоторые другие документальные и нарративные источники, а также фактический материал специальных исследований отечественных и англоязычных историков, которые свидетельствуют об экономической деятельности иммигрантов из стран континентальной Европы. Отмечены некоторые количественные данные расселения европейских эмигрантов в городах и графствах страны и виды их предпринимательской деятельности. *Выводы.* Международная обстановка и внешнеполитический курс английской абсолютной монархии во второй половине XVI – середине XVII в. способствовали притоку эмигрантов с континентальной Европы в Англию. По конфессиональной принадлежности это были протестанты, покинувшие свою родину из-за религиозных гонений. Политика Елизаветы I Тюдор, Якова I Стюарта и Карла I Стюарта в отношении них не была жестко обусловлена религиозными мотивами. По профессиональному составу переселенцы были ремесленниками, мануфактуристами, торговцами. Расселение их в ряде отдаленных районов (например, в Йоркшире) заложило основу для промышленного подъема этих регионов в раннее Новое время. Своей деловой активностью и инновационными идеями в отдельных видах ремесленного производства они оказали положительное воздействие на английскую экономику и внесли определенный вклад в продвижение Англии к капитализму.

Ключевые слова: иммигранты, протестанты, Англия, предпринимательство, петиции, центральная и местная власть, ремесла, мануфактура, торговля

Для цитирования: Митрофанов В. П. Экономическая деятельность европейских иммигрантов в Англии второй половины XVI – начала XVII в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 103–114. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-8

Economic activity of European immigrants in England in the second half of the 16th – early 17th centuries

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Abstract. *Background.* The problem of emigration in Europe during the early modern period has not been sufficiently studied in both domestic and foreign historiography. The article notes the degree of her study of the problem of immigrants in England during the Tudor and the first Stuarts. The author examines the process of settling European immigrants in the cities and counties of the English kingdom. Their entrepreneurial activity in a number of regions of the English kingdom and the attitude towards it from the side of central and local authorities are noted. *Materials and methods.* Observing the principle of historicism, using the method of analysis and synthesis, using the local research method, the author of the article analyzes the material of various written sources. *Results.* The calendars of state papers of the internal series, as well as some other documentary and narrative sources, as well as the factual material of special studies of domestic and English-speaking historians, which testify to the economic activity of immigrants from continental Europe, are analyzed. Some quantitative data of the settlement of European emigrants in the cities and counties of the country and the types of their business activities are noted. *Conclusions.* International situation and foreign policy of the English absolute monarchy in the second half of the 16th – mid 17th centuries contributed to the influx of emigrants from continental Europe to England. By confessional affiliation, they were Protestants who left their homeland due to religious persecution. The policy of Elizabeth I Tudor, James I Stuart and Charles I Stuart towards them was not rigidly conditioned by religious motives. By professional composition, the settlers were artisans, manufacturers, merchants. Their settlement in a number of remote areas (for example, in Yorkshire) laid the foundation for the industrial rise of these regions in the early modern period. With their business activity and innovative ideas in certain types of handicraft production, they had a positive impact on the English economy and made a certain contribution to England's progress towards capitalism.

Keywords: immigrants, Protestants, England, entrepreneurship, petitions, central and local government, handicrafts, manufacture, trade

For citation: Mitrofanov V.P. Economic activity of European immigrants in England in the second half of the 16th – early 17th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):103–114. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-8

Вторая половина XVI – начало XVII в. были для английского королевства временем относительно спокойного развития по сравнению со странами континентальной Европы в плане социальных и религиозных конфликтов. Так, если в соседних Нидерландах происходили кровавые события войны с Испанией за независимость в религиозной оболочке, а во Франции шли не менее кровавые гугенотские войны, то в Англии кроме отдельных крестьянских восстаний и робких попыток оппозиционных выступлений кучки феодального дворянства внутренняя обстановка, в том числе и религиозная, была относительно спокойной [1, с. 178–192; 2, с. 136–158; 3, с. 193–211]. Это было важным фактором экономического развития страны. Историки считают, что именно этот период времени был периодом быстрого продвижения английской экономики к капитализму [4, с. 44–68].

Внешняя политика английской монархии в целом также способствовала росту и укреплению капиталистического уклада в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, хотя при первых Стюартах были определенные отклонения от этого курса [5, с. 119–146; 6, с. 54–68; 7].

Почти постоянное противоборство с Габсбургами заставляло Англию ориентироваться на протестантские княжества Германии, Нидерланды, Францию и, соответственно, благожелательно в целом относиться к беженцам из этих стран.

Историками давно замечено, что именно в этот период наблюдается массовая эмиграция из Нидерландов и Франции в Англию [4, с. 45, 48; 8, с. 58].

Отечественные исследователи, изучая социально-экономические процессы в английских городах XVI–XVII вв., отмечали не только сам факт значительной эмиграции европейцев на Британские острова, но и роль европейских иммигрантов в экономике королевства, хотя специально она не анализировалась [1, с. 4–5; 4, с. 45, 48, 55; 9; 10, с. 186–198; 11, с. 82–83].

В современной англоязычной историографии издавался целый ряд работ об иммигрантах в английском королевстве в раннее Новое время, в которых затрагивались некоторые вопросы проблемы. Еще британский историк конца XIX в. У. Кеннингем, фокусируясь на изучении связи между иммигрантами, коренными англичанами и центральным правительством, частично касался и экономических аспектов. Поставил он и новые вопросы для своего времени в изучении данной проблемы, ввел в научный оборот малоизвестные источники. Его работа была популярна, неоднократно переиздавалась и дала толчок исследованию проблемы иммигрантов британскими историками [12]. Из современных работ по данной проблеме отметим книгу Лауры Янгблуд, в которой автор затрагивает вопросы экономической политики Елизаветы I Тюдор в отношении иммигрантов [13]. Также следует сказать о коллективном труде о европейских иммигрантах в Англии эпохи Тюдоров и Стюартов, в которой рассматриваются в основном социальные и религиозные аспекты и лишь отчасти экономические [14].

Одна из самых последних работ по истории иммигрантов в Англии посвящена их участию в промышленности Лондона в период 1500–1700 гг. [15].

Несмотря на значительные успехи в изучении проблемы иммигрантов эпохи Тюдоров и первых Стюартов, в целом англоязычные авторы еще недостаточно исследовали экономические аспекты деятельности иммигрантов, особенно в регионах английского королевства.

В рамках данной работы автор ставит своей целью рассмотреть лишь некоторые аспекты экономической деятельности иммигрантов в ряде регионов английского королевства и представить свое видение этой проблемы. Для этого используются документальные и нарративные источники, а также фактический материал специальных исследований англоязычных и отечественных авторов.

Поскольку иммигранты были обязаны платить субсидии и некоторые другие налоги, да еще в большем размере, нежели англичане [16, с. 200–205], то понятно, что они должны были иметь постоянный заработок. А для этого им было необходимо найти свою нишу в экономической структуре их новой родины. Какова же была экономическая деятельность иммигрантов на территории туманного Альбиона? А также какова была политика английской

монархии в отношении иммигрантов? Ответы на эти вопросы позволят более полно оценить их роль в процессе генезиса капитализма в Англии и в особенности их капиталовложение в экономику, организацию новых производств, влияние на рынок труда и т.п.

Еще со времен Средневековья Англия имела тесные торговые и экономические связи с Нидерландами и Францией. Эти связи не были утрачены к XVI в. Видимо этим определяется тот факт, что многие нидерландские и французские ремесленники, мануфактуристы, торговцы в 60-е гг. XVI в. устремились именно на Британские острова. Одни спасались от террора герцога Альбы и его политики экономического удушения деловой жизни Соединенных провинций, другие – от преследований со стороны королевского двора и католического дворянства Франции во главе с герцогами Гизами. Так, А. Н. Чистозвонов считал, что, спасаясь от террора герцога Альбы, в 1560-е гг. до 100 тыс. нидерландцев эмигрировали в различные страны, причем большая часть из них направились в Англию [8, с. 58].

От периода массовых переселений протестантов с континентальной Европы в Англию сохранился ряд петиций королеве Елизавете I Тюдор и ее верховным сановникам. В основном они исходили от нидерландских беженцев. В них прежде всего они просили разрешения на поселение в различных городах королевства. В своих петициях они постоянно отмечали, что покинули свою родину из-за религиозных преследований. Далее они просили разрешения заниматься в Англии тем же, чем они занимались у себя на родине [17, р. 225]. Такие разрешения им выдавались, и они расселялись в различных городах и селениях Англии. Их общую численность трудно определить, хотя городские власти и вели учет всех переселенцев из Нидерландов и Франции. В источниках сохранились некоторые цифровые данные об иммигрантах, поселившихся в ряде городов. Лучше всего представлен Лондон. Так, к 1571 г. в столице проживал 4631 иммигрант, к 1581 г. – 5141 человек, а к 1593 г. численность иммигрантов составляла 5359 человек [17, р. 332, 427, 432]. В Нориче к 1583 г. проживало 4679 иммигрантов [18, р. 130]. В г. Райте к 1586 г. находилось 1500 иммигрантов [18, р. 309]. Известно также, что немало их обосновалось в Колчестере, Ярмуте, Линне, Сандвиче и других городах [19, с. 184–188].

Даже такие отрывочные сведения позволяют говорить о десятках тысяч переселенцев из стран континентальной Европы. Поэтому они явно составляли немалый процент жителей целого ряда английских городов во второй половине XVI–XVII в. Конечно, следует учитывать факты реэмиграции, особенно среди нидерландцев, после побед морских гезов над испанцами и отделения от испанской Короны северных провинций в 1581 г.

Как известно, в религиозном отношении английское правительство проявляло лояльность в отношении иммигрантов из континентальной Европы. Исключение составляли лишь нидерландские анабаптисты. Анабаптистское вероисповедание рассматривалось английскими властями как ересь, и поэтому правительство требовало от нидерландцев письменного подтверждения на предмет непринадлежности их к анабаптизму [20, р. 82–83].

Имеющиеся источники дают возможность в общих чертах проследить социальный состав прибывавших иммигрантов, а также проблемы, с которыми они сталкивались, и отношение к ним как центрального правительства,

так и местных властей городов и графств. Оказывается, подавляющее число иммигрантов не были какими-то нищими или маргиналами, но явно составляли предпринимательские элементы. Об этом свидетельствуют их прошения властям Лондона и администрации других городов страны. Так, например, их просьбы связаны с желанием получить разрешения на добычу соли в Англии и Ирландии, на право заниматься производством стекла, выделкой полотна, хлопчатобумажных тканей, бумагоделательным производством, шелкоткачеством, гончарным ремеслом, производством квасцов, мыловарением, производством селитры и т.п. Известно, например, что нидерландцы, бежавшие в Англию из Антверпена и поселившиеся в городах и местечках Ланкашира, перенесли сюда почти полностью производство хлопчатобумажных тканей [15, p. 108].

Кабинет Елизаветы I Тюдор, проводя осторожную поддержку борьбы Нидерландов против Испании, продолжал в целом благожелательно относиться к иммигрантам из Соединенных провинций к большому неудовольствию испанского двора. Сама королева порой откровенно демонстрировала это своими посещениями колоний нидерландских иммигрантов в английских городах [21, p. 320]. Тем не менее расселение беженцев из Нидерландов было под пристальным контролем правительства. Так, в Лондоне в 1568 г. был составлен список всех иммигрантов из Нидерландов и Франции, проживавших в столице, с указанием их рода деятельности, а местные власти графств и городов были обязаны держать лондонский кабинет постоянно в курсе о всех прибывавших беженцах [20, p. 84]. За этим лично следил лорд канцлер-казначей Берли (У. Сесиль). Он же предполагал использовать их богатый предпринимательский потенциал в сфере экономики. Например, именно ему принадлежит идея организации колонии иммигрантов около Стэнфорда, где они должны были заниматься производством парусины, так необходимой для растущего английского флота. Правда, его замыслу препятствовала позиция местных ремесленников, и первоначально свой замысел он не смог осуществить [22, p. 6–7]. Кроме того, канцлер-казначей сам порой приглашал в страну отдельных предпринимателей. В парламенте он всячески противодействовал попыткам ужесточить законы по отношению к предпринимателям-иностранцам.

Очевидно, не без влияния лорда Берли парламент не поддержал в 1592 г. проект закона об установлении для прибывших в страну иностранцев на постоянное место жительства обязательного семилетнего срока ученичества, прежде чем они смогли бы заняться каким-либо ремеслом [17, p. 424, 496].

Однако существовавшая система патентов на предпринимательскую деятельность в Англии обязывала и иммигрантов приобретать их у Короны, прежде чем начать свое дело. С одной стороны, эта практика монополий препятствовала свободному предпринимательству, а с другой – ограждала тех, кто имел лицензии на определенный вид предпринимательской деятельности, от конкуренции в условиях еще недостаточно прочных внутренних и внешних экономических связей. Очевидно, несколько большие суммы субсидий и других налогов, которые платили короне иностранные предприниматели по сравнению с англичанами, не были серьезным препятствием для их предпринимательской активности [16, с. 203, 205]. Иное отношение к иммигрантам демонстрировали английские ремесленники и мануфактуристы. Они сразу

почувствовали в них своих потенциальных конкурентов. Так, еще в 1562 г. лондонские канатчики и ткачи предприняли энергичную попытку установить строгий контроль за деятельностью иммигрантов-предпринимателей в столице и ее округе. Жалоб английских ремесленников, торговцев на экономическую деятельность иммигрантов было немало [17, р. 424, 496]. Иногда правительство вынуждено было как-то реагировать на них и частично ограничивало их предпринимательскую активность в интересах собственных подданных.

В концентрированном виде характерные проблемы, с которыми сталкивались иммигранты, особенно из Нидерландов, изложены в их петиции, направленной в 1567 г. мэру г. Саутгемптона (Гэмпшир). Во-первых, они желали иметь свою церковь. Во-вторых, просили не повышать платы за аренду домов. В-третьих, свободно заниматься своим делом и иметь слуг из числа своих соотечественников. В-четвертых, предоставить право перевозки фарфора (т.е. торговать им в других местах – *В. М.*) в течение 20 лет по умеренным пошлинам. В-пятых, разрешить им нанимать красильщиков, а также разрешить свободу деятельности для башмачников, портных и других ремесленников из их среды [23, р. 32].

Как видно, в данном случае в городе обосновались ремесленники многих специальностей, причем в Саутгемптоне появилось совершенно новое производство – фарфоровое. Городские власти отказали им в указанных просьбах, так как усмотрели в этом подрыв собственных аналогичных цехов ремесленников. Тогда иммигранты направили свое прошение епископу Винчестерскому, королеве и в Тайный совет. Они жаловались на отказ городских властей и заверяли этих высокопоставленных особ, что могли бы производить такие ткани, которых в Англии до сих пор не выделявали. Эти ткани назывались “Spanish guils”. Они заявляли, что готовы брать в ученики англичан и обучать их выделке таких тканей. Нидерландцы просили предоставить им лицензию сроком на 10 лет и заверяли, что за это время приспособятся к местным условиям. В петиции были жалобы на некоторые ограничения в религиозном вопросе. Однако они явно не доминировали в их прошении по сравнению с экономическими проблемами. Просители даже выражали готовность переселиться в другие места королевства (Винчестер, Солсбери), если власти Саутгемптона не удовлетворят их просьбы. Их главный аргумент в пользу поддержки правительством производства тканей и снижения пошлин выглядел весьма привлекательно – их «индустрия могла бы дать работу многим английским пауперам, способствовать развитию новых видов производства, удешевлению товаров». В петиции также содержалась просьба о разрешении им отправлять изготовленные сукна за пределы графства для окраски, поскольку в Саутгемптоне не было подходящей воды для их промывки и покраски. Наконец, была еще одна любопытная просьба – не трогать тех подмастерьев, которые нанялись к ним на работу до особого решения городского магистрата [23, р. 32]. Таким образом, содержание этой пространной петиции не оставляет сомнения в том, что иммигранты стремились организовать в Саутгемптоне мануфактурное производство новых видов тканей.

После некоторого времени ожидания наконец-то они получили положительный ответ. Королева разрешила содержать каждой семье иммигрантов по 10 слуг из числа их соотечественников, но при этом каждая семья должна

брать на обучение в течение семи лет своим ремеслам двух английских учеников. Но уже по истечении семи лет обязательная норма содержания учеников из числа англичан снижалась до одного. Королева разрешила уменьшить наполовину пошлины за вывоз товаров. В заключение отмечалось, что аналогичные правила установлены и для иммигрантов, проживавших в Сандвиче, поскольку из этого города, очевидно, тоже были аналогичные прошения [23, р. 32].

Петиции иммигрантов и ответы на них еще раз подтверждают тот факт, что имелись значительные расхождения между правительством и местными властями в отношении к иностранным ремесленникам и мануфактуристам. Появление иммигрантов-предпринимателей в английских городах неизбежно ускоряло подрыв цеховой системы, хотя они сами зачастую были вынуждены маскироваться под традиционные цеховые корпорации. Так, под термином «слуги», которых хотели бы иметь иммигранты-предприниматели, причем из своих же соотечественников, явно скрываются наемные рабочие для их мануфактурного производства; их стремление вывозить ткани куда-то за пределы города, графства – еще одно доказательство того, что перед нами мануфактурное производство, так как здесь явное намерение организовать расширенное товарное производство, ориентированное как минимум на внутренний рынок всего королевства.

С другой стороны, приток иммигрантов в английские города, увеличивая общую численность населения последних, тем самым несколько расширял рынок сбыта товаров традиционных английских ремесленных цехов и гильдии. Это в какой-то мере экономически поддерживало старую, средневековую цеховую систему.

В отечественной историографии уже было замечено, что в 60–80-е гг. XVI в. иммигранты из Нидерландов и Франции, осевшие в восточных графствах, организовали там производство «новых тканей», а в горной промышленности и металлургии было занято немало выходцев из Германии, которые, в частности, организовали в Англии первую мануфактуру по производству бумаги [2, с. 48, 55, 58].

Немало иммигрантов из Нидерландов прибывало в Йоркшир, где они расселялись по территории графства при активном участии графа Шрусбери [24, р. 460–462]. Там, как и в других графствах, городские власти, в частности города Йорка, препятствовали поселениям в черте города особенно ремесленникам-сукноделам, и они расселялись в слабозаселенном тогда районе Йоркшира, Западном Райдинге. Здесь они основывали свое производство грубых сукон, которые йоркширские купцы вывозили в Прибалтийские страны. В самом же городе Йорке с 1568 г. разрешили поселиться эмигрантам, но они должны были уплатить за это немалую сумму – 3 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, «кроме таких ремесленников, которые будут считаться лордом мэром и его советом необходимыми и полезными для общего блага и поселения их в этом городе будет освобождено от уплаты этих денег» [24, р. 460].

Еще со времен Средневековья г. Йорк славился своими ремесленниками по обработке металла, среди которых уже с XIV в. были иммигранты с Континента [24, р. 460–461]. В XVI в. беженцы из Нидерландов и Франции стали селиться в небольшом тогда местечке Шеффилде, где начинали заниматься железоделательными ремеслами. И опять-таки не без помощи графа

Шрусбери. Там они занялись изготовлением серпов, ножниц, ножей. Сами же они наладили и торговлю этими изделиями. Однако в данном случае это не было новым производством в этих местах. Местные ремесленники из числа англичан тоже занимались аналогичным делом. Они были объединены в гильдии ножовщиков, куда, правда, не входили изготовители кос. Вплоть до 1681 г. иммигрантам доступ в эту гильдию был закрыт. Однако в списке членов этой корпорации, составленном в 1590 г., фигурирует француз, некий Элидн Бене. Среди Дербиширских ножевщиков в списке от 1614 г. зафиксирован тоже выходец из Франции, некий Лауренс Казин. В отчете налога с домашнего очага ножевщиков Шеффилда от 1669 г. упоминаются по меньшей мере восемь французских переселенцев-гугенотов. Кстати, после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта в 1685 г. в Англию, в частности в Йоркшир, устремилась новая волна французских эмигрантов-гугенотов [24, р. 461–463]. Очевидно, приток иммигрантов – специалистов по металлообработке в Йоркшир был связан и с позицией лондонской компании ножевщиков, которая предпринимала энергичные меры по недопущению их в столицу. Хотя лорд Берли пытался противодействовать в этом лондонской корпорации ножевщиков, но так и не смог переломить ситуацию.

К моменту поселения иммигрантов в Шеффилде он еще и не был в полном смысле собственно городом, но был новым растущим промышленным центром Припеннинского региона [11, с. 138]. Поселение располагалось на земле, принадлежащей графу Шрусбери, который охотно, с согласия лорда Берли, принимал к себе специалистов по металлообработке из числа иммигрантов [24, р. 461–462]. Очевидно, покровительство последнего не только было связано с экономическими причинами, но и объясняется еще и тем, что, выполняя волю королевы, не желавшей иметь в Лондоне крупную церковную общину кальвинистов, он все же сохранял нужных королевству специалистов. К тому же Западный Райдинг был идеальным местом расселения иммигрантов-кальвинистов, ибо был удален от главной дороги, ведущей в северные графства. Там они были вдали от пристального наблюдения испанского посла и его людей. Кроме того, и самим иммигрантам там было легче обустроиться и развернуть свое дело. Ведь в этом регионе городов было еще мало, а цеховая система была развита слабо. Так, например, даже Шеффилдская корпорация ножевщиков (т.е. цех – *B. M.*) не была четко оформлена вплоть до 1624 г. [24, р. 463]. По этой причине и местные власти не препятствовали иммигрантам в обустройстве и налаживании своего производства. Видимо, и правительство Елизаветы I Тюдор, кроме всего прочего, рассчитывало поднять экономику Йоркшира, в том числе и за счет иммигрантов, так как графство в свое время сильно пострадало из-за секуляризации монастырей при Генрихе VIII. Можно констатировать, что дальнейшее развитие Западного Райдинга, и в особенности г. Шеффилда, во многом было связано с хозяйственной деятельностью иммигрантов, поселившихся там. Как известно, к концу XVI в. Шеффилд становится главным центром металлообработки в северных графствах.

В некоторых прибрежных графствах и городах иммигранты создавали свои торговые компании. Они были образованы, например, в Кентербери, Нориче. Причем им даже удавалось добиваться привилегий, зафиксированных в специальных договорах с городскими властями. Так, известно, что они

получили право собственного надзора за своим предприятием, право иметь собственных пекарей, лоточников и, как в других местах королевства, свободу в вероисповедании [17, р. 320, 496, 575; 18, р. 77–78, 411].

Власти ряда прибрежных городов стали использовать Нидерландских иммигрантов в качестве специалистов в организации и проведении работ по углублению гаваней и их обустройству [17, р. 575].

Среди сохранившихся петиций нидерландцев английской королеве есть и такая, в которой они просят не только разрешения на поселение в Англии, но и на перенесение своих мануфактур, находившихся в Соединенных провинциях Нидерландов [17, р. 297].

Источники свидетельствуют, что иногда выходцы из Нидерландов и Франции конкурировали между собой. Так, например, в 1567 г. два француза обратились с просьбой к лорду Берли дать им разрешение «на организацию производства стекла, наподобие венецианского». В то же время с аналогичной просьбой обратились и нидерландские иммигранты. Очевидно, конфликт между ними не зашел далеко, и они договорились о том, что нидерландцы ограничатся только изготовлением столового стекла [17, р. 297]. Так уже на английской почве шла дальнейшая дифференциация ремесел, что, безусловно, было показателем прогресса.

Таким образом, не будет большим преувеличением факт довольно активной предпринимательской деятельности иммигрантов с Континента в английской промышленности и отчасти в торговле. В этих сферах участвовали выходцы из Нидерландов, Франции и Германии. Видимо, известные структурные изменения в английской экономике были в немалой степени связаны с их участием [4, с. 81–89]. Во всяком случае предпринимательская деятельность иммигрантов в промышленности и торговле совпадает по времени с быстрыми темпами роста английской экономики и ее перестройкой на капиталистический лад. Иммигранты-предприниматели оказали определенное влияние на организацию мануфактурного производства ряда отраслей, а также стимулировали английских ремесленников к поиску более прогрессивных форм производства.

В аграрном секторе английской экономики влияние иммигрантов из европейских стран, очевидно, не было столь значительным, так как при существовании феодальной собственности на землю земельный рынок для них был закрыт до тех пор, пока они не становились частью английской феодальной знати через натурализацию. Однако иммигранты, особенно из Нидерландов, можно сказать, преуспели в осушении и улучшении заболоченных территорий восточных графств. С их непосредственным участием, включая вложение капиталов, были осушены и улучшены десятки тысяч акров земли [10, с. 186–198]. Создав серьезную конкуренцию в этом деле английским компаниям осушителей, они подтолкнули последних к более активной деятельности, к использованию более прогрессивных способов осушения болот и т.п.

Итак, международная обстановка и внешнеполитический курс английской абсолютной монархии во второй половине XVI – первой трети XVII в. способствовал притоку эмигрантов с континентальной Европы именно в Англию. По конфессиональной принадлежности это были протестанты, покинувшие свою родину из-за религиозных гонений. Политика Елизаветы I

Тюдор, Якова I Стюарта и Карла I Стюарта в отношении них не была жестко обусловлена религиозными мотивами. На Британские острова прибывали главным образом ремесленники, мануфактуристы, торговцы. К моменту их массового переселения в Англии сложились благоприятные условия для организации мануфактурного производства: широкий рынок сбыта, благоприятная в целом экономическая политика правительства и т.п. Расселение их в ряде отдаленных районов (например, в Йоркшире) заложило основу для промышленного подъема этих регионов в Новое время. Своей деловой активностью и инновационными идеями в отдельных видах ремесленного производства они оказали, безусловно, положительное воздействие на английскую экономику. Не принижая значения английской буржуазии и нового дворянства, нужно отметить, что европейские иммигранты в эпоху Тюдоров и первых Стюартов внесли определенный вклад в продвижение английской экономики к капитализму.

Список литературы

1. Шатохина Г. А. Нидерланды в XVI веке // Всемирная история : в 6 т. Т. 3. Мир в раннее Новое время / под ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2013. С. 178–192.
2. Уваров П. Ю. Франция во второй половине XV – XVI веке // Всемирная история : в 6 т. Т. 3. Мир в раннее Новое время / под ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2013. С. 136–158.
3. Винокурова М. В. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV – XVI веке // Всемирная история : в 6 т. Т. 3. Мир в раннее Новое время / под ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2013. С. 193–211.
4. Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М. : МГУ, 1990. 99 с.
5. Ивонин Ю. Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. 160 с.
6. Ивонин Ю. Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989. 190 с.
7. Чистозвонов А. Н. Английская политика по отношению к революционным Нидерландам (1572–1585) // Средние века. М., 1954. Вып. 5. С. 196–227.
8. Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
9. Митрофанов В. П. Проблема пауперизма и иммиграции в Англии эпохи Тюдоров и первых Стюартов: некоторые итоги и перспективы исследований // Англоведение в современной России : монография / отв. ред. М. П. Азйзенштат, Т. Л. Лабутина ; Ин-т всеобщей истории РАН. М. : ИВИ РАН, 2019. С. 52–61.
10. Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии. 1550–1640 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2001. 392 с.
11. Евсеев В. А. «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
12. Cunningham W. Alien Immigrants to England. London : Frank Cass and Company Limited, 1969. 286 p.
13. Yungblut L. H. Strangers Settled Here Amongst Us: Policies, Perceptions and the Presence of Aliens in Elizabeth England. Routledge, 2004. 190 p.
14. Goose N., Luu L. Immigrants in Tudor and Early Stuart England Paperback. Chicago : Sussex academic Press, 2005. 280 p.
15. Luu L. B. Immigrants and Industries of London 1500–1700. Routledge, 2019. 384 p.
16. Царева Ю. И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив : Петроглиф, 2020. 368 с.

17. Calendar of State Papers. Domestic series : in 10 vol. Vol. I (1547–1580) / ed. by Mary Ann Everett Green. London : Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1856. 799 p.
18. Calendar of State Papers. Domestic series : in 10 vol. Vol. II (1581–1590) / ed. by Mary Ann Everett Green. London : Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1865. 826 p.
19. Ильин В. Н. Борьба Тюдоров с анабаптизмом (XVI в.) // Англия в эпоху абсолютизма. М. : МГУ, 1984. С. 170–194.
20. Cunningham W. The Growth of English industry and commerce in modern times. Cambridge : University Press, 1925. 771 p.
21. Smith J. Chronicon Rusticum-Commerciale, or Memories of Woll : in 2 vol. New York, 1969. Vol. 1. 508 p.
22. Historical Manuscripts Commission. Calendar of manuscripts of the most honourable the marquess of Solisbery preserved at Hatfield house Hertfordshire : in 24 parts / ed. by G. D. Owen. London : His Majesty's. Stationery office, 1888. Part 3. 717 p.
23. Calendar of State Papers. Domestic series : in 10 vol. Addenda (1566–1579) / ed. by Mary Ann Everett Green. London : Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1871. 668 p.
24. The Victoria History of the Counties of England. A History of Yorkshire : in 7 vol. / ed. by William Page. London : Constable and company limited, 1913. Vol. III. 548 p.

References

1. Shatokhina G.A. The Netherlands in 16th century. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya = The World history: in 6 volumes. Volume 3. The world in early contemporary times*. Moscow: Nauka, 2013:178–192. (In Russ.)
2. Uvarov P.Yu. France in the second half of the 15th – 16th centuries. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya = The World history: in 6 volumes. Volume 3. The world in early contemporary times*. Moscow: Nauka, 2013:136–158. (In Russ.)
3. Vinokurova M.V. England, Scotland and Ireland at the end of the 15th – 16th centuries. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya = The World history: in 6 volumes. Volume 3. The world in early contemporary times*. Moscow: Nauka, 2013: 193–211. (In Russ.)
4. Dmitrieva O.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Anglii v KhVI v. = Socio-economic development of England in 16th century*. Moscow: MGU, 1990:99. (In Russ.)
5. Ivonin Yu.E. *U istokov evropeyskoy diplomatii novogo vremeni = At the origins of modern European diplomacy*. Minsk, 1984:160. (In Russ.)
6. Ivonin Yu.E. *Stanovlenie evropeyskoy sistemy gosudarstv: Angliya i Gabsburgi na rubezhe dvukh epoch = Formation of the European system of states: England and the Habsburgs at the turn of two eras*. Minsk, 1989:190. (In Russ.)
7. Chistozvonov A.N. English policy towards the revolutionary Netherlands (1572–1585). *Srednie veka = Middle ages*. Moscow, 1954;(5):196–227. (In Russ.)
8. Chistozvonov A.N. *Niderlandskaya burzhuaznaya revolyutsiya XVI veka = Dutch bourgeois revolution of the 16th century*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958:192. (In Russ.)
9. Mitrofanov V.P. The problem of pauperism and immigration in Tudor and early Stuart England: some results and research perspectives. *Anglovedenie v sovremennoy Rossii: monografiya = English studies in modern Russia: monograph*. Moscow: IVI RAN, 2019:52–61. (In Russ.)
10. Mitrofanov V.P. Peasants and the state in England. 1550–1640. DSc dissertation. Penza, 2001:392. (In Russ.)
11. Evseev V.A. «Gorodskaya tsivilizatsiya» Anglii ot Tyudorov do Styuartov = “Urban Civilization” of England from the Tudors to the Stuarts. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019:636. (In Russ.)

12. Cunningham W. *Alien Immigrants to England*. London: Frank Cass and Company Limited, 1969:286.
13. Yungblut L.H. *Strangers Settled Here Amongst Us: Policies, Perceptions and the Presence of Aliens in Elizabeth England*. Routledge, 2004:190.
14. Goose N., Luu L. *Immigrants in Tudor and Early Stuart England Paperback*. Chicago: Sussex academic Press, 2005:280.
15. Luu L.B. *Immigrants and Industries of London 1500–1700*. Routledge, 2019:384.
16. Tsareva Yu.I. *Finansovaya politika Tyudorov (1485–1603) = Financial policy of the Tudors (1485–1603)*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Petroglif, 2020:368. (In Russ.)
17. Green Mary Ann Everett (ed.). *Calendar of State Papers. Domestic series: in 10 vol. Vol. I (1547–1580)*. London: Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1856: 799.
18. Green Mary Ann Everett (ed.). *Calendar of State Papers. Domestic series: in 10 vol. Vol. II (1581–1590)*. London: Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1865: 826.
19. Il'in V.N. The struggle of the Tudors with Anabaptism (16th century). *Angliya v epokhu absolyutizma = England in the era of absolutism*. Moscow: MGU, 1984:170–194. (In Russ.)
20. Cunningham W. *The Growth of English industry and commerce in modern times*. Cambridge: University Press, 1925:771.
21. Smith J. *Chronicon Rusticum-Commerciale, or Memories of Woll: in 2 vol*. New York, 1969;1:508.
22. Owen G.D. (ed.). *Historical Manuscripts Commission. Calendar of manuscripts of the most honourable the marquess of Solisbery preserved at Hatfield house Hertfordshire: in 24 parts*. London: His Majesty's. Stationery office, 1888;(pt. 3):717.
23. Green Mary Ann Everett (ed.). *Calendar of State Papers. Domestic series: in 10 vol. Addenda (1566–1579)*. London: Longman, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1871: 668.
24. Page William (ed.). *The Victoria History of the Counties of England. A History of Yorkshire: in 7 vol*. London: Constable and company limited, 1913;III:548.

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Vladimir P. Mitrofanov
Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department of general
history and social science, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: vm@em-england.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.04.2022

Принята к публикации / Accepted 10.05.2022

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-9

Некоторые аспекты реализации новой экономической политики в Пензенской губернии

И. Д. Танасов

Центр выявления и поддержки одаренных детей и молодежи
Пензенской области «Ключевский», Пенза, Россия

ivan-tanasov@list.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено изучению одной из ключевых проблем в российской истории XX в. – реализации новой экономической политики. Это период времени формирования нового для России общества, возникшего на основе взаимодействия различных социально-экономических укладов. Развитие предпринимательства в современной России и его взаимоотношения с государством делает необходимым изучение исторического опыта новой экономической политики. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области. Методологический потенциал включает: историко-сравнительный метод или метод компаративистского анализа, применение которого позволяет выявить общее и особенное в политических практиках и деятельности предпринимателей в Пензенской губернии, историко-генетический, раскрывающий предпосылки и причины восстановления и развития рыночных институтов, а также условия эффективного синтеза и конвергенции государственного контроля и частнохозяйственной деятельности, статистический метод, значимость которого очевидна для анализа количественных данных, связанных с реализацией новой экономической политики. *Результаты.* На основе архивных материалов, ранее не вводившихся в научный оборот, рассмотрены ключевые преобразования по изменению форм организации хозяйственной жизни и отношение к ним городского и сельского населения, партийно-советской бюрократии. Научная новизна заключается в изучении практик реализации основных мероприятий новой экономической политики в региональном аспекте. *Выводы.* Кардинальный характер проводившихся реформ встретил неоднозначную оценку как в среде крестьянства и городских обывателей, так и в среде чиновников партийно-государственного аппарата. Данный период не отличался целостной, продуманной, системной политикой, хотя и были предприняты определенные шаги в направлении признания различных форм собственности.

Ключевые слова: новая экономическая политика, Пензенская губерния, нэпман, Пенза, экономика, предприниматель, кустарь

Для цитирования: Танасов И. Д. Некоторые аспекты реализации новой экономической политики в Пензенской губернии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 115–122. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-9

Some aspects of the implementation of the new economic policy in Penza region

I.D. Tanasov

Center for identification and support of gifted children and youth
of Penza region “Klyuchevsky”, Penza, Russia

ivan-tanasov@list.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the study of one of the key problems in the Russian history of the 20th century – the implementation of the new economic policy. This period is the time of the formation of a new society for Russia, which arose on the basis of the interaction of various socio-economic structures. The development of entrepreneurship in modern Russia and its relationship with the state makes it necessary to study the historical experience of the NEP. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the State Archives of the Penza Region. The methodological potential includes: the historical-comparative method or the method of comparative analysis, the application of which allows to identify the general and particular in the political practices and activities of entrepreneurs in the Penza province, the historical-genetic one, revealing the prerequisites and causes for the restoration and development of market institutions, as well as the conditions for effective synthesis and convergence of state control and private economic activity; a statistical method, the significance of which is obvious for the analysis of quantitative data related to the implementation of the new economic policy. *Results.* On the basis of archival materials that were not previously introduced into scientific circulation, the key transformations in changing the forms of organization of economic life and the attitude of the urban and rural population, the party-Soviet bureaucracy towards them are considered. The scientific novelty lies in the study of the practices of implementing the main measures of the NEP in the regional aspect. *Conclusions.* The cardinal nature of the reforms being carried out met with ambiguous assessment both among the peasantry and urban inhabitants, and among officials of the party and state apparatus. This period was not distinguished by a holistic, thoughtful, systemic policy, although certain steps were taken towards the recognition of various forms of ownership.

Keywords: new economic policy, Penza region, nepman, Penza, economy, businessman, handicraftsman

For citation: Tanasov I.D. Some aspects of the implementation of the new economic policy in Penza region. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):115–122. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-9

Снижение интереса к проблеме нэповской альтернативы в 2000-е гг. было связано с утратой смысла поисков социалистических альтернатив реальному строю и признанием изначальной предопределенности перерождения советского режима в силу характера большевистской партии.

Стал очевиден определенный историографический разворот в исследовании нэповской проблематики. Изучение реформаторского потенциала

НЭПа и политических аспектов жизнедеятельности социума 1920-х гг. было заменено исследованиями в области повседневной истории и массового сознания.

Утверждение взгляда на нэповское общество как на сложную систему взаимосвязей различных социальных групп привело к выделению в самостоятельное исследовательское направление изучения бытовых практик нэповского общества.

Большинство историков пришло к выводу, что расширение базы и спектра исторических исследований нэповской повседневности освободило историческую проблематику от многих стереотипов, а взаимодействие истории с другими гуманитарными науками привело к смене методологических ориентиров.

В настоящее время исследования НЭПа вполне вписываются в очерченные ключевые проблемные сферы постсоветской историографии, включая советскую идентичность, опыт реформ, функционирование института собственности, социальную структуру и стереотипы сознания, изменение правовых институтов и социальных отношений.

В отечественной историографии новой экономической политики особое место принадлежит вопросам, связанным с историей социума 1920-х гг. и его повседневными практиками. На смену изучению экономических и политических аспектов жизнедеятельности социума этого периода пришли исследования в области повседневной истории и массового сознания различных групп населения. Исследование образа жизни, потребностей и повседневной жизни «простого человека» стало главным направлением исторических исследований последних лет: «Проблема нэповской повседневности органично вписалась в новые рамки исследований социальной истории 1920-х гг. в постсоветской историографии, став, по сути, их своеобразной кульминацией. Развитие этого направления в исследованиях стало ярким примером преодоления методологического кризиса, утверждения новых методологических ориентиров, плюрализма в исследованиях и развития междисциплинарных связей» [1, с. 102–116].

Сегодня на переломе столетнего рубежа наиболее актуальной представляется задача обобщения накопленного отечественной историографией опыта в деле изучения региональных аспектов реализации новой экономической политики, изучения специфики влияния пространственного фактора на замыслы, реализацию и результаты реформ [2].

Рассмотрим основные сферы региональной экономики, затронутые реформированием в период НЭПа, на примере Пензенской губернии.

Особое значение советская власть придавала регулированию торговой деятельности. С точки зрения новой власти, контролю подлежали все аспекты, так или иначе связанные с торговлей – от ежедневных цен до оформления жалобных книг в магазинах [3, л. 2]. Отсутствие у большевиков опыта регулирования рыночных отношений привело к тому, что качество этого регулирования изначально было низким. Реставрация элементов рынка естественно вызвала к жизни различные проблемы, которые партийные бюрократы пытались решить привычным и наименее затратным для себя способом – бесконечными реорганизациями органов местного контроля. Подобный подход не

только не решал конкретные проблемы, но и зачастую только обострял и усложнял их.

Так, в 1925 г. на базе комиссии по внутренней торговле при Пензенском губисполкоме был образован Пензенский губернский отдел по регулированию внутренней торговли (Губвнуторг). Ему были подведомственны государственные торговые, кооперативные и частные предприятия, а также биржи, торговые палаты и ярмарки.

В начале своего существования Губвнуторг имел следующую структуру:

- а) заведующий и его заместитель;
- б) секретариат;
- в) статистико-экономический подотдел;
- г) подотдел регулирования внутренней торговли.

В последующие годы структура Губвнуторга неоднократно менялась. С 1 октября 1927 г. разделение на подотделы было ликвидировано и работа была распределена между секциями. 22 июля 1928 г. Губвнуторг был ликвидирован в связи с образованием Пензенского округа [4, л. 1–2].

Большевики, понимая, что переход к новой экономической политике вызовет резкое увеличение в товарообмене элементов рынка, принимают меры по их ограничению. Главным инструментом этого ограничения было постоянное повышение различных денежных сборов. Однако уже к осени 1921 г. товарооборот полностью превратился в привычную для населения куплю-продажу. Летом 1922 г. большевики заявили об уступке. Официально была разрешена свободная торговля мясом, сельскохозяйственными орудиями, семенами, медикаментами. Перечень товаров, разрешенных для продажи, был расширен, допускались посреднические операции.

Но благодаря проведенным в 1923–1924 гг. мероприятиям советское государство сумело ограничить деятельность частного капитала. Перед частником в области товарооборота были поставлены такие барьеры, которые позволили перевести государственное регулирование частного оборота на рельсы строго учета и перспективного планирования.

Чтобы усилить контроль за розничной торговлей, на этот раз и снизу, со стороны обычных покупателей, решением Совнаркома были введены жалобные книги в торговле как обязательный атрибут [3, л. 2, 7, 8].

Постепенно вводились все новые и новые правила, регламентирующие любые элементы торговли, постоянно увеличивалась численность всевозможных уполномоченных, контролирующих реализацию новой экономической политики [5, л. 3, 5, 7] и т.д.

Несмотря на то что новая экономическая политика объявлялась «всерьез и надолго», уже весной 1921 г. начался переход к активной борьбе с развивающимися частнокапиталистическими отношениями. В. И. Ленин требовал научить нарсуды «карать беспощадно, вплоть до расстрела за злоупотребления новой экономической политикой». Власти периодически устраивали показательные суды над «хозяйчиками». Приводя в качестве примера один из первых судебных процессов над 35 частными хозяевами (проходил в Москве в середине декабря 1921 г.), В. И. Ленин на IX съезде Советов призывал умножить число подобных процессов, «строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями» [6, с. 323].

Отношение партийных лидеров, партийной массы и советского аппарата к новой экономической политике в послевоенной и постреволюционной стране было резко отрицательным. Вынужденное согласие с этой политикой держалось исключительно на огромном авторитете В. И. Ленина.

Негативно воспринимался и сам факт отступления от коммунизма, и формы этого отступления. Рядовые большевики не видели никаких перспектив лично для себя в условиях проводимой руководством партии и правительства новой экономической политики.

В 1922 г. после вызванного гражданской войной, крестьянскими восстаниями и политикой военного коммунизма долговременного разрыва всех ранее существовавших и нормально функционировавших экономических связей довольно быстро возрождается в России кооперативное движение.

Не стала исключением и ситуация в среднем Поволжье. В Самарской, Симбирской и Пензенской губерниях после кропотливой работы советского бюрократического аппарата был возрожден обязательный учет сельскохозяйственных кооперативов, сохранившихся или возродившихся к началу новой экономической политики [7].

Декретом ЦИК и СНК СССР от 12.11.23 была введена земельная рента. В 1923 г. с целью упорядочения взимания налогов по всей России по решению политического руководства страны и по требованию Наркомзема (Народного комиссариата по земельному устройству) была осуществлена всеобщая регистрация всех сельскохозяйственных земель [8, л. 8]. Данная мера должна была предшествовать переходу от продразверстки к взиманию твердых налогов. Но явно запаздывала, что лишний раз свидетельствует о вынужденном характере НЭПа, вызванного не столько экономическими потребностями, сколько политическими причинами (открытым вооруженным противостоянием крестьянства) и некоторой спонтанностью в действиях большевистского руководства страны.

Большевики не пошли на восстановление в России частной собственности на землю, ограничившись восстановлением арендных отношений. Арендодателями при этом выступили местные органы власти. Плата в условиях резкого сокращения доходов населения была довольно высокой. Но, чтобы лишний раз не вызывать недовольство среди крестьян (только что большевикам с большим трудом удалось подавить Тамбовское крестьянское восстание, затронувшее и западные уезды Пензенской губернии), оплата аренды допускалась в рассрочку [8, л. 9]. Эта мера была распространена и на промышленность, где она сыграла большое значение. Городские арендаторы платили арендную плату чаще всего за счет текущей выручки.

В городах страны не хватало хлеба, следовательно, быстрее нужно было собирать хлебный налог. Кстати, это породило множество мелких несоразностей в оформлении документов, а в дальнейшем и с размером арендной платы.

Оплата регистрации земли, отмененная советской властью в 1918 г. и вновь проводимая вначале 1920-х гг., ухудшала материальное положение сельских и городских арендаторов. По решению ВЦИК, мероприятия по оформлению землепользования должны были организовать местные органы власти [8, л. 7–13]. Им же вменялось в обязанность и проведение хлебозаготовок [9, л. 25].

Структура регулирования земельных отношений в городе была сложной. Абсолютно произвольная аренда земли предполагала обязательную и платную регистрацию участков. Арендная плата хотя и была довольно низкой, но сопровождалась обязательным отягощением без какой-либо гарантии минимальных сроков. Все это порождало бесконечные тяжбы между соседями.

Земельные споры, как и контроль за земельными отношениями на местах, осуществлял Наркомат сельского хозяйства и подведомственные ему губземуправления. Земельное управление исполнительного комитета Пензенского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов существовало и активно работало в период с 28.12.1921 по 31.07.1928 (Пензенское губземуправление) [10, л. 1–4]. Примерно в это же время в Пензенской губернии функционировал и Пензенский государственный сельскохозяйственный трест (1922–1926) [11, л. 1–3], работа этих органов часто пересекалась и даже дублировалась.

Не лучше дело обстояло и с предоставлением кредитов сельским и городским предпринимателям. Обычному крестьянину или городскому кустарю из Пензенской губернии (Симбирской, Самарской) взять кредит было просто невозможно. В сложившихся условиях возможность использования кредита появилась только у крупных специализированных хозяйств на селе или крупных предприятий в городе. Кроме того, услугами кредитования активно пользовались представители кулачества в деревнях, а в городах разного рода мошенники и аферисты, повсеместно забывавшие вернуть полученное от государства. Провал кредитования был налицо, список получивших кредиты в банках по всей Пензенской губернии уместился на нескольких тетрадных страницах. Суммы самих кредитов редко были достаточными для организации работы среднего или мелкого предприятия [12, л. 1–48].

Для кредитования сельского хозяйства создавались кредсельсоюзы. В частности, Пензенский райкредсельсоюз действовал в 1922–1926 гг. [13, л. 5–6], Пачелмский районный союз кредитных сельскохозяйственных кооперативов – в 1920–1927 гг. [14, л. 1–3]. Чаще всего кредитовались хлебозаготовки и другие заготовки продуктов питания и сырья. Под контролем находились и все существующие артели. Обязательные сведения в органы власти от артелей поступали ежемесячно [15].

Новая власть пыталась вовлечь в этот процесс и частный бизнес. Но в условиях тотального недоверия к государству и отсутствия каких-либо гарантий данные начинания явно не удались, во всяком случае в Среднем Поволжье. На стадии обсуждения находился лишь вопрос о совместном кредитовании, частном и государственном, первом взносе и доле частного капитала в совместном кредитовании [16, л. 1–7]. Мелкую кустарную промышленность на местном уровне контролировали губкустарсоюзы. Пензенский губкустарсоюз существовал в 1919–1928 гг. [17, л. 2–7].

Тем самым большевистское государство вынуждено было искать пути выхода из системного кризиса в рамках существовавшей прежде рыночной экономики. Это противоречило декларируемым марксистским принципам, но позволяло государству выполнять свою основную функцию – управления обществом.

Начиная с 1921 г. страна переживала период экономических экспериментов, период обострения политической борьбы по вопросам о дальнейшем пути развития России. Этот этап вошел в историю под названием НЭП – «новая экономическая политика».

Тем не менее целостной, продуманной, системной политикой этот период не ознаменовался. Были определенные шаги в направлении признания различных форм собственности, легализация частного предпринимательства и в то же время отступление на позиции жесткого государственного регулирования экономической деятельности, экономический диктат по отношению к хозяйствующим субъектам.

Список литературы

1. Орлов И. Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–117.
2. Российские экономические реформы в региональном измерении : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа (г. Новосибирск, 16–17 сентября 2021 г.) / отв. ред. В. А. Ильиных, В. М. Рынков ; Институт истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2021. 452 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 43.
4. ГАПО. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАПО. Ф. Р-1643. Оп. 1. Д. 41.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1970. 744 с.
7. ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2949.
9. ГАПО. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 17.
10. ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 11.
11. ГАПО. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 32.
12. ГАПО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 456.
13. ГАПО. Ф. Р-607. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАПО. Ф. Р-287. Оп. 1. Д. 7.
15. Трудовая правда. 1924. № 196.
16. ГАПО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 455.
17. ГАПО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 17.

References

1. Orlov I.B. Modern Russian Historiography of NEP: achievements, issues, prospects. *Otechestvennaya istoriya = National history*. 1999;(1):102–117. (In Russ.)
2. Il'inykh V.A., Rynkov V.M. (eds.). *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashch. stoletiyu nachala NEPa (g. Novosibirsk, 16–17 sentyabrya 2021 g.) = Russian economic reforms in the regional dimension: proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the NEP beginning (Novosibirsk, September 16–17, 2021)*. Novosibirsk: Parallel', 2021:452. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-153. Op. 1. D. 43 = State Archive of Penza region. Fund R-153. Item 1. File 43*. (In Russ.)
4. *GAPO. F. R-417. Op. 1. D. 1 = State Archive of Penza region. Fund R-417. Item 1. File 1*. (In Russ.)
5. *GAPO. F. R-1643. Op. 1. D. 41 = State Archive of Penza region. Fund R-1643. Item 1. File 41*. (In Russ.)

6. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 44. Iyun' 1921 – mart 1922 = Full composition of writings: in 55 volumes. Volume 44. June of 1921 – March of 1922.* 5th ed. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1970:744. (In Russ.)
7. GAPO. F. R-309. Op. 1. D. 15 = State Archive of Penza region. Fund R-309. Item 1. File 15. (In Russ.)
8. GAPO. F. R-309. Op. 1. D. 2949 = State Archive of Penza region. Fund R-309. Item 1. File 2949. (In Russ.)
9. GAPO. F. R-417. Op. 1. D. 17 = State Archive of Penza region. Fund R-417. Item 1. File 17. (In Russ.)
10. GAPO. F. R-309. Op. 1. D. 11 = State Archive of Penza region. Fund R-309. Item 1. File 11. (In Russ.)
11. GAPO. F. R-201. Op. 1. D. 32 = State Archive of Penza region. Fund R-201. Item 1. File 32. (In Russ.)
12. GAPO. F. R-4. Op. 1. D. 456 = State Archive of Penza region. Fund R-4. Item 1. File 456. (In Russ.)
13. GAPO. F. R-607. Op. 1. D. 7 = State Archive of Penza region. Fund R-607. Item 1. File 7. (In Russ.)
14. GAPO. F. R-287. Op. 1. D. 7 = State Archive of Penza region. Fund R-287. Item 1. File 7. (In Russ.)
15. *Trudovaya pravda = Labor truth.* 1924;(196). (In Russ.)
16. GAPO. F. R-4. Op. 1. D. 455 = State Archive of Penza region. Fund R-4. Item 1. File 455. (In Russ.)
17. GAPO. F. R-4. Op. 1. D. 17 = State Archive of Penza region. Fund R-4. Item 1. File 17. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Иван Дмитриевич Танасов

руководитель Центра выявления и
поддержки одаренных детей и молодежи
Пензенской области «Ключевский»
(Россия, г. Пенза, ул. Попова, 66)

E-mail: ivan-tanasov@list.ru

Ivan D. Tanasov

Head of the Center for identification
and support of gifted children and youth
of Penza region “Klyuchevsky”
(66 Popova street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.09.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 31.01.2022

Принята к публикации / Accepted 28.02.2022

УДК 930.1(09):61

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-10

**Здравоохранение Пензенской области
в годы Великой Отечественной войны и позднего сталинизма:
к историографии проблемы**

И. Н. Иноземцев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Kerskij@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проведение историографической рефлексии темы предопределяется, с одной стороны, развернувшейся полемикой о возможностях сотрудничества между врачами и гуманитариями в области истории медицины, с другой – необходимостью систематизации имеющихся знаний, а также построения программ исторического анализа в связи с растущим числом публикаций российских социальных историков и заметным методологическим индифферентизмом. Цель – выявление основных научных направлений, определение степени разработанности проблемы развития здравоохранения Пензенской области в 1940-х – начале 1950-х гг. *Материалы и методы.* Корпус источников представлен обширной литературой, в которой рассматривались различные практические и теоретические проблемы медицинского обеспечения населения СССР и Пензенской области в 1940-х – начале 1950-х гг., а также ряд сопутствующих сюжетов. Применение компаративистского метода с целью выявления специфики региональной историографии определило обращение к основным концептуальным моделям и подходам, существовавшим в отечественной историографии здравоохранения соответствующего периода. *Результаты.* В ходе проведенного исследования были выявлены и проанализированы основные тенденции и направления исследовательских практик в советской и новейшей историографии здравоохранения военных лет и послевоенного сталинизма. Раскрыты особенности подходов различных групп исследователей к проблеме, определены основные итоги и перспективы ее разработки. *Выводы.* Сложившаяся на сегодняшний день ситуация в историографии отечественного здравоохранения 1940-х – начала 1950-х гг. диктует необходимость проведения междисциплинарного исследования, рассматривающего общественное здоровье как сложный комплекс разноплановых факторных характеристик, включающий деятельность государственных органов здравоохранения, условия труда и быта, образ жизни, ментальные медико-санитарные представления и поведенческие стратегии, наследственную предрасположенность, состояние окружающей среды (климатические и экологические условия).

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, Пензенская область, историография, новая история медицины

Для цитирования: Иноземцев И. Н. Здравоохранение Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и позднего сталинизма: к историографии проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 123–133. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-10

Healthcare of Penza region during the Great Patriotic War and late Stalinism: to the historiography of the problem

I.N. Inozemtsev

Penza State University, Penza, Russia

Kerskij@mail.ru

Abstract. *Background.* Historiographic reflection on the topic is predetermined, on the one hand, by the unfolding controversy about the possibilities of cooperation between doctors and humanities in the history of medicine, on the other hand, by the need to systematize existing knowledge, as well as to build programs of historical analysis, in connection with the growing number of publications by Russian social historians and a noticeable methodological indifference. The goal is to identify the main scientific directions, to determine the degree of development of health development issues in the Penza region in the 1940s – early 1950s. *Materials and methods.* The corpus of sources is represented by an extensive literature, which considered various practical and theoretical problems of medical support for the population of the USSR and the Penza region in the 1940s – early 1950s, as well as a number of related subjects. The use of the comparative method in order to identify the specifics of regional historiography determined the appeal to the main conceptual models and approaches that existed in the national health historiography of the corresponding period. *Results.* In the course of the study, the main tendencies and directions of research practices in the Soviet and modern historiography of health care of the war years and post-war Stalinism were identified and analyzed. The features of the approaches of various groups of researchers to the problem are revealed, the main results and prospects for its development are determined. *Conclusions.* The current situation in the historiography of domestic health care in the 1940s – early 1950s dictates the need for an interdisciplinary study that considers public health as a complex of diverse factor characteristics, including: the activities of public health authorities, working and living conditions, lifestyle, mental health concepts and behavioral strategies, hereditary predisposition, the state of the environment (climatic and ecological conditions).

Keywords: health care, the medicine, Penza region, historiography, new history of medicine

For citation: Inozemtsev I.N. Healthcare of Penza region during the Great Patriotic War and late Stalinism: to the historiography of the problem. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):123–133. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-10

Отечественная историография проблемы охватывает период с 1941 г. по настоящее время, что объясняется ранним зарождением и сохранением стабильного исследовательского интереса к различным сторонам функционирования здравоохранения, прежде всего военного периода.

На первом этапе (1941 г. – середина 1950-х гг.) авторы, которыми в большинстве случаев выступали организаторы здравоохранения и видные советские медики, рассматривали здравоохранение с целью выявления, обобщения и дальнейшей передачи положительного медицинского и организаторского опыта. Первые такие работы появились еще в годы войны, содержали описание передовых методов организации здравоохранения и имели прикладное значение [1, 2]. Достаточно подробно проблемы охраны здоровья трудящихся в довоенный период и в начале войны освещены в книге «Двадцать пять лет Советского здравоохранения», опубликованной в 1944 г. под редакцией Г. А. Митерева [3].

Послевоенное десятилетие отмечено появлением крупных практико-обобщающих работ, ставших стремлением исследователей к систематизации, опубликованию и первичному научному осмыслению доступного материала. Своеобразным итогом данного этапа является фундаментальный труд «Опыт советской медицины в годы Великой Отечественной войны» в 35 томах [4].

Значительный вклад в научную разработку тематики коммунальной санитарии Пензенской области, санитарного просвещения, этиологии эпидемий, эффективности вакцинаций и др. внес Пензенский институт эпидемиологии и микробиологии имени профессора И. И. Мечникова (1923–1952). Свидетельством подробной проработки указанной проблематики являются не только многочисленные рукописи статей сотрудников института и три сборника работ, изданные в 1928, 1932, 1951 г. [5], но и крупные монографические и диссертационные исследования, дающие весьма четкое представление о санитарно-гигиеническом и эпидемиологическом состоянии г. Пензы и области в 1940-х – начале 1950-х гг. [6].

В первый послевоенный год в свет выходит сборник научных работ, посвященный 100-летию юбилею Пензенской областной больницы, ставший итогом некоторых теоретических обобщений опыта лечебной практики видных врачей больницы [7].

На следующем этапе (вторая половина 1950-х – 1990-е гг.) постепенно исчезает медико-прикладная составляющая исследований. Появляются крупные работы по истории Великой Отечественной войны, в той или иной мере затрагивающие вопросы здравоохранения [8]. Дальнейшее развитие получает тенденция к расширению предметного поля и формированию ключевых направлений научного поиска по рассматриваемой проблематике. Основное внимание исследователей этого периода акцентировалось на деятельности коммунистической партии и правительства по перестройке здравоохранения на военные рельсы и послевоенному восстановлению, деятельности тыловых и прифронтовых госпиталей, оказании шефской помощи госпиталям, роли главных специалистов-медиков, противоэпидемическом обслуживании населения [9, 10].

Первой серьезной попыткой научного обобщения местного архивного материала по теме и собственных эмпирических наблюдений становится работа Л. М. Забежинского «Здравоохранение Пензенской области за 50 лет Советской власти: материалы к истории» (1968). В книге поднимаются вопросы работы госпитальной базы региона в годы войны, решения кадровых проблем здравоохранения, оценки санитарно-эпидемического состояния области, развития сети медицинских учреждений и коечной сети в послевоенное десятилетие [11].

Особенности организации хирургической помощи раненым в эвакуогоспиталях Пензенской области, а также послевоенного развития местной хирургии отражены в монографии видного пензенского хирурга С. В. Кульнева (1968). Со ссылкой на количественные показатели возвращенных в строй советских солдат в работе дается высокая оценка работы хирургов и персонала местных эвакуогоспиталей. На примере Пензенской областной больницы обосновывается необходимость организации профильных хирургических отделений [12].

В комплексной работе «Пензенская область в годы Великой Отечественной войны» (1985) В. С. Годиным и Г. П. Шалдыбиным на основе местного архивного фонда представлена общая картина состояния госпитальной базы региона, дана количественная оценка результатов ее деятельности. Акцентируется внимание на трудовом подвиге медиков, развитии донорского движения и оказании шефской помощи госпиталям [13].

Краткие статистические сведения о количестве, кадрах и коечной сети медицинских учреждений области, а также показатели естественного движения населения за отдельные годы рассматриваемого периода представлены в статистических сборниках, изданных в 1950-1960-х гг. [14].

Как видим, местная историография советского периода развивалась в общей канве научных изысканий медицинской проблематики. Историей здравоохранения по-прежнему занимались преимущественно медики, интерес к здравоохранению у профессиональных историков, сосредоточенных на изучении политических и экономических проблем, был незначительным. В исследованиях, во многом носящих тенденциозный характер, авторы, уделяя значительное внимание количественным показателям развития здравоохранения, в особенности его военной отрасли, нередко замалчивали негативные факты, имевшие место в действительности. Такую ситуацию следует связывать как с господством марксистской идеологии, так и с ограниченными возможностями доступа к военной и послевоенной архивной управленческой и партийной документации.

С наступлением кризиса коммунистической идеологии, коренной перестройкой всех сфер общественной жизни и последующим распадом СССР ученые получили большие возможности для разностороннего изучения данной темы. На третьем этапе отечественной историографии здравоохранения (1990-е гг. – наше время) постепенно стала обозначаться тенденция деления на две эпистемологические ветви: традиционалистскую и междисциплинарную (социально-антропологическую).

В центре внимания большинства исследований традиционалистского направления, как правило, находятся вопросы, которые так или иначе уже находились в поле научного дискурса предыдущего периода. Полярность взглядов исследователей (опять же представителей профессиональных медицинских кругов) этого направления нашла отражение в формировании двух подходов в оценке деятельности советского здравоохранения.

Для работ сторонников оптимистического (позитивного) подхода характерно применение советской методологии, использование старой источниковой базы, ориентация в первую очередь на освещение успехов в деятельности органов здравоохранения, корпоративно-эпический дух, чествование наиболее выдающихся представителей отрасли [15].

Схожее толкование проблемы свойственно и для подавляющей части публикаций пензенских исследователей [16, 17]. Из общей массы следует особо выделить монографию В. А. Томилова, которая особенно ценна как содержанием своей медико-прикладной составляющей, так и тщательной проработкой вопросов организации эвакуации раненных в эвакогоспитали Среднего Поволжья [18].

Иную позицию занимают приверженцы прагматико-пессимистического (критического) блока. Их исследования выполнены преимущественно в критическом русле и ставят под серьезное сомнение традиционные представления

о достижениях советского здравоохранения. К примеру, коллектив авторов Национального НИИ общественного здоровья имени Семашко на основе анализа показателей заболеваемости острозаразными инфекционным болезнями не только опровергает утвердившееся в литературе мнение о наступлении в СССР в 1930–1940-х гг. стойкого эпидемического благополучия, но и доказывает то, что в этот период, напротив, произошел рост заболеваемости инфекционными болезнями [19].

В 1960–1970-х гг. на фоне развернувшихся в западной историографии размышлений о кризисе исторического знания и необходимости «онаучивания» истории постепенно оформляется «новая историческая наука», стремящаяся к междисциплинарному концепту истории, за счет активного привлечения методов и моделей общественных наук.

Активное следование социальной истории по этому пути в конечном счете выдвинуло на авансцену такое междисциплинарное направление, как новая социальная история, одной из ветвей которой является новая история медицины. Как отмечает Л. П. Репина, в 1970-е гг. произошел поворот от социально-структурной истории к антропологически ориентированной [20, с. 170]. В связи с этим можно говорить о смещении исследовательского ракурса истории медицины от традиционных предметных областей в сторону истории повседневности и медицинской антропологии, в исследовательском поле которых находится широкий спектр вопросов: от медико-санитарных условий бытовой среды до ментальных представлений, ценностей и моделей поведения людей, связанных с реализацией здоровьесберегающих практик.

С падением старых идеологических догматов и архивной революцией на рубеже 1980-х – 1990-х гг., а также под влиянием идей новой исторической науки в отечественной историографии значительно расширяется предметная область исследований, пересматриваются методологические установки и традиционные представления об историческом процессе, осуществляется постепенный переход на более высокий уровень теоретизации научных положений, вводятся в научных оборот ранее недоступные источники.

Рост познавательных возможностей истории, а также активное включение в разработку историко-медицинской проблематики профессиональных историков привело к появлению немалого числа междисциплинарных трудов общегосударственного и местного характера. Первая их группа в той или иной степени раскрывает проблему состояния здоровья населения через призму исследований быта, демографии, гендера, социальной политики, культуры, продовольственного обеспечения, образования, отдельных социальных групп и др. [21–23]; вторая фокусирует внимание на изучении системы здравоохранения в ее различных контекстах (образовательном, организационно-правовом, социально-профессиональном и др.) [24, 25].

Весьма ощутимой является тенденция регионализации специальных исследований. В этом отношении особенно весомыми представляются достижения сибирских и уральских историков [26, 27].

Региональная специфика организации медицинской помощи в Среднем Поволжье, в частности в Пензенской области, получила освещение в рамках интегративных работ, затрагивающих в первую очередь социальное развитие и состояние бытовой сферы.

Так, Е. Н. Шматов, анализируя состояние социально-бытовой сферы городов Среднего Поволжья в 1941–1945 гг., приходит к выводу, что,

несмотря на упадок практически всех отраслей коммунального хозяйства, была создана достаточно эффективная система постоянного контроля за санитарно-эпидемиологической обстановкой, благодаря которой, в совокупности с самоотверженным трудом медиков, удалось избежать распространения массовых заболеваний [28].

Продолжительность жизни и уровень медицинского обслуживания в качестве одной из важнейших характеристик качества жизни населения Пензенской области в 1946 – начале 1960-х гг. рассматривает Т. Ю. Новинская. Говоря о росте количественных показателей в развитии здравоохранения, автор вместе с тем справедливо отмечает низкое качество медицинского обслуживания, особенно в сельской местности, а также увеличение случаев сердечно-сосудистых, раковых и других заболеваний [29].

Отдельные аспекты повседневной жизни, а также проблемы развития социальной инфраструктуры региона, оказывающие прямое влияние на уровень здоровья и санитарного благополучия жителей, в разной степени отражены в работах Т. А. Евневич, Л. А. Королевой, П. А. Трегуба и др. [30–32].

Особый интерес представляют научные изыскания В. Ю. Кладова. Так, в одной из глав монографии «Время помнить...» на основе привлечения широкого спектра документальных материалов осуществлена попытка реконструкции картины повседневной жизни военнослужащих 37-й запасной стрелковой бригады, дислоцировавшейся в годы Великой Отечественной войны на территории Пензенской области. Детально анализируя взаимосвязь бытовой инфраструктуры, уровня материально-хозяйственного и продовольственного обеспечения и распорядка дня с динамикой смертности и заболеваемости бойцов, исследователь приходит к выводу, что главным фактором смертности личного состава Селиксенского гарнизона являлось общее ослабление организма бойцов, наступившее в условиях хронического недостатка питания, стрессов и тяжелых физических работ. Ситуацию усугубляли слабость медицинской инфраструктуры, а также крайне неблагоприятные условия проживания новобранцев в учебном лагере. Эти факты нашли яркое отражение и на уровне ментальных структур местных жителей: в народной памяти Селикса осталась местом гибели множества бойцов – от голода, холода и болезней [33].

Серьезное научное осмысление демографических процессов (рождаемости, детской смертности и миграции населения), протекавших в Пензенской области в 1941–1945 гг., встречаем в исследовании С. Д. Морозова и М. А. Родинченко. Анализируя ценные статистические данные, авторы констатируют, что прослеживаемая в Пензенской области в годы войны динамика демографических показателей в целом отвечала общегосударственным тенденциям естественного движения населения. Однако пиковая ситуация, когда показатель естественного прироста приобрел свое максимально отрицательное значение, в Пензенской области пришлась на 1943 г., в то время как в общесоюзных масштабах (без учета оккупированных и прифронтовых районов) депопуляция достигла максимальных величин в 1942 г. [34].

Итак, анализ накопленных в литературе сведений о развитии здравоохранения военного и послевоенного периодов показывает, что данная проблема так и не стала предметом фундаментального комплексного исследования как в масштабах Пензенской области, так и в масштабах всей страны.

Для общей картины итогов научных изысканий по теме характерны следующие особенности: доминанта конкретно-исторического изложения, неравномерность глубины освещения отдельных аспектов функционирования отрасли (например, гипертрофированное внимание к деятельности эвакуогоспиталей), переход на региональный уровень осмысления проблемы, освещение проблем здравоохранения сквозь призму ряда сопутствующих сюжетов.

Можно с уверенностью констатировать то, что, несмотря на пополнение историографии за последние три десятилетия немалым количеством новых работ, история медико-санитарной повседневности (собственно, как и новая история медицины в целом) в качестве самостоятельного направления на сегодняшний день в России находится лишь на этапе оформления научного интереса. При этом вне предметного поля исследователей полностью остаются такие категории медико-санитарной повседневности, как ментальные представления, восприятие и поведенческие стратегии советского обывателя.

Список литературы

1. Бородулин В. И., Банзелюк Е. Н., Бергер Е. Е. XXI век: кому писать историю медицины – врачам для врачей или историкам для историков? // *Opera medica historica*. Труды по истории медицины / отв. ред. К. А. Пашков. М., 2019. Вып. 4. С. 42–48.
2. Миловидов С. И. Итоги и задачи работы эвакуогоспиталей НКЗдрава СССР // *Советское здравоохранение*. 1942. № 5–6. С. 17–25.
3. Двадцать пять лет советского здравоохранения. 1918–1943 / под ред. Г. А. Митерева. М., 1944. 294 с.
4. Опыт советской медицины в годы Великой Отечественной войны : в 35 т. Т. 32 : в 3 разд. Разд. 2. М., 1955. 216 с.
5. Сборник трудов Пензенского санитарно-бактериологического института (института эпидемиологии и микробиологии) имени профессора И. И. Мечникова / под ред. директора института Л. М. Забежинского. Пенза, 1928. 88 с. ; 1932. 129 с. ; 1951. 117 с.
6. Забежинский Л. М. Эпидемиология тифо-паратифозных заболеваний в городе Пензе (за годы 1905–1954) : дис. ... д-ра мед. наук. Пенза, 1955. 401 с.
7. 100 лет Пензенской областной больницы : юбилей. сб. науч. работ / отв. ред. А. И. Левков. Пенза, 1946. 111 с.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. М. : Воениздат, 1961. Т. 2. 681 с. ; 1962. Т. 3. 662 с.
9. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. М. : Медицина, 1979. 240 с.
10. Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л. : Медицина. Ленинградское отделение, 1985. 303 с.
11. Забежинский Л. М. Здравоохранение Пензенской области за 50 лет Советской власти: материалы к истории. Саратов ; Пенза : Приволжское книжное изд-во, 1968. 128 с.
12. Кульнев С. В. Развитие хирургии в Пензенской области : монография. Саратов ; Пенза : Приволжское книжное изд-во, 1968. 234 с.
13. Годин В. С., Шалдыбин Г. П. Ради жизни и здоровья людей // *Пензенская область в годы Великой Отечественной войны*. Саратов ; Пенза : Приволжское книжное изд-во, 1985. С. 60–68.
14. Пензенская область за сорок лет Советской власти. 1917–1957. Пенза : Пензенское книжное изд-во, 1957. 544 с.

15. Гладких П. Ф., Локтев А. Е. Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 2005. 720 с.
16. Годин В. С., Савин О. М., Шалдыбин Г. П. Путь в полтора столетия: Страницы истории Пензенской областной больницы имени Н. Н. Бурденко. Пенза, 1996. 352 с.
17. Государственная санитарно-эпидемиологическая служба Пензенской области. К 95-летию со дня основания / под ред. М. В. Перекусихина, Г. В. Пантелеева. Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. 198 с.
18. Томилов В. А. Медицина Среднего Поволжья – фронту : монография. Пенза, 1999. 117 с.
19. Затравкин С. Н., Хабриев Р. У., Щепин В. О., Саркисов А. С. Заболеваемость инфекционными болезнями в СССР: мифы и реальность. Сообщение 1. 1919–1949 годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. № 26 (5). С. 350–356.
20. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей: человек в истории. М., 1990. Вып. 2. С. 167–181.
21. Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М. : ИРИ РАН, 2019. 349 с.
22. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М. : ИРИ, 1996. 265 с.
23. Волкова Е. Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 493 с.
24. Ерегина Н. Т. Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 651 с.
25. Егорова Д. В. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917–1991 годы) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 181 с.
26. Семенов М. А. Здравоохранение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 282 с.
27. Виноградова Т. Н. Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2011. 250 с.
28. Шматов Е. Н. Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. 256 с.
29. Новинская Т. Ю. Благополучие населения Пензенской области: 1946 – начало 1960-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 226 с.
30. Евневич Т. А. Организация бытового устройства эвакуированного в Пензенскую область населения в Великую Отечественную войну // Пензенское краеведение. 2015. № 2 (14). С. 12–15.
31. Королева Л. А. Страницы истории: Пензенская область в период Великой Отечественной войны : монография. Варшава : Diamond trading tour, 2018. 144 с.
32. Трегуб П. А. Социальное развитие села в 1950-е годы: на материалах Саратовской, Пензенской и Ульяновской областей : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 211 с.
33. Кладов В. Ю. Время помнить... : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. 640 с.
34. Морозов С. Д., Родинченко М. А. Рождаемость, детская смертность и миграции населения России в 1941–1945 гг. (по материалам Пензенской области) // История российской повседневности: актуальные проблемы. Пенза, 2016. С. 3–21.

References

1. Borodulin V.I., Banzelyuk E.N., Berger E.E. 21st century: who should write the history of medicine – doctors for doctors or historians for historians? *Opera medica historika. Trudy po istorii meditsiny = Opera of the medica historian. Works on the history of medicine*. Moscow, 2019;(4):42–48. (In Russ.)

2. Milovidov S.I. Results and tasks of the work of evacuation hospitals of the People's Commissariat of Health of the USSR. *Sovetskoe zdravookhranenie = Soviet healthcare*. 1942;(5–6):17–25. (In Russ.)
3. Miterova G.A. (ed.). *Dvadtsat' pyat' let sovetskogo zdravookhraneniya. 1918–1943 = 25th anniversary of the Soviet healthcare. 1918–1943*. Moscow, 1944:294. (In Russ.)
4. *Opyt sovetskoy meditsiny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: v 35 t. T. 32: v 3 razd. Razd. 2 = The experience of Soviet medicine during the Great Patriotic War: in 35 volumes. Volume 33: in 3 parts. Part 2*. Moscow, 1955:216. (In Russ.)
5. Zabezhinskiy L.M. *Sbornik trudov Penzenskogo sanitarno-bakteriologicheskogo instituta (instituta epidemiologii i mikrobiologii) imeni professora I.I. Mechnikova = Proceedings of Penza Sanitary and Bacteriological Institute (Institute of Epidemiology and Microbiology) named after Professor I.I. Mechnikov*. Penza, 1928:88,1932:129,1951:117. (In Russ.)
6. Zabezhinskiy L.M. Epidemiology of typhoid and paratyphoid diseases in the city of Penza (over the years 1905–1954). DSc dissertation. Penza, 1955:401. (In Russ.)
7. Levkov A.I. (ed.). *100 let Penzenskoy oblastnoy bol'nitsy: yubiley. sb. nauch. rabot = 100th anniversary of Penza Regional Hospital: anniversary collected papers*. Penza, 1946:111. (In Russ.)
8. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.: v 6 t. = History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: in 6 volumes*. Moscow: Voenizdat, 1961;2:681,1962;3:662. (In Russ.)
9. Kuz'min M.K. *Sovetskaya meditsina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny = Soviet medicine during the Great Patriotic War*. Moscow: Meditsina, 1979:240. (In Russ.)
10. Ivanov N.G., Georgievskiy A.S., Lobastov O.S. *Sovetskoe zdravookhranenie i voennaya meditsina v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. = Soviet healthcare and military medicine in the Great Patriotic War 1941–1945*. Leningrad: Meditsina. Leningradskoe otdelenie, 1985:303. (In Russ.)
11. Zabezhinskiy L.M. *Zdravookhranenie Penzenskoy oblasti za 50 let Sovetskoy vlasti: materialy k istorii = Healthcare of Penza region for 50 years of Soviet power: materials for the history*. Saratov; Penza: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1968:128. (In Russ.)
12. Kul'nev S.V. *Razvitie khirurgii v Penzenskoy oblasti: monografiya = Development of surgery in the Penza region: monograph*. Saratov; Penza: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1968:234. (In Russ.)
13. Godin V.S., Shaldybin G.P. For the life and health of people. *Penzenskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny = Penza region during the Great Patriotic War*. Saratov; Penza: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1985:60–68. (In Russ.)
14. *Penzenskaya oblast' za sorok let Sovetskoy vlasti. 1917–1957 = Penza region for 40 years of Soviet power. 1917–1957*. Penza: Penzenskoe knizhnoe izd-vo, 1957:544. (In Russ.)
15. Gladkikh P.F., Loktev A.E. *Ocherki istorii otechestvennoy voennoy meditsiny. Sluzhba zdorov'ya v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. = Essays on the history of domestic military medicine. Health Service in the Great Patriotic War 1941–1945*. Saint Petersburg, 2005:720. (In Russ.)
16. Godin V.S., Savin O.M., Shaldybin G.P. *Put' v poltora stoletiya: Stranitsy istorii Penzenskoy oblastnoy bol'nitsy imeni N.N. Burdenko = A journey in a century and a half: Pages of history of Penza regional hospital named after N.N. Burdenko*. Penza, 1996:352. (In Russ.)
17. Perekusikhin M.V., Panteleev G.V. (eds.). *Gosudarstvennaya sanitarno-epidemiologicheskaya sluzhba Penzenskoy oblasti. K 95-letiyu so dnya osnovaniya = State Sanitary and Epidemiological Service of Penza Region. To the 95th anniversary of the founding*. Penza: Izd-vo PGU, 2017:198. (In Russ.)
18. Tomilov V.A. *Meditsina Srednego Povolzh'ya – frontu: monografiya = Medicine of the Middle Volga region – to the front: monograph*. Penza, 1999:117. (In Russ.)

19. Zatravkin S.N., Khabriev R.U., Shchepin V.O., Sarkisov A.S. The incidence of infectious diseases in the USSR: myths and reality. Message 1. 1919–1949. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* = *Problems of social hygiene, public health and the history of medicine*. 2018;(26):350–356. (In Russ.)
20. Repina L.P. Social history and historical angopology: recent trends in modern british and american medieval studies. *Odissey: chelovek v istorii* = *Odysseus: a man in history*. Moscow, 1990;(2):167–181. (In Russ.)
21. Zinich M.S. *Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* = *Daily life of the people during the Great Patriotic War*. Moscow: IRI RAN, 2019:349. (In Russ.)
22. Zima V.F. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* = *Famine in the USSR of 1946–1947: origin and consequences*. Moscow: IRI, 1996:265. (In Russ.)
23. Volkova E.Yu. Women of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945. DSc dissertation. Saint Petersburg, 2008:493. (In Russ.)
24. Eregina N.T. Training of medical personnel in higher education in Russia in 1917 – early 1950s. DSc dissertation. Saint Petersburg, 2010:651. (In Russ.)
25. Egorova D.V. Legal policy in the field of healthcare and legal protection of public health in the Soviet state (1917–1991). PhD dissertation. Saratov, 2011:181. (In Russ.)
26. Semenov M.A. Health care of Western Siberia during the Great Patriotic War. PhD dissertation. Tomsk, 2013:282. (In Russ.)
27. Vinogradova T.N. Development of healthcare in the Southern Urals in 1945–1953. PhD dissertation. Orenburg, 2011:250. (In Russ.)
28. Shmatov E.N. Cities of the Middle Volga during the Great Patriotic War. 1941–1945. PhD dissertation. Samara, 2003:256. (In Russ.)
29. Novinskaya T.Yu. Welfare of the population of the Penza region: 1946 – early 1960s. PhD dissertation. Penza, 2002:226. (In Russ.)
30. Evnevich T.A. Organization of a household device for the population evacuated to the Penza region during the Great Patriotic War. *Penzenskoe kraevedenie* = *Penza local history*. 2015;(2):12–15. (In Russ.)
31. Koroleva L.A. *Stranitsy istorii: Penzenskaya oblast' v period Velikoy Otechestvennoy voyny: monografiya* = *Pages of history: Penza region during the Great Patriotic War: monograph*. Varshava: Diamond trading tour, 2018:144.
32. Tregub P.A. Social development of the village in the 1950s: by the materials of Saratov, Penza and Ulyanovsk regions. PhD dissertation. Saratov, 2004:211. (In Russ.)
33. Klavov V.Yu. *Vremya pomnit'...: monografiya* = *It is time to remember...: monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2021:640. (In Russ.)
34. Morozov S.D., Rodinchenko M.A. Birth rate, infant mortality and migration of the population of Russia in 1941–1945. (by materials from Penza region). *Istoriya Rossiyskoy povsednevnosti: aktual'nye problemy* = *The history of Russian everyday life: current problems*. Penza, 2016:3–21. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Иван Николаевич Иноземцев

аспирант, ассистент кафедры истории России и методики преподавания истории, директор Музея истории педагогического образования, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Kerskij@mail.ru

Ivan N. Inozemtsev

Postgraduate student, assistant of the sub-department of history of Russia and methods of teaching history, director of the Museum of the History of Pedagogical Education, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.05.2022

Принята к публикации / Accepted 30.05.2022

УДК 94(470)

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-11

Создание народных университетов в Пензенской области

А. А. Королев¹, И. Д. Вазеров²

^{1,2}Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия

¹cntgyjdf-2012@mail.ru, ²history@pguas.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Народные университеты в СССР представляли собой общественные учебные заведения, являлись массовой формой непрерывного образования граждан. Параллельно с другими образовательными и воспитательными структурами они занимались политическим, экономическим, культурным образованием советских граждан, повышением квалификации кадров. Исследование образования и развития сети народных университетов на региональном уровне способствует воссозданию объективной картины повседневной жизни населения в обозначенных хронологических рамках; дополнению исторического знания о содержании и формах деятельности государства и общественности по повышению общего и профессионального уровня подготовки населения. Цель работы – рассмотреть причины, предпосылки и ход организации народных университетов в Пензенской области в конце 1950-х – начале 1960-х гг. *Материалы и методы.* Задачи исследования были выполнены на основе анализа и обобщения документов Государственного архива Пензенской области – материалов фондов Пензенской областной организации общества «Знание» и обкома партии. В работе использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы. *Результаты.* Исследованы виды народных университетов, содержание и формы их работы, организация учебного процесса в них, преподавательские и лекторские кадры, состав слушателей. *Выводы.* Изучение практики народных университетов в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Пензенской области позволило выявить ключевые тенденции и трудности в развитии такой формы непрерывного образования и воспитания советского населения, определить вектор последующего исследования научной проблемы.

Ключевые слова: СССР, Общество по распространению политических и научных знаний, народный университет, Пензенская область

Для цитирования: Королев А. А., Вазеров И. Д. Создание народных университетов в Пензенской области // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 134–143. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-11

Creating people's universities in Penza region

A.A. Korolev¹, I.D. Vazеров²

^{1,2}Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

¹cntgyjdf-2012@mail.ru, ²history@pguas.ru

Abstract. *Background.* People's universities in the USSR were public educational institutions, were a mass form of continuous education of citizens. In parallel with other educational and educational structures, they were engaged in the political, economic, cultural education of Soviet citizens, and advanced training of personnel. The study of the education and development of the network of folk universities at the regional level contributes to the

restoration of an objective picture of the daily life of the population in the indicated chronological framework; To supplement historical knowledge of the content and forms of public and State activities to improve the general and professional level of public training. The purpose of the work is to consider the reasons, prerequisites and the course of organizing people's universities in Penza region in the late 1950s and early 1960s. *Materials and methods.* The research tasks were carried out on the basis of the analysis and synthesis of documents of the State Archive of Penza Region – materials from the funds of Penza Regional Organization of the Knowledge Society and the regional party committee. The work used methods: historical and genetic method, historical and comparative method. *Results.* The types of folk universities have been studied, the content and forms of their work, organization of the educational process in them, teaching and lecture staff, the composition of the listeners. *Conclusions.* The study of the practice of folk universities in the late 1950s and early 1960s in the Penza region made it possible to identify key trends and difficulties in the development of such a form of continuous education and education of the Soviet population, to determine the vector of subsequent research into the scientific problem.

Keywords: USSR, Society for dissemination of political and scientific knowledge, People's University, Penza region

For citation: Korolev A.A., Vazero I.D. Creating people's universities in Penza region. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2022;(2):134–143. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-11

Введение

В современных реалиях информационного общества и цифровизации многих социальных процессов роль образования и непрерывного получения знаний, в первую очередь профессиональных, имеет огромное значение. Образование выступает ключевым фактором и в воспитании нравственности и морали в российском социуме. В настоящее время спектр видов организации получения информации очень обширен, и изучение опыта подобных существовавших форм, в том числе в СССР, представляется весьма актуальным и целесообразным.

С конца 1950-х гг. в СССР в условиях строительства развитого социалистического общества, научно-технического прогресса, культурного подъема руководство страны обозначило задачу организации непрерывного образования населения, формирования всесторонне развитой личности строителя коммунизма. В связи с этим начинается активное создание народных университетов как модели массовой культурно-просветительской работы, пропаганды научно-технических знаний и т.п.

Проблемой устройства и содержания деятельности народных университетов в СССР занимались О. И. Волкова [1], А. В. Даринский [2], Л. В. Дубровина [3], Г. П. Зинченко [4], С. М. Косолапов [5], М. Д. Махлин [6] и др. Важное значение для углубления данной проблематики имели первые Всесоюзные научно-методические конференции, посвященные развитию народных университетов в СССР, состоявшиеся в 1967, 1972, 1976 г. В постсоветский период данная тема получила развитие, но уже с других методологических позиций, в работах Г. В. Алжейкиной [7], В. И. Рыбалка [8], Д. А. Пинаевой [9], А. В. Селезнева [10] и др. Авторы, отмечая политизированность содержания работы народных университетов, признают их высокую значимость как формы общественной организации дополнительного профессионального образования взрослого населения и общего саморазвития.

Народные университеты организовывались Обществом по распространению политических и научных знаний («Знание»), министерствами образования, культуры, здравоохранения, творческими союзами, профсоюзами. Первым видом народных университетов нового типа стали университеты культуры. Программа КПСС 1961 г. ориентировала на дальнейшее развития системы народных университетов. В 1961 г. Научно-методический совет по работе народных университетов культуры Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний выпустил «Примерное положение о народных университетах культуры». В документе подчеркивалось, что главная их задача состояла в том, чтобы содействовать повышению коммунистической сознательности широких народных масс, идейно-эстетическому воспитанию, пропаганде новейших достижений науки, техники и передового опыта. Университеты культуры различных типов были призваны «всемерно помогать Коммунистической партии в формировании нового человека, доходить идейным влиянием до каждого советского человека, развивать у слушателей стремление к самообразованию, помогать им лучше использовать приобретенные знания в жизни, активно участвовать в осуществлении Программы Коммунистической партии Советского Союза, решений XXII съезда КПСС» [11, с. 3]. Профиль и структура народных университетов культуры определялись в зависимости от местных условий и запросов. Работа народных университетов строилась на добровольных началах, «на патриотическом стремлении ученых, общественных деятелей, работников науки, техники, культуры, новаторов производства нести знания народу» [11, с. 4].

Материалы и методика

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Пензенской области: Ф. Р-2535 – Пензенская областная организация общества «Знание»; Ф. П-148 – Пензенский обком КПСС. При изучении вопроса были применены следующие методы: историко-генетический метод, позволяющий выявить причины трансформации в содержании и формах пропагандистской работы и распространения знаний, обобщить источники и воссоздать общую картину образования народных университетов в регионе; историко-сравнительный метод, ориентированный на определение роли Общества по распространению политических и научных знаний в практике народных университетов в Пензенской области в обозначенных хронологических рамках.

Обсуждение

В Пензенской области первый народный университет культуры был создан в 1959 г. в г. Белинском под руководством П. Ф. Максяшева: «Здесь, как и в других уголках страны, основой духовной жизни трудящихся стало стремление к изучению огромного наследства, созданного лучшими представителями русской и мировой культуры в области литературы и искусства» [12, л. 5]. Позже П. Ф. Максяшев напишет, что «вопросы, поднимавшие в университете, заставляли по-новому смотреть на окружающие явления»; «большинство слушателей университета стали запевалами благородного начинания – сделать свой город городом высокой культуры и быта»

[13, л. 60–61]. Общественный совет и слушатели университета явились «инициаторами трехлетки культуры – замечательного почина, нашедшего своих последователей во всей области» [14, с. 1].

В 1960 г. в Пензенской области функционировало всего 22 народных университета с общим количеством слушателей около 6000 человек [15, л. 160]. Общегородские университеты культуры имелись в г. Белинском, Городище, Кузнецке, Лунино, Нижнем Ломове, Никольске, Пензе, Сердобске. Заводские университеты культуры были созданы при клубах Сосновоборской суконной фабрики «Творец рабочий», Сурской фабрики «Красный Октябрь», завода Белинсксельмаш (г. Каменка), Никольского стекольного завода, железнодорожной станции р.п. Чаадаевка, строителей (г. Пенза), Дизельного завода (г. Пенза); при Домах культуры имени С. М. Кирова и имени 40-летия Октября (г. Пенза) [16, л. 53–54]. Университеты культуры были организованы в Высшем офицерском артиллерийском училище г. Пензы и воинской части в г. Каменке. Во многих университетах культуры были следующие факультеты: педагогических, технико-экономических, юридических знаний; изобразительного, музыкального, театрального искусства; литературы; физического воспитания. Позже появились университеты здоровья при Доме санпросвета (г. Пенза), культуры торговли при горторготделе (г. Пенза), передового опыта в сельскохозяйственном производстве (р.п. Лунино), педагогических и медицинских знаний для родителей (г. Кузнецк) и др. К середине 1960 г. возникли колхозный университет в колхозе с. Мача Белинского района и рабочий университет на Евлашевском деревообделочном комбинате Кузнецкого района.

В справке областного отделения Общества «Об итогах 1959–1960 учебного года в университетах культуры Пензенской области» подчеркивалось, что это был год первого опыта в работе университетов культуры: «Много неясного было, еще больше препятствий и трудностей встречалось на пути» [17, л. 84].

Как правило, университеты имели постоянный состав слушателей, набранных в определенном порядке: подача заявления, рассмотрение его в комиссии по приему, решение о приеме и зачисление в состав слушателей. В ряде случаев слушателями университета являлись все, кто приобретал абонемент, предоставлявший право на посещение занятий в университете. В информационной справке референта Общества В. П. Хадыкина указывалось, что в 1961–1962 учебном году состав слушателей народных университетов области примерно выглядел следующим образом: рабочих – 44 %, служащих – 27 %, колхозников – 4 %, учащихся, пенсионеров, домохозяек – 25 %, молодежь в возрасте до 30 лет – около 40 % [18, л. 40].

Лекторами в университетах культуры обычно работали преподаватели высших и средне-специальных учебных заведений, учителя средних школ, квалифицированные работники искусства (художники, актеры и др.), специалисты сельского хозяйства, инженерно-технические работники, партийно-советский актив. Преподавательский состав университетов почти повсеместно утверждался на бюро городских и районных комитетов партии. В 1964 г. в народных университетах области работало 1233 квалифицированных преподавателя, в том числе 150 преподавателей вузов, 550 учителей школ, 351 специалист сельского хозяйства, 221 врач, 35 работников литературы и

искусства; около 50 лекторов и преподавателей университетов имели ученые степени [19, л. 25].

Самой серьезной проблемой являлось обеспечение университетов лекторами из г. Пензы, в первую очередь по таким дисциплинам, как музыка, театр, изобразительное искусство и т.п. В декабре 1959 г. преподаватели художественного училища Балукин, Оя, Постнов, председатель местного отделения Союза художников Сидоров, директор картинной галереи Вавилин не удовлетворили заявку университета культуры воинской части г. Каменки. В 1960 г. директор облтеатра Михайлов категорически отказался направить лекторов в народные университеты завода Белинсксельмаш и пос. Чаадаевку. Слушатели народных университетов отмечали, что директор музыкального училища Никишин в лучшем случае относился безразлично, иногда мешал посылке лекторов на периферию. Директор филармонии Янков был «озабочен коммерческими интересами, которые он совсем нехотел проявлять, когда речь идет о народных университетах, работающих на началах общественности» [20, л. 38]. В справке областного отделения Общества подчеркивалось: «Музыкальное и художественное училище, театр и филармония, союз художников – руководители этих организаций должны понять, что выделение ими лекторов для периферийных университетов культуры есть не любезность и не одолжение, а общественный долг этих руководителей, и они обязаны без волокиты удовлетворять все заявки с мест на лекторов» [20, л. 4].

Учебные программы в университетах разрабатывались непосредственно на местах с учетом возможностей; рассматривались в правлениях Общества, органах культуры, профсоюзных и комсомольских организациях; утверждались обычно на бюро райкомов и горкомов партии. В «Характеристике состояния народных университетов» уточнялось, что учебно-тематические программы составлялись в соответствии с запросами слушателей. Каждая учебная программа преследовала цель «дать слушателю определенную сумму знаний и совокупность взглядов на окружающие явления в природе и обществе» и включала в себя «короткое изложение содержания и методологических установок курса или предмета». Учебные программы строились «по принципу, чтобы изучение и усвоение материала шло от простого к сложному, от общего к конкретному, от прошлого к настоящему» [19, л. 3]. В подготовке программ народных университетов принимали участие работники Дома политического просвещения пензенского обкома КПСС, Областного дома санитарного просвещения, методический кабинет культурно-просветительной работы управления культуры облисполкома и т.д. Однако в 1964 г. проверка показала, что примерные программы, издававшиеся Всесоюзным обществом, почти не использовались университетами области, главным «пороком» программ являлся «случайный выбор тем, не дававших систему знаний», не предусматривалось «изучение конкретных знаний» [21, л. 302].

Как правило, продолжительность обучения в народном университете составляла два года; учебный год начинался 1 сентября, заканчивался 15 апреля в сельской местности и 1 июня на промышленных предприятиях, районных центрах и т.п.

Основу учебного процесса в университетах составляли лекции, которым отводилось не менее 80–90 % всего учебного времени. Кроме того,

использовались и другие формы обучения – семинары, экскурсии, конференции, концертные номера и т.п. Например, слушатели Белинского городского и Мачинского колхозного университетов культуры совершали экскурсии в музей В. Г. Белинского (с. Чембар) и М. Ю. Лермонтова (с. Тарханы) [22, л. 17]. В помощь преподавателям и слушателям университетов на местах издавались методические материалы. Так, Пачелмское районное отделение Общества выпустило специально для университетов брошюру о передовом опыте птичницы А. С. Служиной, плакат о достижениях бригадира тракторной бригады совхоза «Черкасский» Горшенина, листовки о передовиках производства района [13, л. 7].

Для руководства работой университетов создавались общественные Советы народных университетов. В случае их отсутствия этим занимались или директор, утверждавшийся на бюро горкома или райкома партии, или один из руководителей городского или районного отделения Общества.

В 1960–1961 учебном году в Пензенской области работал уже 31 университет культуры с общим количеством слушателей 6000 человек, в том числе 16 общегородских, 10 на промышленных предприятиях, 4 общерайонных (в сельской местности), 1 колхозный. По профилю университеты делились так: 16 – по вопросам литературы и искусства, 3 – по научно-техническим знаниям и передовому опыту в промышленности, 2 – по сельскохозяйственным знаниям и передовому опыту в сельском хозяйстве, 2 – по педагогическим знаниям, 2 – по вопросам гигиены и здоровья, 2 – по юридическим знаниям, 1 – по вопросам коммунистического воспитания, 1 – по физическому воспитанию, 1 – по вопросам торговли [13, л. 2].

20 августа 1960 г. ЦК КПСС принял постановление «О работе университетов культуры», где они определялись как «действенные формы идейного и эстетического воспитания трудящихся, повышения их производственной и трудовой активности». В документе указывалось на «крупные недостатки» в их работе. В первую очередь это увлечение культурничеством и развлекательством в ущерб идейному марксистско-ленинскому воспитанию; зачастую изучение произведений литературы и искусства не увязывалось с формированием коммунистического мировоззрения, воспитанием у слушателей чувства коллективизма и трудолюбия, советского патриотизма и социалистического интернационализма. По мнению партийных идеологов, значительно снижал эффективность работы университетов культуры «абстрактно-просветительский, академический подход к делу. В ряде случаев их программы обращены в далекое прошлое, слабо связаны с жизнью народа, с активными задачами коммунистического строительства и воспитанием нового человека, перегружены незначительными и случайными темами» [23, с. 549]. Но содержание программ районных университетов культуры Пензенской области свидетельствует, скорее, о чрезмерном акценте на изучении материалов партийных съездов и пленумов, Программы КПСС, Морального кодекса строителя коммунизма, «исторической неизбежности перехода от капитализма к социализму» и т.п., нежели об их «развлекательном» характере. Большая часть лекций и практических занятий посвящалась конкретным вопросам – эстетическому воспитанию населения, театральному искусству, опыту передовиков производства, охране здоровья детей, строению организма человека, нормированию труда и пр. [16, л. 9, 12, 36–37].

29 декабря 1960 г. президиум правления Всесоюзного общества принял постановление «Об участии организаций Всесоюзного общества в работе университетов культуры», где отмечалось, что «актуальность тематики, всесторонний учет духовных интересов народа, популярность, наглядность и доходчивость, умелое использование идейного и эмоционального воздействия лучших произведений литературы и искусства позволили многим университетам культуры стать важным средством массовой пропаганды коммунистической идеологии» [16, л. 113]. Однако, подчеркивал президиум, многие организации Общества слабо вникали в содержание и организацию работы народных университетов культуры, нередко примиренчески относились к недостаткам в их деятельности и пр.

Пензенское отделение предприняло серьезные меры к исправлению ситуации, в результате чего количество народных университетов несколько сократилось. Вопросы деятельности университетов чаще стали рассматриваться на заседаниях правления Общества, обкомов машиностроения и союза строителей, отделов культуры горисполкомов и т.п. Общество совместно с органами культуры начали систематически осуществлять учебу руководителей народных университетов, проводить семинары для лекторов-общественников. В работе местных народных университетов культуры стала четче прослеживаться их «специализация»: по основным отраслям знаний (общественно-политические, экономические, сельскохозяйственные, педагогические и др.) и по отраслям культуры (музыка, изобразительное искусство и др.). Особое внимание уделялось применению полученных в университете знаний на практике; со слушателями активнее использовались такие формы, как обсуждение, приглашение узких специалистов, выезды на предприятия и т.п.

В 1961–1962 учебном году в Пензенской области работало 27 народных университетов всех профилей (18 общегородских и районных в городах, 7 – на промышленных предприятиях, 2 – в колхозах и совхозах) с общим количеством слушателей более 3000 человек [24, л. 16]. В 1962–1963 учебном году – 26 университетов с общим количеством слушателей 4075 человек, в 1963–1964 учебном году – 48 университетов с общим количеством слушателей 6770 человек. Народные университеты культуры являлись рациональной и популярной формой пропаганды искусства и основ научных знаний.

Выводы

Таким образом, народные университеты как общественные учебные организации способствовали самообразованию, культурному развитию и повышению профессионального уровня трудящихся. В начале 1960-х гг. в области, как и в целом по стране, создавались преимущественно народные университеты культуры, причем в основном по изучению вопросов литературы и искусства; затем постепенно происходило увеличение количества видов и типов народных университетов. Народные университеты культуры как элемент культурно-просветительской деятельности характеризовались востребованностью и доступностью для всех желающих. При сильной идеологической составляющей в их практике, свойственной советскому периоду истории, народные университеты культуры одновременно выполняли образовательные, культурные и воспитательные задачи; прививали взрослым гражданам потребность в регулярном самообразовании.

Список литературы

1. Волкова О. И. Народные университеты. Саратов : Книжное изд-во, 1962. 52 с.
2. Организационные проблемы народных университетов : науч.-метод. рекомендации / под ред. А. В. Даринского. Л. : [б. и.], 1970. 176 с.
3. Дубровина Л. В. Народные университеты. М. : Знание, 1963. 231 с.
4. Зинченко Г. П. Непрерывное образование – веление времени. М. : Знание, 1988. 63 с.
5. Народные университеты : сб. ст. / сост. С. М. Косолапов. М. : Советская Россия, 1961. 111 с.
6. Махлин М. Д. Активизация учебно-воспитательного процесса в народных университетах. М. : Знание, 1977. 44 с.
7. Алжейкина Г. В. Деятельность народных университетов культуры в Чувашии // Концепт. 2012. № 5. С. 56–60. URL: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/1260.htm>
8. Рыбалка В. И. Деятельность народных университетов в сельской местности Марийской АССР в 60–80-е годы XX столетия // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 106–110.
9. Пинаева Д. А. Народные университеты в системе непрерывного образования советских граждан в 1970–1980 гг. (на примере Татарской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (39). С. 164–169.
10. Селезнев А. В. Формы и масштаб просветительской деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 91–114.
11. Примерное положение о народных университетах культуры. М. : Знание, 1961. 7 с.
12. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 152.
13. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 112.
14. Народный университет // Пензенская правда. 1965. 6 января. С. 1.
15. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 89.
16. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 106.
17. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 94.
18. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 138.
19. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 132.
20. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 97.
21. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 134.
22. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 99.
23. Справочник партийного работника. М. : Госполитиздат, 1961. Вып. 3. 835 с.
24. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 4156.

References

1. Volkova O.I. *Narodnye universitety = People's universities*. Saratov: Knizhnoe izd-vo, 1962:52. (In Russ.)
2. Darinskiy A.V. (ed.). *Organizatsionnye problemy narodnykh universitetov: nauch.-metod. rekomendatsii = Organizational problems of public universities: scientific and methodical recommendations*. Leningrad: [b. i.], 1970:176. (In Russ.)
3. Dubrovina L.V. *Narodnye universitety = People's universities*. Moscow: Znanie, 1963: 231. (In Russ.)
4. Zinchenko G.P. *Nepreryvnoe obrazovanie – velenie vremeni = Continuing education is the call of the times*. Moscow: Znanie, 1988:63. (In Russ.)
5. Kosolapov S.M. (comp.). *Narodnye universitety: sb. st. = People's universities: collected articles*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1961:111. (In Russ.)
6. Makhlin M.D. *Aktivizatsiya uchebno-vospitatel'nogo protsessa v narodnykh universitetakh = Activation of the educational process in people's universities*. Moscow: Znanie, 1977:44. (In Russ.)

7. Alzheykina G.V. Activities of the People's Universities of Culture in Chuvashia. *Kontsept = Concept*. 2012;(5):56–60. (In Russ.). Available at: <http://www.covenok.ru/kontsept/2012/1260.htm>
8. Rybalka V.I. Activities of People's Universities in Rural Areas of the Mari ASSR in the 60–80s of the 20th century. *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik = Mari Archaeographic Bulletin*. 2015;(25):106–110. (In Russ.)
9. Pinaeva D.A. People's Universities in the system of lifelong education of Soviet citizens in 1970–1980 (by the example of the Tatar ASSR). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice*. 2014;(1–2):164–169. (In Russ.)
10. Seleznev A.V. Forms and scale of educational activities of the Krasnoyarsk regional organization of the society “Znaniye” in 1947–1992. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya = Historical journal: scientific researches*. 2018;(6):91–114. (In Russ.)
11. *Primernoe polozhenie o narodnykh universitetakh kul'tury = Approximate regulations on people's universities of culture*. Moscow: Znanie, 1961:7. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-2535. Op. 1. D. 152 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 152. (In Russ.)
13. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 112 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 112. (In Russ.)
14. People's university. *Penzenskaya Pravda = Penzenskaya pravda*. 1965;6 Jan:1. (In Russ.)
15. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 89 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 89. (In Russ.)
16. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 106 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 106. (In Russ.)
17. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 94 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 94. (In Russ.)
18. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 138 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 138. (In Russ.)
19. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 132 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 132. (In Russ.)
20. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 97 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 97. (In Russ.)
21. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 134 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 134. (In Russ.)
22. GAPO. F. R-2535. Op. 1. D. 99 = State Archive of Penza region. Fund R-2535. Item 1. File 99. (In Russ.)
23. *Spravochnik partiynogo rabotnika = Party worker's handbook*. Moscow: Gospolitizdat, 1961;(3):835. (In Russ.)
24. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 4156 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 4156. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Алексей Александрович Королев

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства (Россия,
г. Пенза, ул. Германа Титова, 28)

Alexey A. Korolev

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of history and philosophy, Penza State
University of Architecture and Construction
(28 Germana Titova street, Penza, Russia)

E-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru

Илья Денисович Вазеров

аспирант, Пензенский государственный
университет архитектуры
и строительства (Россия, г. Пенза,
ул. Германа Титова, 28)

E-mail: history@pguas.ru

Илья D. Vazero

Postgraduate student, Penza State
University of Architecture and Construction
(28 Germana Titova street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 23.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.01.2022

Принята к публикации / Accepted 10.02.2022

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике • история.

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; E-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.